

НОРА РОБЕРТС

NO. 1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR

Опасные тайны

Нора Робертс

Опасные тайны

Серия «Опасные тайны 2», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124076
Опасные тайны: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39921-5

Аннотация

Молодая женщина Келси Байден узнает, что ее мать, которую она считала умершей, жива и недавно вышла из тюрьмы. Желая сама во всем разобраться, Келси едет к матери, на ее ферму в Виргинии, где попадает в незнакомый ей мир игроков и лошадников. Здесь Келси встречает азартного, обворожительного Гейба, профессионального игрока. Увлеченные водоворотом страсти, молодые люди готовы преодолеть все препятствия ради своей любви.

Но тайны, пришедшие из прошлого, запутывают и без того непростые отношения Келси с матерью и с любимым.

Но ничто не в силах разлучить влюбленных.

Содержание

1	4
2	30
3	63
4	93
5	121
6	143
7	183
Конец ознакомительного фрагмента.	210

Нора Робертс

Опасные тайны

Посвящается Филлис Грен и Лесли Гельбману

1

Доставая письмо из своего почтового ящика, Келси и подумать не могла, что оно пришло от женщины, которую она считала умершей. Бежевый конверт, аккуратно написанный от руки адрес и почтовый штемпель штата Виргиния выглядели обыденно. Настолько, что, переобуваясь в домашние туфли, Келси бросила письмо – вместе с остальной корреспонденцией – на старинный белькеровский столик, стоявший в гостиной.

Оттуда она сразу пошла на кухню и налила себе бокал вина. «Выпью его не торопясь, маленькими глотками, – сказала себе Келси, – и только потом возьмусь за почту».

Разумеется, ей не было нужды черпать храбрость в алкоголе, чтобы разобраться со счетами, ворохом рекламных проспектов и с веселенькой открыткой, присланной ее знакомой с Карибских островов, куда та отправилась на отдых. Все дело было в толстом конверте от адвоката. Келси знала, что в нем находится ее свидетельство о разводе. Официаль-

ная бумага, которая превращала ее из Келси Монро обратно в Келси Байден – из замужней женщины в разведенную.

Конечно, глупо было из-за этого расстраиваться, и Келси понимала это. На протяжении последних двух лет она оставалась женой Уэйда чисто формально, а ее общий стаж замужней женщины лишь ненамного превышал этот срок. Просто в послании адвоката, сделавшем развод фактом, было гораздо больше определенности, чем во всех спорах, ссорах, слезах, гонорарах юристам и любых лавированиях и уловках, непременно сопровождающих бракоразводный процесс.

«Пока смерть не разлучит нас...» – вспомнила Келси и отпила глоток вина. Какая чушь! Если бы это было правдой, ей пришлось бы умереть теперь, в двадцать шесть лет. А она была жива, *чувствовала* себя живой, несмотря на то что перспектива снова оказаться в числе незамужних женщин несколько ее пугала.

Келси передернулась.

Должно быть, Уэйд сейчас празднует развод со своей фигуристой подружкой из рекламного агентства. Это с ней он завел интрижку – связь, которая, как он однажды заявил потрясенной Келси, ее не касается и не имеет никакого отношения к их семейной жизни.

Но Келси так не думала. Возможно, ее собственная смерть или скоропостижная кончина Уэйда и не казались ей обязательными условиями их расставания, однако к остальным

своим клятвам, данным при вступлении в брак, она относилась с должной серьезностью. И клятва верности занимала в этом списке одну из первых строк.

Ну уж дудки! Келси была уверена, что бойкая крошка Лэри с ее зовущей улыбкой и вызывающе стройным телом, точно вылепленным бесконечными занятиями аэробикой, имеет к ней самое прямое отношение, и она решила не давать Уэйдку спуску. Исполнившись решимости не потакать его, как он выразился, «минутным слабостям», Келси не стала терять даром время и, собрав самые необходимые вещи, выехала из их общего дома в Джорджтауне, бросив все, что они нажили за свою недолгую совместную жизнь.

Бежать обратно, к отцу и мачехе, было унижительно, но и остаться с Уэйдом ей не позволяла гордость. Что касалось любви, то она умерла в тот же момент, когда Келси обнаружила, какое уютное гнездышко свили себе Уэйд и Лэри в номере отеля в Атланте.

Да, с насмешкой вспомнила она, для всех троих это был сюрприз так сюрприз, когда она вошла в номер с дорожной сумкой через плечо, приехав в Атланту с романтическим намерением провести с Уэйдом остаток его командировки.

Возможно, она была чрезмерно принципиальной, не слишком гибкой, отчаянно эгоистичной и жестокосердной – а именно в этом обвинил ее Уэйд, когда она, потребовав развода, не захотела отказываться от своих намерений, – однако Келси убедила себя, что правда во всех отношениях остава-

лась на ее стороне.

Допив вино, Келси вернулась в гостиную своей уютной и тихой квартирki в добропорядочной Вифезде¹, куда она переехала после того, как ушла от Уэйда. В ее новом жилище не было ни одного стула, ни одного подсвечника из их общего дома в Джорджтауне, и комнаты казались несколько пустоватыми, особенно днем, когда их заливал яркий солнечный свет, но зато царящая здесь почти стерильная чистота действовала на нее успокаивающе. Скудость обстановки спасала ее от воспоминаний и помогала утвердиться в принятом решении. Развод так развод! Она этого хотела, она этого добилась. Простая мебель холодных светлых тонов и открытки с музейными видами, которые окружали ее теперь, принадлежали ей и только ей.

Задержавшись у стереоустановки, Келси включила проигрыватель компакт-дисков, и в комнате зазвучала бетховенская Третья патетическая. Любовь к классике она унаследовала от отца, и это было отнюдь не единственным пристрастием, которое было для них общим. Как и он, Келси обожала узнавать что-то новое, и, если бы не работа в рекламном агентстве Уэйда «Монро ассошиэйтс», ее первая серьезная работа, – она вполне могла бы превратиться в вечную студентку.

Но, даже работая, она не бросила занятия, с упоением от-

¹ **Вифезда** – фешенебельный район в пригороде Вашингтона. (*Здесь и далее – прим. пер.*)

даваясь самым разнообразным предметам, начиная с антропологии и кончая зоологией. Правда, Уэйд частенько над ней посмеивался, поскольку ее метания между различными университетскими курсами – от одной специальности к другой – оставались выше его понимания.

Когда Келси вышла за Уэйда замуж, она сразу ушла из «Монро ассошиэйтс». Благодаря его доходам и средствам из наследственного опекунского фонда у нее не было необходимости работать, чтобы зарабатывать себе на жизнь, и она посвятила все свое свободное время перестройке и украшению городского дома, который они купили. Келси нравилось заниматься домом – обдирать старую краску, наводить глянец на полы, охотиться по пыльным антикварным лавкам за редкостными вещами, которые она присматривала. В своих стараниях Келси дошла до того, что расчистила крошечный палисадник, отчистила кирпич на садовых дорожках, выкорчевала сорняки и распланировала хоть и крошечный, но разбитый по всем правилам настоящий английский сад. Эта нелегкая работа доставляла ей удовольствие, и за какой-нибудь год с небольшим запущенный городской особнячок превратился в настоящее произведение искусства, памятник ее вкусу, терпению и усилиям.

А теперь, когда все рухнуло, он превратился просто в совместно нажитую недвижимость, которой предстояло быть разделенной пополам.

Сразу после того, как обнаружилась измена Уэйда, Келси

вернулась к академическим занятиям – в эту тихую гавань, где можно было если не позабыть о реальном мире, то отодвинуть его от себя по крайней мере на несколько часов в день. Кроме того, Келси нашла работу на полставки в Национальной галерее, куда ее с удовольствием взяли, как только она предъявила сертификат о прослушанном ею курсе истории искусств.

У нее по-прежнему не было необходимости работать ради куска хлеба. Опекунский фонд, оставленный на ее имя дедом по отцовской линии, обеспечивал Келси достаточным доходом, чтобы она могла по своему выбору заниматься тем, что ее больше интересовало.

Итак, она снова свободная женщина, подумала Келси, глядя на гору почты. Молодая, одинокая, привлекательная. Разбирающаяся понемногу во всем, но ни в чем – фундаментально. Даже брак, в котором, как ей казалось, она преуспела, обернулся вполне тривиальным крушением.

Келси потихонечку вздохнула, подошла к белькеровскому столику и нерешительно побарабанила по казенному конверту пальцами – длинными, тонкими пальцами, которые умели играть на пианино, рисовать, печатать, готовить, составлять компьютерные программы. Ее пальцы многое умели делать блестяще, вот только обручальное кольцо на них не удержалось.

– Трусиха! – вслух обругала себя Келси, но тем не менее отложила в сторону пакет от адвоката. Вместо него она

взяла в руки длинный конверт, адрес на котором был написан почерком, очень похожим на ее собственный, – такими же округлыми буквами, аккуратно, но несколько размашисто выписанными. Чувствуя лишь легкий интерес, Келси вскрыла конверт.

«Дорогая Келси!

Я понимаю, что ты, должно быть, удивилась, получив это письмо...»

Келси стала читать дальше, и понемногу любопытство в ее глазах уступило место самому настоящему потрясению, которое, в свою очередь, сменилось сомнением. Сомнение же было вытеснено чем-то похожим на страх.

Это было письмо от умершей женщины. От женщины, которую Келси считала мертвой и которая по странному стечению обстоятельств была ее родной матерью.

Сколько Келси себя помнила, в случае возникновения каких-либо трудностей или проблем, которые она не могла преодолеть самостоятельно, она всегда обращалась за советом и помощью к одному человеку. Ее любовь и вера в отца были единственными постоянными чертами беспокойного и переменчивого характера Келси. И он всегда оказывался рядом, оставаясь не тихой гаванью, в которой можно укрыться от бурь и штормов, а надежной и крепкой рукой, за которую можно было держаться, пока гроза не пройдет стороной. Самые ранние воспоминания Келси были связаны с ним – с его

серьезным, спокойным лицом, с его мягкими и ласковыми руками, с его негромким, бесконечно терпеливым голосом. Она помнила, как он завязывал ей бантики, под музыку Баха или Моцарта вплетая ленточки в ее прямые и очень светлые волосы. Это он поцелуями лечил ее синяки и ушибы, он учил ее читать, кататься на велосипеде и осушал ее горькие детские слезы.

И Келси обожала отца и страшно гордилась им и его важной работой декана факультета английской литературы Джорджтаунского университета. Когда он женился во второй раз, она страшно ревновала, но уже к восемнадцати годам Келси вполне сознательно радовалась за отца, нашедшего кого-то, кого он полюбил и с кем мог разделить свою жизнь. В их с отцом доме и – что тоже было немаловажно – в душе Келси нашлось место для Кендис, и втайне она даже гордилась собственным «взрослым» бескорытием и благородством, с которыми она приняла мачеху и сводного брата.

Возможно, для нее это было достаточно просто, ибо она понимала, что ничто и никто не сможет разрушить ту крепкую духовную связь, которая установилась между ней и ее отцом.

Ничто и никто, думала она, кроме матери, которую она столько лет считала умершей.

Жгучая обида, потрясение от сознания того, что ее предали, боролись внутри ее с холодной яростью и гневом, пока она пробиралась сквозь транспортные пробки, направля-

ьясь к богатым особнякам, выстроенным на берегах Потوماка в штате Мериленд. Из квартиры Келси выскочила без куртки и даже не включила обогреватель в салоне своего «Спит-файра», однако она не чувствовала пронизывающего холода февральского вечера. Напротив, щеки Келси пылали от обуревавших ее чувств, отчего ее фарфоровое личико словно светилось изнутри, а серые, как озерная вода зимой, глаза метали молнии.

Остановившаяся у светофора в ожидании разрешающего сигнала, Келси выбивала нетерпеливую дробь по рулевому колесу, отчаянно желая, чтобы скорее загорелся зеленый и она могла бы спешить, спешить, спешить дальше. Келси изо всех сил старалась успокоиться и ни о чем не думать, но рот ее при этом сжимался в тонкую, бескровную линию, скрывая красоту и щедрость полных изогнутых губ.

«Только не надо ни о чем думать сейчас», – приказывала себе Келси. Не надо думать о том, что ее мать, оказывается, не умерла и живет в Виргинии – всего в каком-нибудь часе езды. Нельзя думать об этом, иначе она просто-напросто закричит.

Но ее руки сильно дрожали, когда она свернула на величественную, обсаженную могучими деревьями улицу, где прошло ее детство, и подъехала к кирпичному трехэтажному особняку в колониальном стиле, в котором она выросла.

Дом выглядел аккуратным и безмятежным, словно церковь. Недавно выкрашенные окна поблескивали отмытыми

стеклами, а внешняя отделка наводила своей белизной на мысли о непорочной душе. Из каминной трубы поднимались курчавые клубы дыма, а в палисаднике, на клумбе вокруг вяза, проглядывали из земли первые робкие ростки крокусов.

Безупречный дом в безупречном квартале. Так она всегда думала. Надежный, безопасный, уютный, обладающий своим собственным спокойным достоинством и респектабельностью, расположенный всего в нескольких минутах езды от округа Колумбия, на территории которого была расположена и столица страны со всеми ее галереями и памятниками.

Громко хлопнув дверцей, Келси выскочила из машины и, подбежав к входной двери, резко ее распахнула. В этот дом она могла входить не стучась. Не успела Келси, однако, ступить на пестревшую берберским геометрическим орнаментом ковровую дорожку, которой была застелена белая плитка прихожей, как из гостиной ей навстречу вышла Кендис.

Как и всегда, одета она была безупречно. В своем консервативном синем шерстяном костюме Кендис выглядела как настоящая профессорская жена. Ее волосы были зачесаны назад, выгодно открывая миловидное, еще совсем молодое лицо и простые жемчужные сережки.

– Келси, какой приятный сюрприз! Надеюсь, ты останешься на ужин? Сегодня мы как раз принимаем кое-кого с факультета, и я могла бы...

– Где он? – резко перебила Келси, и Кендис моргнула от неожиданности. Только теперь она заметила, что Келси бук-

важно кипит и вот-вот взорвется. Меньше всего ей хотелось, чтобы за час до прихода гостей ее дом стал ареной одной из бурных сцен, на которые ее падчерица была большая мастерица.

– Что-нибудь случилось? – спросила она настороженно.

– Где папа?

– Ты расстроена, Кел. Это опять из-за Уэйда? – Кендис махнула рукой так, словно эта проблема не стоила внимания. – Я понимаю, развод – не очень приятная штука, но все-таки это не конец света. Пойдем лучше в гостиную и поговорим.

– Я не хочу говорить с тобой, Кендис. Я хочу поговорить со своим отцом, – Келси непроизвольно сжала кулаки. – Скажут мне, наконец, где он, или мне самой поискать?

– Привет, сестренка! – по лестнице, широко улыбаясь, спускался Ченнинг. От матери он унаследовал привлекательную внешность и страсть к головоломным авантюрам, которая, по словам Кендис, взялась неизвестно откуда. Когда его мать вышла замуж за Филиппа Байдена, ему было только четырнадцать, однако врожденное чувство юмора и неизменный оптимизм помогли ему без труда освоиться в новом положении.

– Что случилось-то?

Келси глубоко вдохнула воздух, с трудом удерживаясь от того, чтобы не закричать.

– Где папа, Чен?

– Герр профессор работают в кабинете, просили не беспокоить. Зарылся в отчетный доклад или что он там пишет...

Произнося все это, Ченнинг слегка приподнял брови. Он тоже без труда распознал признаки сильнейшего гнева – на щеках Келси горел румянец, а глаза метали искры. Бывали времена, когда он бросался тушить этот огонь, но порой Ченнинг позволял себе раздуть его до размеров небольшого лесного пожара.

– Послушай, Кел, ты ведь не собираешься впустую убить целый вечер, общаясь с этими книжными червями? Может, нам с тобой прошвырнуться по ближайшим ночным клубам?

Келси только молча тряхнула головой и ринулась мимо брата к кабинету отца.

– Келси! – понесся ей вслед неожиданно резкий голос Кендис. – Неужели нельзя быть немного посдержаннее?

«Нельзя, – подумала Келси, рывком распахивая дверь отцовского кабинета. – Нельзя, черт побери!»

Захлопнув дверь за собой, она некоторое время ничего не говорила и только часто и тяжело дышала, пока слова – быстрые, горячие – бурлили у нее в груди, не в силах вырваться наружу сквозь стиснутое судорогой горло.

Филипп Байден сидел за своим любимым дубовым столом, почти полностью скрытый кипами бумаг и стопками книг. В худой руке он нерешительно сжимал ручку. Профессор всегда утверждал, что лучшие вещи рождаются и лучшие идеи приходят к нему именно во время таинства писания,

и потому упорно отказывался перенести свои материалы в компьютер.

Глаза его за стеклами очков в тонкой серебряной оправе казались большими и круглыми, как у совы. Подобный взгляд неизменно свидетельствовал о том, что профессор творит, отрешившись от всего окружающего. Но вот взгляд его прояснился, он узнал Келси и улыбнулся. Свет настольной лампы блеснул на его коротких седых волосах.

– А вот и моя дочка! Заходи. Как раз вовремя... Вот, прочти. Это черновик моей новой статьи о поэзии Йетса. Боюсь, я опять начал слишком издаека.

Он выглядит таким нормальным, только и подумала Келси. Совершенно нормальным в своем аккуратном твидовом пиджаке и знакомом галстуке. И еще – красивым, спокойным, умиротворенным. Да и как ему не быть умиротворенным в этом уютном мирке, если его со всех сторон окружают тома поэзии – книги гениев и о гениях... А ее собственный мир только что разлетелся вдребезги.

– Она жива! – выпалила Келси. – Она жива, а ты... ты лгал мне всю мою жизнь!

Филипп Байден побледнел, а взгляд его метнулся в сторону. Лишь на долю секунды, на какое-то мгновение Келси увидела в его глазах потрясение и страх.

– О чем ты говоришь, Келси? – спросил он нарочито спокойным голосом, однако чувствовалось, что ему потребовалась вся его сила воли, чтобы удержать себя в руках и не дать

своим словам прозвучать умоляюще.

– Только не лги мне сейчас! – Одним прыжком Келси оказалась возле стола. – Не лги, слышишь?! Моя мать жива, и ты знал об этом. Знал с самого начала, а мне говорил, что она умерла.

Паника, острая, словно лезвие скальпеля, вонзилась Филиппу прямо в грудь.

– Откуда у тебя эти сведения?

– От нее самой. – Келси запустила руку в сумочку и вытащила оттуда злосчастное письмо. – От моей матери. Может быть, хоть теперь ты скажешь мне правду?

– Можно взглянуть?

Вздернув голову, Келси посмотрела на него сверху вниз. Этот взгляд пронзил его насквозь.

– Так моя мать умерла?

Филипп колебался. Ложь, которую он столько времени хранил в своем сердце, стала ему так же близка, как дочь, но он понимал, что, выбрав одно, неминуемо потеряет второе.

– Нет. Могу я посмотреть письмо?

– Значит, вот так, да? – Слезы, которые Келси с таким трудом сдерживала, вдруг подступили к самым глазам. – Просто «нет», и все? После стольких лет лжи и обмана?

«Только одна ложь, только один обман, – подумал Филипп. – Да и времени прошло совсем немного».

– Я постараюсь все тебе объяснить, Келси. Но мне хотелось бы сначала взглянуть на письмо.

Не сказав больше ни слова, она отдала отцу конверт. Смотреть на него ей было тяжело, и Келси отвернулась к высокому узкому окну, где темнота понемногу гасила последние отсветы вечерней зари.

Письмо так сильно дрожало в руках Филиппа Байдена, что ему пришлось положить бумагу на стол. Почерк он узнал сразу. Ошибиться было невозможно. Письма, написанного именно этой рукой, он и боялся. И все же он прочел его внимательно, не пропуская ни единого слова.

«Дорогая Келси!

Я понимаю, как ты, должно быть, удивилась, получив это письмо. Но написать тебе раньше мне казалось неразумным и нечестным. Телефонный звонок, наверное, был бы в данной ситуации более уместным, но мне кажется, что тебе понадобится некоторое время, чтобы все как следует обдумать. И принять решение. А письмо оставляет тебе несравнимо большую свободу выбора.

Они сказали тебе, что я умерла, когда ты была совсем крошкой. В некотором смысле так оно и было, и поэтому я согласилась с их решением пощадить тебя и избавить от всего того, что могло на тебя обрушиться. Но с тех пор прошло больше двадцати лет, ты больше не ребенок и, как мне кажется, имеешь право знать, что твоя мать жива. Пожалуй, это – не самая приятная новость, однако я так решила и никогда не буду об этом жалеть.

Если тебе захочется просто увидеть меня или

у тебя появятся вопросы, требующие ответа, – приезжай. Я живу на ферме «Три ивы» в окрестностях Блюмонта, штат Виргиния. Срок действия этого приглашения не ограничен. Если когда-нибудь ты решишь приехать, то сможешь остаться столько, сколько тебе захочется. В случае если ты никак не дашь о себе знать, я буду знать, что ты не хочешь поддерживать со мной никаких отношений. Надеюсь, впрочем, что любопытство, которое двигало тобой еще в детстве, заставит тебя по крайней мере один раз поговорить со мной.

Твоя Наоми Чедвик».

Наоми!.. Филипп закрыл глаза. Наоми...

Прошло почти двадцать три года с тех пор, как он видел ее в последний раз, но он помнил все так отчетливо, как будто это было вчера. Он помнил и запах ее духов, навевавший мысли о темных аллеях, где с ветвей дубов свисают серебристые гирлянды испанского мха, помнил ее заразительный, звонкий смех, который неизменно заставлял мужчин оборачиваться, помнил светлые, пепельно-платиновые волосы, которые, подобно туману, стекали ей на спину, помнил ее гибкое тело и спокойные темные глаза.

Его воспоминания были такими отчетливыми, что, когда Филипп открыл глаза, ему на мгновение показалось, что он снова видит перед собой Наоми. В первую секунду его сердце совершило неистовый, бешеный скачок – то рвались на свободу страх и желание, которые он столько времени подав-

лял в себе, – но это была Келси, которая, напряженно выпрямившись, смотрела куда-то в сторону.

Да разве мог он забыть Наоми? Как он мог забыть ее, когда достаточно одного взгляда на дочь, чтобы увидеть ее будто наяву?

Он поднялся из-за стола и налил себе виски из хрустального графина. Обычно он редко прикасался к чему-то более крепкому, чем легкий коктейль или ежевичная настойка, и держал виски для гостей, однако сейчас ему необходимо было выпить чего-нибудь покрепче, что помогло бы ему справиться с дрожью в руках.

– И что ты собираешься предпринять? – спросил он.

– Я еще не решила. – Келси упорно продолжала смотреть в сторону. – Это будет во многом зависеть от того, что ты скажешь мне сейчас.

Филиппу очень хотелось подойти к ней и крепко обнять за плечи, но он не решился. Он сомневался, что Келси воспримет этот жест правильно. Хорошо бы сейчас сесть и спрятать лицо в ладонях, подумал он, но это было бы проявлением слабости, да и вряд ли могло помочь.

Но больше всего Филиппу Байдену хотелось вернуться на двадцать три года назад и попытаться предпринять что-то такое, что помешало бы слепой судьбе разрушить, превратить в прах его счастливую жизнь.

Но это – увы! – было невозможно.

– Все не так просто, Келси.

– Ложь редко бывает простой.

Наконец она повернулась к отцу, и его пальцы судорожно сжали стакан. Какое удивительное сходство! Такие же светлые волосы, и так же небрежно взъерошены, такие же темные глаза, и так же горит румянец на высоких, резко очерченных скулах. Да, верно говорят, что многие женщины выглядят лучше всего в моменты, когда их эмоции и чувства приближаются к высшей точке.

Так было с Наоми. И так же – с ее дочерью.

– Ведь ты же лгал мне все эти годы, да? – продолжила Келси. – Ты лгал, бабушка лгала, она тоже лгала... – она указала на стол, где лежало письмо. – И если бы оно не пришло, ты продолжал бы обманывать меня и дальше...

– Да. Во всяком случае, до тех пор, пока я считал бы, что так лучше для тебя.

– Лучше для меня? Как это может быть? Что хорошего в том, чтобы я считала свою мать умершей? Как вообще ложь может быть лучше, чем правда?

– Ты всегда слишком хорошо знала, что хорошо, а что – плохо, что белое, а что – черное. Это достойное зависти качество. – Профессор покачал головой и отпил глоток. – И пугающее, признаюсь откровенно. Даже в детстве ты никогда не отступала от гм-м... своих моральных норм. Что касается большинства людей, то им порой бывает нелегко правильно судить о своих и чужих поступках.

Глаза Келси вспыхнули. В том же самом обвинял ее и

Уэйд.

– То есть это я во всем виновата?

– Нет, нет... – Он закрыл глаза и задумчиво потер лоб. – Ты ни в чем не виновата, хотя все это началось именно из-за тебя.

– Филипп! – Постучав в дверь, в кабинет заглянула Кендис. – Дорсеты пришли.

Профессор улыбнулся вымученной, усталой улыбкой.

– Займи их, дорогая. Мне нужно поговорить с Келси. Это займет всего несколько минут.

Кендис украдкой бросила на приемную дочь взгляд исподлобья. В этом взгляде Келси заметила смешанное выражение неодобрения и покорности.

– Хорошо, только, пожалуйста, недолго. Ужин подадут ровно в семь. Положить для тебя прибор, Кел?

– Нет, Кендис, спасибо. Я не останусь ужинать.

– Ну хорошо, только не задерживай отца слишком долго. – Она вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Келси вздохнула и снова выпрямилась.

– Она знает?

– Да. Мне пришлось сказать ей еще до того, как мы поженились.

– Пришлось сказать ей... – повторила Келси. – Ей, а не мне.

– Поверь, это решение далось мне нелегко. И никто на моем месте не смог бы сделать это без колебаний. Наоми, твоя

бабушка и я – мы трое считали, что действуем в твоих интересах. Тебе было всего три года, и ты едва-едва перешагнула порог младенчества.

– Но я вот уже несколько лет как взрослая, па. Я побывала замужем и даже успела развестись.

– Но ты пока еще не знаешь, как быстро порой летит время. – Он сел, не выпуская из рук стакан с виски. За прошедшие двадцать с лишним лет Филипп Байден успел убедить себя, что момент, подобный этому, никогда не наступит, и от этого его разочарование было вдвое горше. До сегодняшнего вечера его жизнь текла размеренно и спокойно, и он не мог даже подумать, что когда-то она снова совершит крутой, как на американских горках, вираж. Впрочем, Наоми ни в грош не ставила спокойствие – безразлично, свое или чужое.

И Келси тоже. Для нее настал момент истины, и она заставила всех говорить правду, какой бы горькой она ни была.

– Я уже рассказывал тебе, что твоя мать была одной из моих студенток. Мне она казалась очень красивой, совсем юной и трепетной. Я так и не понял, почему ее потянуло ко мне; единственное, что я могу сказать, это то, что все произошло очень быстро. Головокружительно быстро. Мы поженились через полгода после того, как увидели друг друга впервые. Этого срока оказалось недостаточно, чтобы каждый из нас понял, насколько разными людьми мы были по характеру и складу ума. Мы оба жили в Джорджтауне, оба происходили, как говорится, из уважаемых семей, но

Наоми отличалась такой внутренней свободой, о которой я не мог и мечтать. Она была непосредственна, раскованна, но самой яркой ее чертой оказалось влечение к новым людям, местам, вещам. И, конечно, к ее лошадям...

Он сделал еще один глоток, чтобы притупить боль воспоминаний.

– Теперь мне кажется, что именно из-за лошадей все и началось. После твоего рождения Наоми очень хотела вернуться на свою ферму в Виргинии. Ей хотелось, чтобы ты росла там. Что касается меня, то все мои амбиции, желания, надежды на будущее были здесь. Я уже начал работать над докторской диссертацией, и мысль о том, чтобы стать деканом факультета английской литературы, подстегивала мое честолюбие, но тогда мы оба сумели найти временный компромисс. Я стал проводить в Виргинии все свои выходные, но этого, как видно, было недостаточно. Проще говоря, мы начали отдаляться друг от друга.

«Не проще – безопаснее, – подумал он, печально глядя в бокал. – Тогда не так больно».

– В конце концов мы решили развестись, но тут возникла еще одна проблема. Наоми настаивала, чтобы ты осталась с ней, на ферме, а мне хотелось, чтобы ты росла здесь. Скачки, разведение чистокровных лошадей – я был слишком далек от всего этого и не понимал людей, которые окружали ее постоянно: всех этих жокеев, объездчиков, букмекеров. Сначала мы до хрипоты спорили друг с другом, потом каж-

дый из нас нанял адвоката.

– Процесс об опеке? – ахнула потрясенная Келси. – Вы судились из-за того, кому я достанусь?

– Это оказалось некрасивое и постыдное дело. Как могли два человека, которые когда-то любили друг друга и у которых родился ребенок, стать смертельными врагами за столь короткое время? Не слишком-то это большой комплимент человеческой натуре. – Он поднял голову и наконец-то встретился глазами с дочерью. – Я отнюдь не горжусь этим, Келси, но в глубине души я был уверен, что ты принадлежишь мне. Наоми уже начала встречаться с другими мужчинами, и один из них, по слухам, был связан с организованной преступностью. Такая женщина, как она, всегда притягивает к себе мужчин, да Наоми и не особенно старалась сдерживаться. Как будто нарочно, как будто бросая вызов мне и всему миру, она флиртовала направо и налево, устраивала бесконечные вечеринки, занималась своими скачками, словно хотела показать, что живет так, как ей больше нравится, и не видит в этом ничего страшного.

– Словом, ты выиграл дело, – хмуро кивнула Келси. – Ты выиграл процесс об опеке, получил меня в свое полное распоряжение и решил соврать мне, будто моя мать умерла.

Она снова повернулась в сторону – к окну, которое стало совершенно темным. В стекле отражался ее собственный неясный, призрачный образ.

– Но не вы же одни разводились в семидесятые годы. Были

и другие случаи, другие дети, которые оказывались в таком же положении. Опека предусматривает посещения. У меня было право видеться с ней.

– Она не хотела, чтобы ты с ней виделась. Как и я.

– Но почему? Потому что она сбежала с кем-то из своих любовников?

– Нет, не поэтому. – Филипп отставил стакан в сторону, с осторожностью опустив его на серебряный поднос. – Потому что она застрелила одного из них. Потому что она десять лет просидела в тюрьме за убийство.

Келси медленно повернула голову. Медленно, потому что воздух в комнате внезапно показался ей тяжелым и плотным, как вода.

– За убийство? Ты хочешь сказать, что моя мать – убийца?

– Я надеялся, что мне не придется рассказывать тебе об этом. Никогда... – Филипп тяжело поднялся из-за стола. Он был почти уверен, что в абсолютной тишине кабинета Келси услышала, как хрустнули его суставы.

– Когда это случилось, ты была со мной, и я благодарю Бога за то, что ты была не на ферме. Наоми застрелила своего любовника – молодого человека по имени Алек Бредли. Они оба были в спальне, когда... когда между ними возникла ссора. Наоми достала из ящика револьвер и убила его. Тогда ей было двадцать шесть – столько же, сколько тебе сейчас. Суд признал ее виновной в убийстве второй степени. Когда я видел Наоми в последний раз, она была уже в тюрьме. Она сама

сказала мне, что предпочла бы, чтобы ты считала ее мертвой. В случае, если я соглашусь, сказала она, она клянется не пытаться связаться с тобой. И вплоть до настоящего времени держала слово.

– Ничего не понимаю! – Келси закрыла лицо руками.

– Я тоже был за то, чтобы избавить тебя от этого знания. – Филипп нежно взял ее за запястья и заставил опустить руки, чтобы видеть лицо дочери. – Если защищать, оберегать тебя всеми доступными мне способами было неправильно, тогда – да, я признаю, что ошибался. Но извиняться – нет, извиняться мне не за что. Я любил тебя, Келси. В тебе был заключен смысл всей моей жизни. Не осуждай меня за это.

– Нет, я не стану осуждать тебя. – Повинуясь своей давней привычке, Келси положила голову на плечо отца. – Мне самой нужно хорошенько подумать, чтобы во всем разобраться. Все это кажется совершенно невероятным. Я даже не помню ее, па. Совсем не помню.

– Тебе тогда было слишком мало лет, – пробормотал профессор, чувствуя, как его захлестывает волна облегчения. – Но ты на нее похожа. Так похожа, что иногда это кажется мне невероятным. Несмотря на некоторые свои недостатки, Наоми была женщиной привлекательной и тонко чувствующей.

«Склонность к насилию была одним из ее недостатков, – подумала Келси. – Неужели и в этом я тоже на нее похожа?»

– Вопросов слишком много, – произнесла она вслух. – И я пока не в состоянии подобрать ни одного толкового ответа.

– Почему бы тебе не переночевать у нас? – поинтересовался Филипп, понемногу приходя в себя. – Как только я провожу гостей, мы сможем поговорить обстоятельнее.

Это было довольно соблазнительное предложение. Больше всего Келси хотелось очутиться в своей безопасной, до последней половицы знакомой спальне и – как бывало не раз – позволить отцу утешить себя, развеять все недавшие ее сомнения.

– Нет, мне надо вернуться домой. – Келси поспешно отпрянула, покидая уютное отцовское плечо, чтобы не размякнуть и не поддаться слабости. – Мне нужно некоторое время побыть одной. И так уже Кендис злится, что я помешала тебе встретить гостей.

– Она все поймет.

– Ну конечно, поймет, но тебе все-таки лучше пойти вниз. А я, пожалуй, уйду через черный ход – мне что-то не хочется сталкиваться ни с кем из наших старых знакомых.

Филипп заметил, что возбужденный румянец истаял со щек Келси, отчего ее светлая кожа стала казаться еще более тонкой и нежной.

– Может, все-таки останешься, Кел?

– Да нет, со мной все в порядке. Просто мне нужно время, чтобы освоиться с новой информацией. Поговорим потом, па. Ступай к гостям, а потом, попозже, мы еще раз обсудим, как нам быть.

Келси поцеловала отца в знак прощения, но и как бы вы-

нуждая его поторопиться. Оставшись одна, она подошла к столу и посмотрела на оставшееся на столешнице письмо.

Так прошло несколько мгновений. Наконец Келси сложила письмо и убрала конверт обратно в сумочку.

Ну и денек, подумала она. За какие-то несколько часов она потеряла мужа и обрела мать.

2

Иногда бывает очень полезно уступать своим подсознательным импульсам и желаниям. «Ну, может быть, очень редко», – поправила себя Келси, ведя машину по шоссе № 7, которое то взбиралось на отлогие виргинские холмы, то снова спускалось в долины. Как бы там ни было, она чувствовала удовлетворение – так бывало всякий раз, когда она воплощала в жизнь неожиданно принятое решение.

Возможно, гораздо разумнее было не спешить, а поговорить с отцом еще раз и все как следует обдумать, однако Келси неожиданно захотелось прыгнуть в машину и отправиться на ферму «Три ивы», чтобы своими глазами увидеть женщину, которая почти два десятка лет была для нее мертва.

«Это моя мать, – напомнила себе Келси. – И она убила человека».

Пытаясь отвлечься от этих мыслей, она так громко включила радио, что музыка Рахманинова наверняка была слышна и снаружи, вырываясь из салона сквозь полуоткрытое окно.

День для поездки на машине действительно выдался подходящим. Именно в этом Келси пыталась убедить себя, когда ранним и прохладным утром выскочила из своей квартиры, чтобы прогреть мотор машины, оставленной на ночь на стоянке перед домом. Впрочем, она не призналась себе, что

едет не просто прокатиться, даже тогда, когда, глядя в карту, пыталась определить самый удобный маршрут до Блюмонта.

Никто не знал, куда она едет. И никто нигде ее не ждал.

В этом и заключалась свобода. Или, во всяком случае, один из ее аспектов. Келси давила на педаль газа, наслаждаясь скоростью, врывающимися в окно потоками холодного воздуха и могучими звуками симфонической музыки. Она была свободна поехать в любое место и сделать все, что ей захочется. И не было никого, перед кем она обязана была отчитываться в своих намерениях и поступках. Никто ни о чем ее не спрашивал. Все вопросы, которые могли бы быть ей заданы, оставались в ее собственной голове.

Может быть, она оделась чуть более тщательно, чем требовала заурядная загородная прогулка, но зато этого требовала ее гордость. Жакет из шелка персикового цвета, она знала, шел ей, а облегающие брючки только подчеркивали стройность ее фигуры.

В конце концов, любая женщина, которая готовится к встрече со своей матерью после двадцати лет разлуки, захотела бы выглядеть наилучшим образом. Именно поэтому Келси, тщательно заплетя волосы в косу и уложив на голове в виде замысловатой прически, потратила на макияж значительно больше времени, чем обычно.

К тому же все эти приготовления помогли ей успокоить взвинченные нервы.

И все-таки – по мере того как расстояние, отделявшее ее

от Блюмонта, сокращалось, – Келси начала волноваться.

Даже останавливаясь у магазина, чтобы спросить дорогу до фермы, Келси твердила себе, что еще вполне может передумать. В конце концов, получить указания и последовать им – две совсем разные вещи. В любой момент она может просто развернуться и поехать назад – в Мериленд.

А еще она может поехать дальше и, без остановки миновав Виргинию, достичь Каролины. Может повернуть на запад или на восток, к побережью. Прежде она не раз поступала именно таким образом: сев за руль автомобиля, Келси ехала куда глаза глядят и сворачивала в сторону тогда, когда ей этого хотелось. Так, например, случилось сразу после того, как она ушла от Уэйда. Помнится, тогда она провела два чудесных выходных дня в прелестном мотеле на Восточном побережье, где ей никто не мешал.

На мгновение Келси задумалась о том, не отправиться ли ей туда снова. Чтобы осуществить задуманное, ей достаточно было просто позвонить на работу и заскочить по дороге в один из супермаркетов, чтобы запастись сменой белья.

Нет, мотель никуда от нее не денется. И потом, такое поведение слишком смахивает на бегство.

Бегство? Но от кого же она бежит?

Крошечный магазин оказался так тесно уставлен стеллажами с инструментами, полками и ящиками с товарами, что в нем нелегко было бы повернуться даже трем покупателям. За прилавком стоял пожилой продавец, возле локтя которо-

го дымилась полная окурков пепельница. Он был абсолютно лыс, и его шафранный череп сверкал в полутьме, словно новенький никель. На его оттопыренной губе словно приклеилась замусоленная сигаретка, а горло было замотано клетчатным шерстяным шарфом. Заметив Келси, продавец поднял голову и, щурясь от дыма, всмотрелся в ее лицо.

– Не могли бы вы подсказать мне, как добраться до фермы «Три ивы»? – спросила она.

Продавец еще несколько мгновений молча разглядывал ее своими покрасневшими от дыма глазами. Наконец он откашлялся и заговорил:

– Вы не мисс ли Наоми часом ищете?

Келси вздрогнула, но постаралась придать своему лицу выражение, которое она позаимствовала у своей строгой бабушки. По ее расчетам, подобный взгляд должен был мгновенно поставить продавца на место.

– Я ищу ферму «Три ивы», – отчеканила она. – Как мне сообщили, она находится где-то в этом районе.

– Ну да, конечно. – Продавец ухмыльнулся, ничуть не обескураженный ее холодностью. – Вот что вам надо сделать: сначала проедете по этой дороге еще немного, что-то около двух миль, мисс. Там увидите белый забор. Около него надо повернуть налево, на Чедвик-роуд, и проехать еще около пяти миль. По дороге вам сначала попадется «Рискованное дело» – это тоже ферма, вы легко ее узнаете по кованой ограде, да и название там написано, не ошибетесь. Но вам, стало

быть, туда не надо, так что смело езжайте мимо «Рискованного дела» и дуйте до первого поворота. Там увидите пару каменных столбов, а на них – вставшие на дыбки лошади. Это и есть «Три ивы».

– Благодарю вас.

Продавец глубоко затаился и выпустил изо рта тонкую струйку дыма.

– А вы случайно не из Чедвиков будете?

– Случайно нет, – отрезала Келси и пулей вылетела из лавки, возмущенно хлопнув дверью. Взгляд старика продолжал жечь ей спину до тех пор, пока она не вырулила со стоянки и не вернулась на дорогу.

Что ж, этого следовало ожидать, решила она. В таком маленьком городке, как этот, все, несомненно, знают друг друга, и каждое постороннее лицо сразу бросается в глаза. И все же ей очень не понравилось, как этот старик на нее смотрел.

Она нашла белый забор и повернула налево, направляясь прочь из города. Здесь, на окраине, дома стояли гораздо дальше друг от друга, разделенные обширными открытыми пространствами и холмами, которые, казалось, замешкались на полпути между зимой и весной, все еще не решаясь сбросить оцепенение зимних месяцев и окончательно одеться густой зеленью трав. На склонах холмов паслись лошади, и ветер развевал их гривы. Кобылы, все еще покрытые густой зимней шерстью, степенно щипали пробивающуюся из земли молодую траву; тут же резвились и жеребята,

все еще неуверенно переставлявшие свои тонкие, как зубочистки, ноги. То там, то сям поля были распаханы и подготовлены для весеннего посева; такие участки были похожи на большие красновато-коричневые заплаты, четко выделяющиеся на фоне нежно-прозрачной зелени склонов.

У «Рискованного дела» Келси слегка притормозила. Название фермы действительно было выведено аршинными буквами на вывеске над решетчатыми коваными воротами; за воротами виднелась засыпанная щебенкой дорога, поднимающаяся вверх, на самый гребень холма, где был воздвигнут из камня и кедровых бревен большой дом-усадьба.

Извилистая щебеночная дорога была обсажена толстыми вязами, которые выглядели гораздо более старыми – и в значительной степени куда более традиционными, – чем сам дом, чьи современные линии и модерновая архитектура казались по сравнению с ними едва ли не вызывающими. Тем не менее в том, как он венчал собой вершину холма, было что-то по-хозяйски властное, независимое, почти величественное и, как казалось Келси, свойственное именно здешним краям.

Некоторое время Келси неподвижно сидела в машине. Не то чтобы ее очень интересовала архитектура дома или окружающий пейзаж, хотя и то, и другое вполне заслуживало внимания; просто она уже поняла, что если поедет по дороге дальше, то уже не повернет назад. Следовательно, ей необходимо в последний раз все хорошенько обдумать.

Про себя она решила, что ферма «Рискованное дело» с ее удивительно подходящим к случаю названием будет тем самым пунктом, откуда она двинется – или не двинется – навстречу неизвестности, и, закрыв глаза, постаралась сосредоточиться и взять себя в руки. Если она все же отправится дальше, то всеми ее действиями и поступками должны руководить холодный разум и трезвый расчет. Предстоящая встреча не имела никакого отношения к мелодраматичному воссоединению разлученных обстоятельствами матери и ее возлюбленной дочери; здесь все было гораздо сложнее.

Они обе были чужими людьми, которым предстояло решить, останутся ли они таковыми и в будущем, или между ними все же возможно какое-то подобие родственных или на худой конец чисто дружеских отношений.

«Нет, – поправила себя Келси. – Это я буду решать, поддерживать ли нам отношения или нет».

В самом деле, она приехала сюда не для того, чтобы узнать вкус материнской любви, а чтобы получить ответы на свои вопросы. Даже причины поступков Наоми и их возможные трактовки ее пока не занимали. Тут Келси напомнила себе, что никогда ничего не узнает, если сейчас повернет назад и не сумеет задать свои вопросы матери.

Она никогда не была трусихой. Келси с гордостью отметила, что имеет все основания добавить это последнее качество к списку собственных добродетелей, и тронула машину с места. И все же, когда она сворачивала на дорогу между

двумя каменными столбами со вставшими на дыбы конями на вершинах, ее руки, стиснувшие рулевое колесо, были холодными и влажными от пота.

Эта засыпанная гравием дорога вела к дому ее матери – к дому, который летней порой, должно быть, был укрыт листвою трех раскидистых ив, от которых и пошло название фермы. Теперь же свесившиеся почти до земли тонкие ветви были лишь едва тронуты нежно-зеленой дымкой, разглядеть которую можно было только на близком расстоянии. Сквозь их беспорядочное переплетение Келси разглядела фасад дома, широкое каменное крыльцо с белыми дорическими колоннами и ковровой дорожкой, округлые линии трехэтажного особняка, выстроенного в плантаторском стиле. Дом показался Келси мягко-женственным и вместе с тем таким же изящным и горделивым, как и эпоха, вызвавшая к жизни этот архитектурный стиль.

Особняк был окружен садами, которые, как она живо себе представила, в ближайшие несколько недель взорвутся зеленой листвою и ароматом цветов. Загудят деловитые пчелы, запоют беззаботные птицы, запахнут глицинии и фиалки, а на тенистую дорожку выйдет леди Наоми в длинном, до земли, кружевном платье...

Отогнав от себя эти мысли, Келси подняла голову и, глядя на окна усадьбы, принялась гадать: где же та комната? Где спальня, которая двадцать лет назад стала ареной трагических событий?

Остановившая машину, Келси почувствовала, как по спине побежали мурашки. Сначала она хотела подойти прямо к парадной двери и постучать, но потом, сама не заметив как, зашла за угол дома и обнаружила там каменную терраску-патио, на которую выходили высокие французские окна.

Отсюда ей стали видны и кое-какие хозяйственные постройки – несколько сараев с навесами и конюшня, которая показалась Келси такой же аккуратной и красивой, как и сам дом, а чуть дальше, где горбились живописные холмы и паслись лошади, блестело отраженным солнечным светом зеркало водоема.

И почти в тот же самый миг перед мысленным взором Келси пронеслась еще одна картина. Пели птицы, гудели пчелы и шмели, светило яркое и горячее солнце, а в воздухе сильно и сладко пахло цветущими розами. Кто-то смеялся и поднимал ее все выше и выше, пока она наконец не почувствовала под собой надежную и безопасную лошадиную спину.

Не сдержав тревожного восклицания, Келси поспешно прижала ладонь к губам. Она не помнит этого места! Не должна помнить. Просто ее воображение неожиданно разыгралось, вот и все. Воображение и нервы.

Но она могла поклясться, что узнала этот смех и прозвучавшую в нем неистовую, свободную, манящую интонацию.

Пытаясь справиться с внезапным ознобом, Келси обхватила себя руками за плечи и сделала шаг назад, к машине.

«Мне нужно только взять куртку, – твердила она себе. – Просто взять куртку – и все». И тут навстречу ей из-за угла дома вышли мужчина и женщина, которые держали друг друга за руки.

В лучах яркого солнца они выглядели столь потрясающе красивыми, что в первое мгновение Келси подумала, что эта пара ей тоже привиделась.

Мужчина был высок – пожалуй, на целый дюйм выше шести футов, – хорошо сложен и обладал той неуловимой быстротой и грацией движений, которая отличает уверенных в себе людей. Его темные, слегка вьющиеся волосы, растрепанные ветром, небрежно падали на воротник выгоревшей байковой рубашки. Лицо мужчины словно состояло из одних углов и теней, но Келси сразу разглядела глубокие темно-голубые глаза, которые при виде ее округлились от легкого удивления.

– Наоми... – Мужчина выговорил это, слегка растягивая гласные на южный манер, отчего его голос приобрел звучность и густоту, и Келси подумала, что он больше всего напоминает хороший, выдержанный бурбон. – У тебя, кажется, гости, Наоми.

Келси перевела взгляд на его спутницу и поняла, что никакие слова отца не в силах были подготовить ее к тому, с чем она столкнулась. Это было все равно что увидеть в зеркале будущую себя. В зеркале, отполированном до такой степени, что его свет слепит глаза. Келси как будто глядела на

себя самое, и на краткий миг в сердце ее закралось безумное подозрение, что так оно и есть.

– Добро пожаловать, – протянула Наоми, сильнее сжав в ладони руку своего спутника. Это была неосознанная реакция, которую она не сумела бы скрыть, даже если бы постаралась. – Я не ожидала, что так скоро получу от тебя весточку, не говоря уже о том, чтобы с тобой увидеться...

Простую истину, что в слезах пользы нет, Наоми твердо усвоила уже много лет назад, поэтому, пока она рассматривала дочь, ее глаза оставались сухими.

– Мы как раз собирались попить чаю. Может быть, ты к нам присоединишься?

– Я могу зайти в следующий раз... – начал ее спутник, но Наоми вцепилась ему в руку с такой силой, словно он мог спасти ее, заслонить от какой-то неведомой опасности.

– В этом нет необходимости, – Келси услышала свой собственный голос как бы со стороны. – Я все равно не могу остаться надолго.

– Тогда пойдем в дом. Не станем тратить твое время понапрасну.

Наоми первой поднялась на террасу и провела своих гостей в просторную комнату, столь же ухоженную, как и сама хозяйка. В камине горел невысокий, ленивый огонь, который тем не менее довольно успешно справлялся с прохладой последнего зимнего месяца.

– Пожалуйста, присаживайся, устраивайся поудобнее. Я

пойду распоряжусь насчет чая.

Наоми бросила один быстрый взгляд в сторону своего спутника и вышла.

Мужчина, очевидно привыкший к разного рода щекотливым ситуациям, чувствовал себя совершенно свободно. Похозяйски расположившись в кресле, он достал из кармашка длинную черную сигару и улыбнулся Келси улыбкой профессионального обольстителя, предназначенной для того, чтобы очаровать потенциальную жертву и усыпить ее бдительность.

– Наоми-то наша немного растерялась, – заметил он с заговорщическим видом и подмигнул.

В ответ Келси только приподняла бровь. Хозяйка дома показалась ей сдержанной и спокойной, словно ледяная статуя.

– Вот как? – спросила она.

– Что ж, это вполне понятно, – продолжал мужчина. – Ты устроила ей хорошую встряску. Я и сам был огорошен. – Он раскурил сигару, мимолетно задумавшись о том, справится ли Келси с охватившим ее возбуждением, что ясно читалось в ее глазах. – Кстати, мое имя – Гейб Слейтер, я – ее сосед. А ты, очевидно, Келси?

– Откуда это вам известно? – бросила Келси.

«Как королева – распоследней деревенщине, – подумал Гейб. В любых других обстоятельствах слова, сказанные подобным тоном, заставили бы взвиться на дыбы любого мужчину, но он решил не обращать внимания на оскорбительную интонацию.

– Мы все здесь друг с другом на «ты», – мягко заметил он. – Впрочем, можешь называть меня как тебе привычнее. Что касается того, откуда я тебя знаю... Мне известно, что у Наоми есть дочь, которую зовут Келси и которую она не видела довольно долгое время. А ты слишком молодо выглядишь, чтобы быть двойняшкой Наоми. – Он скрестил вытянутые вперед ноги, обутые в грубые ковбойские сапоги. Обои было ясно, что ему пора бы перестать столь беззастенчиво ее разглядывать, но Гейб вовсе не собирался отвести взгляд. – На мой взгляд, кульминационный акт этой гражданской драмы дался бы тебе гораздо легче, если бы ты села и притворилась, будто расслабилась, – небрежно посоветовал он.

– Спасибо, я постою, – отрезала Келси и подошла к камину в надежде, что огонь поможет ей согреться.

Гейб только пожал плечами и откинулся на спинку кресла. В конце концов, все это его не касалось, если только девочка не начнет прохаживаться насчет Наоми. Не то чтобы Наоми не умела владеть своими чувствами; за всю жизнь Гейб ни разу не встречал женщины, которая настолько преуспела бы в этой нелегкой науке и – как он считал – отличалась столь развитой способностью применяться к любой обстановке, не теряя своей жизнерадостности. Просто Наоми была слишком дорога Гейбу, чтобы он мог позволить кому-то – в том числе и ее дочери – причинить ей боль.

То обстоятельство, что Келси, по-видимому, решила его

игнорировать, несколько не трогало Гейба. Он не торопясь затащился сигарой и, выпустив колечко дыма, стал молча любоваться открывавшимся ему зрелищем, которое несколько не портили напряженные плечи и даже на беглый взгляд непримиримая спина. Гейб даже подумал, что они, напротив, только подчеркивают мягкие очертания бедер, длину стройных ног и красивую линию шеи.

Потом он задумался о том, насколько легко смутить ее саму и пробудет ли Келси здесь достаточно долго, чтобы он успел испытать ее на прочность.

– Сейчас подадут чай, – сказала Наоми, входя в комнату. Она совладала со своими чувствами, и, хотя взгляд ее был устремлен прямо на дочь, игравшая на губах улыбка была спокойной. – Ты не очень-то уютно себя чувствуешь, да, Келси?

– Не каждый день твоя собственная мать встает из могилы, – парировала Келси. – Неужели это было так необходимо – заставить меня думать, будто ты умерла?

– Тогда мне казалось, что – да. Я оказалась в таком положении, когда главной моей заботой было самой остаться в живых.

Наоми опустила на стул. Ее светло-бежевый жокейский костюм сидел на ней без единой морщинки и сшит так, словно предназначался для светских приемов.

– Больше всего мне не хотелось, чтобы ты навещала меня в тюрьме. Даже если бы подобное желание у меня и воз-

никло, твой отец все равно не допустил бы ничего подобного. Нам обоим было прекрасно известно, что мне предстояло исчезнуть из твоей жизни лет на десять-пятнадцать.

Что-то неуловимо изменилось в ее лице, и улыбка Наоми стала жесткой.

– Что сказали бы родители твоих товарищей и подруг, если бы они узнали, что твоя мать отбывает срок за убийство? Я сомневаюсь, чтобы после этого все они очень захотели, чтобы их чада водили с тобой знакомство. Боюсь, в этом случае ты росла бы гораздо более одинокой и не слишком счастливой...

Наоми не договорила и повернулась к дверям в коридор, где как раз показалась пожилая женщина с простым, но приятным лицом. Она была одета в серый костюм и белый передник и толкала перед собой сервировочный столик на колесах.

– А это – Герти. Ты ведь помнишь Кел, да, Герти?

– Да, мэм, – глаза горничной наполнились слезами. – Помню. Тогда она была совсем крошкой и все время прибегала ко мне в кухню – выпрашивала печеньице.

Келси промолчала. Ей нечего было сказать этой незнакомой женщине, которая готова была разреветься. Наоми тем временем положила свою ладонь на руку служанки и нежно пожала.

– Испеки немного печенья к следующему разу, когда Келси снова к нам придет. А теперь иди, я сама разолью.

– Слушаю, мэм. – Поминутно шмыгая носом, Герти повернулась, чтобы уйти, но у самых дверей остановилась. – Она так похожа на вас, мисс Наоми, так похожа! Просто как две капельки...

– Да, Герти, – негромко согласилась Наоми. – Действительно, похожа.

– Я не помню ее! – Голос Келси прозвучал с вызовом, и она сделала два шага по направлению к матери. – Я не помню тебя!

– Я и не рассчитывала на это, – спокойно отозвалась Наоми. – Сахар, лимон? Может быть, сливки?

– Будем вести себя как порядочные, воспитанные люди? – взвилась Келси. – Мать и дочь воссоединяются за чашечкой чая. Ты что, серьезно ждешь, что я буду сидеть здесь и пить с тобой черный чай со сливками?

– Черный? Я думала, это «Эрл грей». – Наоми пожала плечами. – Честно говоря, Келси, я сама не знаю, чего я ждала. Пожалуй, гнева: у тебя есть все основания сердиться. Ну, еще обвинений, упреков, негодования... – Наоми передала Гейбу чашку с чаем, и Келси не без зависти отметила, что руки матери ни капельки не дрожат. – Честно говоря, я не представляю себе, что ты можешь сказать или сделать такого, чего нельзя было бы оправдать или понять.

– Почему ты написала мне?

Наоми потребовалось лишь одно мгновение, чтобы привести в порядок мысли.

– Тому существует множество причин, некоторые из которых имеют вполне эгоистическую природу, а некоторые – нет. Я надеялась только на то, что ты окажешься достаточно любопытной, чтобы захотеть встретиться со мной. Ты всегда была очень любознательным ребенком, к тому же мне известно, что в твоей жизни наступил не очень приятный момент и ты оказалась на распутье.

– Откуда тебе известны такие подробности?

Наоми подняла на нее взгляд, но по ее глазам нельзя было понять ровным счетом ничего.

– Ты думала, что я умерла, Келси. Я же очень хорошо знала, что моя дочь жива. Я продолжала следить за тобой. Даже в тюрьме мне удавалось узнать о тебе новости.

Ярость заставила Келси шагнуть вперед и сжать кулаки. С огромным трудом она подавила в себе желание сбросить на пол поднос вместе со всеми этими тоненькими чашками и блюдами. Подобное действие, несомненно, помогло бы ей разрядиться и даже доставило удовольствие, но вместе с тем она выставила бы себя истеричной дурой. Лишь мысль об этом помогла Келси более или менее справиться с собой.

Потягивая крошечными глотками горячий чай, Гейб исподтишка наблюдал за этой тайной борьбой. «Нетерпелива, – решил он. – Нетерпелива и резка, но достаточно умна, чтобы не терять почву под ногами. Пожалуй, она еще больше похожа на мать, чем кажется на первый взгляд».

– Значит, ты следила за мной? – прошипела Келси. – Что

же, ты наняла для этого детективов или как?

– Никакой романтики. – Наоми через силу улыбнулась. – Это делал мой отец. Пока мог.

– Твой отец? – Келси опустилась на стул. – Мой дед...

– Да. Он умер пять лет назад. Твоя бабушка и моя мать скончались через год после твоего рождения, а я была единственным ребенком в семье, так что ты оказалась избавлена от тетушек, дядюшек и толпы двоюродных братьев и сестер. Как видишь, только я могу ответить на любые твои вопросы, и я постараюсь это сделать. Единственное, что бы мне хотелось, – это чтобы ты не спешила составить обо мне окончательное мнение. Нам обоим необходимо время: тебе подумать, а мне – рассказать тебе все.

На данный момент у Келси был только один вопрос – тот самый, что непрерывно стучал у нее в голове, – и она задала его немедленно, не успев ни обдумать его как следует, ни облечь в подходящую форму.

– Это правда, что ты убила того человека? Ты убила Алека Бредли?

Наоми немного помолчала, потом поднесла к губам чашку с чаем и посмотрела на Келси. Через секунду Наоми медленно опустила чашку на блюдце.

– Да, – сказала она просто, – я убила его.

– Прости, Гейб, – сказала Наоми, стоя у окна и наблюдая за отъезжающей машиной Келси. – Я не должна была ставить

тебя в такое положение.

– Я познакомился с твоей дочерью, только и всего.

Негромко засмеявшись, Наоми крепко зажмурилась.

– Ты всегда был сдержан на язык.

Наоми повернулась и сделала шаг вперед, к центру комнаты, где на нее упал поток света из широких французских окон. Казалось, ее несколько не беспокоит тот факт, что яркое солнце лишь сильнее подчеркнет тонкую сетку морщин возле глаз – безошибочную приметку возраста. Слишком долго она была лишена солнечного света, слишком долго была далеко от него.

– А я жутко боялась. Когда я увидела ее, воспоминания просто нахлынули на меня, и их было слишком много. Чего-то я ожидала, но многое оказалось непредвиденным. Я просто не смогла бы справиться со всем этим одна.

Гейб поднялся и, подойдя к Наоми, положил ей на плечи руки, стараясь успокоить.

– Если мужчина не рад помочь красивой женщине, значит, он морально мертв.

– Ты настоящий друг. – Наоми подняла руку и сжала его запястье. – Один из немногих, с кем я могу ни капли не притворяться. Может быть, это потому, что мы оба сидели в тюрьме.

Быстрая улыбка заставила приподняться уголки его губ.

– Ничто так не помогает найти общий язык, как тюрьма.

– Ничто... – согласилась Наоми. – Правда, один из нас

угодил в тюрьму за убийство второй степени, а другой – за то, что в юности слишком любил играть в карты, но жизнь за решеткой есть жизнь за решеткой.

– Ну вот, ты и здесь меня перещеголяла.

Наоми рассмеялась:

– В нас, Чедвиках, живет дух соперничества. – С этими словами она отошла от него и передвинула стоящую на столе вазу с ранними нарциссами на один дюйм вправо. Этот жест многое сказал Гейбу, и Наоми, кажется, это поняла.

– Что ты о ней думаешь, Гейб?

– Она – настоящая красавица. Точная твоя копия.

– Я думала, что буду к этому готова. Отец говорил мне, к тому же я видела ее фотографии, но видеть это своими собственными глазами – совсем другое дело. В общем, я испытала самое настоящее потрясение. Я-то помню ее совсем ребенком, и все эти годы Келси оставалась для меня ребенком, а она тем временем стала взрослой женщиной...

Наоми нетерпеливо тряхнула головой. С тех пор действительно прошло слишком много лет, и она знала это лучше, чем кто-либо другой.

– Но, кроме того... Что ты о ней думаешь?

Она бросила на него быстрый взгляд через плечо.

А Гейб вовсе не был уверен, может ли он подробно рассказывать ей о том, что он думал по поводу Келси. И должен ли. Он принадлежал к тем мужчинам, которых трудно чем-нибудь удивить, однако от встречи с дочерью Наоми он

испытал настоящий шок. Красивые женщины появлялись и исчезали из его жизни точно так же, как он сам на некоторый срок появлялся в жизни очередной красотки. Гейб не был равнодушен к женщинам: он их ценил, восхищался, желал их, однако при первом же взгляде на Келси Байден сердце его едва не остановилось.

Ему было любопытно разобраться в своих ощущениях, однако Наоми ждала ответа, и он решил, что сможет сделать это позднее. Тем более что его мнение, несомненно, имело для нее значение.

– Она вся соткана из нервов и бешеного темперамента, – проговорил он. – Ей недостает твоего самообладания и власти над своими чувствами.

– Надеюсь, эти качества ей никогда не понадобятся, – пробормотала Наоми, обращаясь больше к самой себе, чем к нему.

– Твоя дочь была в гневе, однако ее сжигало любопытство, и она повела себя достаточно умно. Она сдерживала свои эмоции до тех пор, пока не оценила, так сказать, весь расклад. Будь она лошадь, я бы сказал, что мне необходимо посмотреть ее бег, прежде чем я смогу определить, есть ли в ней выносливость, мужество и красота. Но кровь... от нее никуда не денешься, а она говорит сама за себя. У твоей дочери есть характер и стиль, Наоми.

– Она любила меня. – Голос Наоми предательски дрогнул, но она этого не заметила, как не заметила первой сле-

зинки, которая выкатилась из уголка глаза и поползла вниз по щеке. – Тому, у кого никогда не было детей, нелегко объяснить, каково это – быть объектом огромной, всепоглощающей, бескомпромиссной любви. Именно так Келси любила меня и своего отца. Это нам с Филиппом не хватило сил... или любви. Мы любили ее недостаточно сильно, чтобы сохранить нашу семью. Так я потеряла и то, и другое.

Наоми машинально подняла руку к щеке и, поймав слезу на согнутый палец, несколько мгновений смотрела на нее с удивлением, словно энтомолог на только что пойманный и еще никому не известный экземпляр красочного тропического насекомого. Она не плакала с тех пор, как похоронила отца. В слезах не было ни пользы, ни смысла, ни облегчения.

– Никто и никогда не будет любить меня так. До сегодняшнего дня я этого не понимала.

– Ты слишком торопишь события, Наоми. Это на тебя не похоже. Сегодня вы провели вместе четверть часа, и каждая минутка принадлежала тебе.

– А ты видел, какое у нее было лицо, когда я сказала, что убила Бредли? – Наоми повернулась к Гейбу, и на губах ее появилась улыбка – твердая, как стекло зимней ночью, и такая же холодная. – Я видела такое же выражение у десятков других людей. Ужас и отвращение цивилизованного человека перед дикарем. Воспитанные люди не убивают.

– Люди, вне зависимости от воспитания и общественного положения, делают все, что могут, когда дело идет об их

собственной жизни.

– Она так не подумает, Гейб. Может быть, Кел и похожа на меня, но воспитал ее отец, и у нее – его моральные принципы. Господи, да есть ли в мире кто-то более высоконравственный, чем профессор Филипп Байден?!

– Или более глупый, коль скоро он позволил тебе уйти.

Наоми снова рассмеялась, и на этот раз ее смех прозвучал более раскованно и живо. Шагнув к Гейбу, она крепко поцеловала его в губы.

– Где ты был двадцать пять лет назад, Гейб? – Она покачала головой и сдержала вздох. – Играл со своими жеребятками...

– Что-то не припомню, чтобы я с ними играл. Вот поставить на них – это да... Кстати, у меня завалилась лишняя сотня, и я готов поставить ее на то, что мой трехлетка опередит твоего на майском дерби.

Наоми слегка приподняла брови.

– А шансы?

– Поровну.

– Согласна. Кстати, почему бы тебе не взглянуть на мою годовалую кобылу, пока ты не ушел? Через пару лет она станет настоящей чемпионкой, и все, что ты против нее поставишь, ты потеряешь.

– Как ты ее назвала?

– Честь Наоми.

«Она была так сдержанна, – думала Келси, отпирая входную дверь своей квартиры. – Так сдержанна и холодна. Она призналась в совершенном убийстве так спокойно, как другая женщина призналась бы в том, что красит волосы».

Что же за женщина ее мать?

Как она могла спокойно разливать чай и поддерживать светскую беседу? Как удавалось ей не утратить вежливости воспитанного человека, где она научилась настолько владеть собой? А эта безмятежная отстраненность? От одного этого у нормального человека волосы бы встали дыбом...

Келси прислонилась спиной к двери и потеряла виски. Голова ее буквально раскалывалась от боли, а все происшедшее представлялось безумным дурным сном. Просторный, светлый дом, мирное чаепитие, женщина с таким же, как у нее, лицом, энергичный, уверенный в себе мужчина... Полноте, да с ней ли все это произошло?

«Кстати, какова роль этого Гейба? Неужели это новый любовник Наоми? Они что, спят вместе в той самой комнате, где был застрелен несчастный Алек Бредли? Наоми на это способна, – подумала Келси. – Она выглядит как человек, способный на что угодно».

Легким движением она оттолкнулась от двери и принялась расхаживать по квартире. Вопрос о том, почему Наоми написала ей, не давал Келси покоя. При встрече не было ни бури эмоций, ни заклятия упитанного тельца в честь возвращения блудной дочери, ни мольбы о прощении за потерянную

ные годы. Одно лишь вежливое приглашение выпить чаю.

И спокойное, без колебаний, признание в убийстве.

«Стало быть, Наоми Чедвик не лицемерка, – подумала Келси. – Она просто преступница».

Когда зазвонил телефон, Келси поглядела в ту сторону и заметила также мигающую лампочку на автоответчике. Решив не обращать внимания ни на то, ни на другое, она отвернулась. До начала ее смены в музее оставалось полных два часа, но у нее не было ни необходимости, ни желания разговаривать с кем-либо.

Перед Келси стояла довольно сложная задача: убедить себя в том, что неожиданное воскрешение из мертвых ее матери не обязательно должно изменить ее жизнь. Казалось, ничто не мешало ей продолжать жить как прежде – работать, посещать занятия в университете, встречаться с друзьями.

Келси бросилась на диван. Кого она хотела обмануть? Ее работа была чем-то вроде хобби, за которое она получала мизерные деньги, занятия вошли в привычку, а что касается друзей... Большинство ее друзей и знакомых были также друзьями Уэйда, поэтому теперь, после их развода, они должны были либо выбрать, на чьей стороне им остаться, либо вовсе исчезнуть.

Вся ее жизнь пошла кувырком!

В дверь постучали, но Келси не пошевелилась.

– Келси! – Энергичный стук повторился. – Открой, или я позову управляющего, чтобы он отпер ее для меня.

Келси неохотно сползла с дивана и открыла.

– Бабушка?..

Подставив щеку для обязательного поцелуя, Милисент Байден всплыла в комнаты. Она была, как всегда, безупречно одета и причесана, блестящие, чуть рыжеватые волосы были зачесаны назад, открывая ухоженное лицо, которое могло бы принадлежать женщине не старше шестидесяти лет, хотя на самом деле Милисент было на двадцать лет больше. С помощью жесточайшей диеты и энергичных упражнений ей удавалось поддерживать свою фигуру в идеальном состоянии. Элегантный светло-голубой костюм сорок четвертого размера от Шанель, подчеркивал все достоинства этой безупречной дамы. Светлые, в тон костюму, перчатки из мягкой кожи Милисент бросила на столик под зеркалом и повесила норковую горжетку на стул.

– Ты меня разочаровала, – были ее первые слова. – Запереться в комнате и дуться на весь свет. Как ребенок, право.

Прежде чем она села, ее миндалевидные глаза скользнули по лицу внучки.

– Твой отец совсем потерял голову, так он о тебе беспокоится. И он, и я звонили тебе сегодня по меньшей мере десять раз.

– Меня не было дома. Папе нечего было беспокоиться.

– Ой ли? – Милисент постучала накрашенным ногтем по подлокотнику кресла. – Вчера вечером ты ворвалась к нему в дом, чтобы сказать, что эта женщина написала тебе письмо,

потом убежала и не отвечала на звонки целое утро.

– Эта женщина – моя мать, и вы оба – ты и отец – знали, что она жива. Нам пришлось объясниться. Ты, бабушка, несомненно, сказала бы, что воспитанным людям пристало выяснять отношения спокойно, однако мои чувства тоже можно понять.

– Не надо разговаривать со мной таким тоном! – Милисент даже подалась вперед, так она была возмущена. – Твой отец сделал все, чтобы защитить тебя от дурной молвы, чтобы дать тебе приличное воспитание, родной дом, наконец! А ты налетела на него как... как...

– Налетела? Я?! – Келси воздела вверх руки, хотя прекрасно знала, что такое открытое проявление чувств будет истолковано Милисент как вульгарное. – У меня было слишком много вопросов, на которые я хотела получить ответы. Я добивалась от него правды, на которую у меня есть все права.

– Теперь, когда ты узнала правду, ты удовлетворена? – Милисент слегка наклонила голову. – Для тебя – да и для всех нас тоже – было бы лучше, если бы ты продолжала считать ее мертвой. Но эта женщина всегда была эгоистична до мозга костей и думала только о себе. И редко о ком-нибудь другом.

По причинам, которые она вряд ли смогла бы себе объяснить, Келси подняла брошенную перчатку.

– А ты всегда ее так ненавидела? – с вызовом спросила она.

– Я всегда видела, что она собой представляет. Филипп был ослеплен ее смазливенькой мордашкой и тем, что казалось ему яркой индивидуальностью и тонкостью натуры. И он дорого заплатил за свою ошибку.

– А я очень похожа на нее, – негромко вставила Келси. – Теперь мне понятно, почему ты всегда смотрела на меня так, словно я в любой момент могу совершить какое-нибудь преступление. Или просто какой-нибудь неприличный поступок, который не допускают правила этикета.

Милисент со вздохом откинулась на спинку кресла. Она не собиралась опровергать утверждения Келси хотя бы потому, что не видела в этом необходимости.

– Вполне естественно, что я всегда была озабочена тем, как много ты унаследовала от нее. Ты носишь фамилию Байден, Келси, и большую часть времени давала нам все основания гордиться тобой. Но все твои оплошности и ошибки – все это от нее.

– Я предпочитаю думать, что мои ошибки – только мои и ничьи больше.

– Как, например, этот развод, – не преминула вставить Милисент. – Уэйд происходит из порядочной семьи. Его дед по материнской линии был сенатором, а отец владеет одним из самых престижных и респектабельных рекламных агентств на всем Восточном побережье.

– А Уэйд занимается развратом со своими фотомоделями. Милисент нетерпеливо отмахнулась от нее движением ру-

ки, при этом на ее пальце холодно сверкнуло обручальное кольцо с бриллиантом – память о покойном муже.

– Ты, конечно, скорее обвинишь его, чем себя или ту женщину, которая его соблазнила.

Келси улыбнулась почти радостно.

– Совершенно верно, бабушка, я предпочту обвинить его. И уже обвинила. Мы развелись, развелись окончательно, так что ты напрасно теряешь время.

– Тебе принадлежит сомнительная честь быть второй за всю историю семьи Байден, кто решился на этот шаг. В случае с твоим отцом развод был неизбежен. Что касается тебя, то ты поступила так, как поступала всю свою жизнь: твоя импульсивная реакция на любые события вошла у тебя в привычку, и мне это не нравится. Но это не главное. Сейчас же меня интересует, что ты собираешься делать с этим письмом.

– А тебе не кажется, что это дело касается только меня и моей матери?

– Этот вопрос затрагивает честь семьи, – твердо сказала Милисент. – Отец и я – вот твоя семья.

Она снова побарабанила ногтями по подлокотнику, тщательно подбирая слова.

– Филипп – мой единственный сын. Его счастье, его благо были для меня основной заботой. А ты – его единственная дочь, – с неподдельной любовью в глазах она протянула руку и взяла Келси за кончики пальцев. – Я желаю тебе только добра, Кел.

Сомневаться в этом не приходилось. Как бы ни раздражали ее порой строгие принципы, которых придерживалась Милисент Байден, Келси знала, что она ее любит.

– Я знаю, бабушка. Знаю и не хочу с тобой ссориться.

– Как и я с тобой. – Милисент с довольным видом потрепала Келси по руке. – Ты была хорошей дочерью, и никто, кто знает Филиппа и тебя, не сомневается в том, как крепко вы привязаны друг к другу. Я уверена, ты не сделаешь ничего, что могло бы причинить ему боль. Дай мне это письмо, и я позабочусь обо всем вместо тебя. Тебе не нужно будет ни встречаться с ней, ни влезать в этот скандал.

– Но я уже встречалась с ней. Я ездила к ней сегодня утром.

– Ты... – Рука Милисент чуть заметно дрогнула и снова легла спокойно. – Ты виделась с ней? И ты отправилась туда, ни с кем не посоветовавшись?

– Мне двадцать шесть лет, бабушка. Наоми Чедвик – моя родная мать, и мне нет необходимости советоваться с кем-либо, встречаться мне с ней или нет. Мне очень жаль, если тебе это неприятно, но я поступила так, как считала нужным.

– Так, как тебе захотелось, – поправила Милисент. – Не думая о последствиях.

– Пусть так, если тебе это больше нравится. Только позволю себе напомнить, что, какими бы ни были последствия, касаются они только меня. Мне казалось, ты и отец поймете, что поступить так было с моей стороны вполне естественно.

Может быть, вам нелегко с этим мириться, однако я не понимаю, отчего вы так сердитесь.

– Я вовсе не сержусь, – отозвалась Милисент, хотя Келси ясно видела, что ее бабушка в ярости. – Просто я за тебя волнуюсь. Мне не хочется, чтобы ты поддавалась первому же эмоциональному порыву, первому же желанию, которое диктуют тебе чувства. Ты просто не знаешь ее, Келси. Ты не представляешь, какой хитрой и коварной может быть эта женщина.

– Мне известно, что она добивалась права опеки надо мной.

– Она просто хотела побольнее уязвить твоего отца, потому что он смотрел на нее как на пустое место. Ты была для нее просто орудием. Она пила, встречалась с другими мужчинами и щеголяла другими своими пороками в бесстыдной уверенности, что всегда и во всем будет выигрывать. А кончилось все убийством.

Милисент ненадолго замолчала, чтобы набрать в грудь побольше воздуха. При одной мысли о Наоми в груди ее с новой силой вспыхивал костер ненависти.

– Коль скоро ты с ней встречалась, она, наверное, попыталась уверить тебя, что это была самооборона? Что она защищала свою честь. – Не в состоянии больше сидеть, Милисент резко встала. – О, она была очень умна, умна и красива. Если бы улики против нее не были такими очевидными, она, наверное, сумела бы убедить суд в своей невиновности. Но

когда женщина посреди ночи принимает мужчину у себя в спальне, одетая всего лишь в одну шелковую комбинешку, тут трудно настаивать на версии попытки изнасилования.

– Изнасилования... – шепотом повторила Келси, но Милисент не услышала ее потрясенного шепота.

– Кое-кто, разумеется, поверил ей. Существуют люди, которые всегда готовы верить женщинам подобного типа. – Взгляд Милисент стал жестким; в возбуждении она схватила перчатки со столика и принялась нервно похлопывать ими по ладони. – Но, в конце концов, они же ее и приговорили. Она исчезла из жизни Филиппа и из твоей тоже. И до недавнего времени о ней ничего не было слышно. Неужели ты будешь так эгоистична и упряма, что позволишь ей снова встать между нами? Неужели ты заставишь отца снова страдать?

– То есть вопрос стоит так: или она, или он?

– Вот именно!

– Для тебя, бабушка, но не для меня. Знаешь, до тех пор пока ты не приехала ко мне, я не знала, буду ли я встречаться с ней еще раз. Теперь я знаю точно, что обязательно снова туда поеду. А знаешь почему? Потому что она не пыталась защищаться или оправдываться, не предлагала мне сделать выбор. Я увижусь с ней еще раз и решу сама.

– Невзирая на то, что кое-кому это причинит боль?

– Насколько я понимаю, я – единственный человек, кто в этой ситуации чем-нибудь рискует.

– Ты ошибаешься, Келси, и это опасное заблуждение. Эта женщина... разлагает, пачкает, выворачивает наизнанку все, к чему ни прикасается... – Милисент опустила голову и стала аккуратно, палец за пальцем, разглаживать на ладони перчатки. – Если ты и дальше станешь поддерживать с ней отношения, она сделает все, что в ее силах, чтобы изменить твоё отношение к отцу.

– Никто не сможет этого сделать.

Милисент подняла голову, её взгляд был острым, словно отточенная сталь.

– Ты ещё не знаешь Наоми Чедвик, – резко сказала она.

3

Келси и вправду не знала Наоми Чедвик, но хотела бы узнать. Годы, проведенные в университете, не пропали для Келси даром, и если и было что-то, что она умела хорошо, так это рыться в архивах, подбирая материалы для исследования какого-нибудь события или явления. Любого явления, даже если оно называется Наоми.

На протяжении последующих двух недель большую часть своего свободного времени Келси провела в общественной библиотеке, перебирая катушки с микрофильмами. Первой ей попала страничка светской хроники из какой-то старой газеты, где она прочла уведомление о помолвке двадцатиднолетней Наоми Энн Чедвик, дочери Мэттью и Луизы Чедвик с фермы «Три ивы», Блюмонт, Виргиния, и Филиппа Джеймса Байдена, тридцати четырех лет, сына Эндрю и Миллисент Байден из Джорджтауна.

Свадьба должна была состояться в июне, и Келси легко нашла соответствующее объявление. Для нее было настоящим потрясением увидеть отца таким молодым, таким счастливым и беззаботным. Руку, сжимавшую ладонь Наоми, он прижимал к сердцу и улыбался. На лацкане белела бутоньерка из нескольких роз, и Келси попыталась угадать, были ли они белыми или солнечно-желтыми.

Наоми на фотографии смотрела чуть исподлобья, но да-

же крупнозернистый газетный снимок не мог скрыть блеска ее обаяния. Личико Наоми казалось невероятно юным и удивительно красивым; полные губы были четко очерчены, а глаза весело блестели, словно она вот-вот рассмеется.

Эти двое выглядели так, словно вместе они могли одолеть любые трудности.

Нет, ей не будет больно. Не должно быть. Келси твердила эти слова постоянно, убеждая себя, что глупо было бы расстраиваться из-за развода, который произошел бог знает сколько времени назад, но эти двое были так молоды, так полны жизненных сил и надежд... А теперь каждый из них стал для другого просто горьким воспоминанием.

Келси сделала кое-какие краткие заметки и фотокопии всех сообщений, которые ей попались, как она сделала бы это для любого академического доклада или сообщения. С особым интересом она просмотрела фотокопию объявления о своем собственном рождении.

Начиная с этого момента имена ее родителей стали попадаться довольно редко; как правило, это были просто упоминания о том, что мистер и миссис Байден – в числе многих других – присутствовали на приеме в мэрии или приняли участие в какой-то благотворительной акции. Похоже, они вели довольно замкнутый или, во всяком случае, не слишком активный образ жизни, и большая часть их непродолжительного супружества прошла вдалеке от Вашингтонского света.

Потом в «Вашингтон пост» промелькнула коротенькая и очень сжатая заметка, посвященная делу об опеке, помещенная в самой газете, как показалось Келси, только из-за того, что ее дед по отцовской линии был одним из заместителей министра финансов. Фактически, кроме имен – ее собственного, Наоми и отца, которые она прочла почти с нежностью, – в статье ничего не было; по всему было видно, что любые семейные дразги «Пост» ставит довольно низко.

Потом Келси нашла несколько сообщений о ферме и скачках. В одной из них рассказывалось о многообещающем жеребчике, который сломал ногу во время скачки и был застрелен. К статье прилагалась фотография – прелестное личико Наоми со слезами на глазах.

А потом было убийство.

Подобные события, как правило, занимали гораздо больше места, чем свадьбы, рождения и разводы, и Келси сразу бросились в глаза кричащие заголовки:

**«ССОРА ЛЮБОВНИКОВ
ЗАКОНЧИЛАСЬ ТРАГЕДИЕЙ.
МИРНАЯ ВИРГИНИЯ СТАЛА
АРЕНОЙ КРОВАВОГО УБИЙСТВА».**

О Наоми говорилось как о бывшей жене профессора английского факультета Джорджтаунского университета и дочери известного коннозаводчика. О погибшем молодом че-

ловеке – с некоторой долей пренебрежения – упоминалось только как о повесе, имеющем какое-то отношение к миру скачек и всему, что было с ними связано.

Вся интрига выглядела предельно простой. Алек Бредли был застрелен из револьвера в одной из спален на ферме «Три ивы». Оружие принадлежало Наоми Чедвик-Байден, которая и уведомила о происшествии полицию. Когда все это случилось, кроме них двоих, в доме никого не было. Полиция округа ведет расследование.

Виргинские газеты содержали информации ненамного больше. Наоми не отрицала, что это она стреляла в любовника, но ее адвокат настаивал, что Алек Бредли напал на нее, и несчастная жертва была вынуждена прибегнуть к крайнему средству самообороны.

Судя по газетным статьям, до несчастного случая между Наоми и Бредли существовали вполне дружеские отношения и они часто появлялись в обществе вместе. И, разумеется, какой-то пронира-журналист раскопал грязную историю о том, что Наоми вовлечена в тяжбу об опеке над ее трехлетней дочерью.

Через неделю после убийства в газетах появились новые заголовки.

«ЖЕНЩИНА ИЗ ВИРГИНИИ ПОДОЗРЕВАЕТСЯ В УБИЙСТВЕ!»

В свете новых доказательств версия о самообороне оказалась несостоятельной!»

И, черт побери, это действительно оказались железные доказательства. Келси даже похолодела, прочтя о фотографиях, сделанных частным детективом, нанятым адвокатом отца с целью добыть убедительные компрометирующие материалы для процесса об опеке. И вот, вместо того чтобы зафиксировать факт прелюбодеяния, детектив стал невольным свидетелем убийства.

Разумеется, он тоже выступал на суде.

Как ни тяжело ей это давалось, Келси продолжала упрямо вчитываться в газетный текст, узнавая о свидетеле, который под присягой показал, что на публике Наоми и Бредли вели себя словно два близких человека. Что Наоми была опытным стрелком. Что ей нравились вечеринки, шампанское и внимание мужчин. Что она и Бредли поссорились как раз накануне гибели последнего и что причиной скандала послужил флирт Алека с другой женщиной.

Потом на возвышение для свидетелей поднялся тот самый детектив – Чарльз Руни. Он сделал около дюжины фотографий Наоми – у грузовика, на ферме, на вечеринках и так далее. Видимо, Руни очень дорожил своей лицензией на част-

ную сыскную деятельность, ибо все его показания были подкреплены документально.

И все эти документы рисовали Наоми как обаятельную, но бесшабашную особу, которая обожала острые ощущения и была только рада тому обстоятельству, что брак с человеком намного старше ее больше ее не связывает. И в ночь убийства Наоми вышла на стук чуть ли не в ночной рубашке и пригласила будущую жертву в дом, зная, что в доме больше никого нет.

Руни не мог сказать с уверенностью, о чем эти двое разговаривали между собой, однако сделанные им снимки и заключения были достаточно красноречивы. На одной фотографии, сделанной через окно гостиной, парочка обнималась и пила бренди. На другой они уже спорили, и Наоми вдруг ринулась на второй этаж. Бредли последовал за ней.

Верный своему долгу, Руни вскарабкался на высокое дерево и направил телеобъектив на окно спальни. Спор продолжался и здесь, и, судя по всему, он стал гораздо более ожесточенным. Наоми ударила Бредли по лицу, а когда он повернулся, чтобы уйти, она выхватила из ящика ночного столика револьвер. Фотоаппарат уловил потрясение, отразившееся на лице Бредли, когда он увидел направленное на него оружие, и ярость Наоми, нажимавшей на спусковой крючок.

Келси долго рассматривала помещенную в газете фотографию и заголовок «ВИНОВНА!» над ней. Потом она сде-

лала несколько фотокопий и, выключив проектор, собрала все свои выписки. Прежде чем здравый смысл успел взять верх над чувствами, она уже набирала номер на панели платного телефона.

– Ферма «Три ивы».

– Позовите, пожалуйста, Наоми Чедвик.

– Простите, кто ее спрашивает?

– Келси Байден.

Послышался короткий сдавленный вскрик.

– Мисс Наоми внизу, в конюшне. Подождите минутку, я соединю вас с ней.

Минуты через полторы Наоми взяла трубку параллельного аппарата, и Келси подумала, что голос ее напоминает тягучий, прохладный мед.

– Привет, Келси. Рада тебя слышать.

– Я хочу поговорить с тобой еще раз.

– Разумеется. Когда тебе будет угодно.

– Сейчас. Мне потребуется около часа, чтобы добраться до «Трех ив». И лучше, если на этот раз мы будем одни.

– Договорились. Я жду.

Наоми повесила трубку и вытерла влажные ладони о джинсы.

– Моя дочь сейчас приедет, Моисей.

– Я так и понял.

Моисей Уайттри – тренер² Наоми, самый надежный ра-

² **Тренер** – специалист-дрессировщик, занимающийся подготовкой лошадей

ботник и давнишний любовник – даже не оторвался от родословных и графиков. Он был наполовину евреем, наполовину индейцем-чокто и потому носил длинные волосы, заплетенные на спине в косу, и серебряную звезду Давида на шее. Кровь, что текла в его жилах, представляла собой взрывоопасную смесь, но зато он знал о лошадях все, что только можно было знать. И, за редким исключением, предпочитал лошадей людям.

– Она будет задавать вопросы.

– Да.

– Как мне лучше ей отвечать?

Моисей и на этот раз не посмотрел на нее; впрочем, ему это было ни к чему. Он достаточно хорошо изучил интонации Наоми, чтобы знать, какое у нее при этом лицо.

– Попробуй сказать правду.

– Много хорошего она принесла мне, эта правда!

– Она твоя дочь.

Наоми с легким раздражением подумала, что для Мо все всегда было слишком просто.

– Келси – взрослая женщина. Она не примет меня только потому, что мы с ней родственники. Во всяком случае, меня это разочаровало бы.

Моисей наконец отложил свои бумажки и встал. Он не был особенно крупным мужчиной – всего лишь на несколь-

для скакового сезона. Он же организует кормление, содержание и сбережение лошадей, руководит работой жокеев и обслуживающего персонала.

ко фунтов тяжелее и на несколько дюймов выше, чем требовалось, чтобы стать жокеем, а об этом он когда-то мечтал. Впрочем, те времена давно прошли, и в последнее время Моисей немного погрузнел. В ботинках со стоптанными каблуками он был почти одного роста с Наоми.

– Ты хочешь, чтобы она приняла и полюбила тебя, но только на твоих условиях. Ты, как всегда, хочешь слишком много, Наоми.

Наоми с нежностью прикоснулась ладонью к его обветренной щеке. Она никогда не могла долго сердиться на Моисея. В конце концов, этот человек ждал ее долго и терпеливо, никогда ни о чем не расспрашивал и всегда любил.

– Я знаю. Ты часто мне это повторял, Мо. Просто до тех пор, пока я не увидела ее, я и подумать не могла, что она настолько мне нужна. Я не подозревала, что дочь может так много для меня значить.

– И тебе хотелось бы, чтобы это было не так.

– Да.

Это Моисею было понятно. Он сам слишком долго мечтал о том, чтобы не любить Наоми.

– У моего народа есть поговорка...

– У какого именно?

Моисей улыбнулся. Обоим было известно, что половину пословиц он выдумывает сам, а вторую безбожно перевирает, приспособливая к своим сиюминутным потребностям.

– Только глупец мечтает впустую, Наоми. Пусть она уви-

дит, кто ты такая. Этого будет достаточно.

– Моисей! – В контору заглянул один из конюхов и, заметив Наоми, сорвал с головы шляпу. – Мое почтение, мисс. Мне не нравится, как Сирень припадает на левую переднюю ногу. Да она у нее и распухла к тому же...

– Сегодня утром она же довольно хорошо бегала и все было в порядке! – Моисей нахмурился. Он нарочно поднялся перед рассветом, чтобы лично проследить за утренними тренировками. – Надо взглянуть.

Крошечная контора Моисея располагалась рядом со стойлами, и в ней вечно пахло застоявшейся лошадиной мочой, однако он предпочитал ее просторной комнате своего предшественника, который устроил свой кабинет в беленом домике возле западного выгона. Моисей часто повторял, что лошадиные запахи для него все равно что французские духи и что он не хочет, чтобы его отвлекали от дел всякие посторонние мелочи.

Сами стойла сияли чистотой, словно первоклассный отель, и были местом столь же оживленным. Залитый бетоном проход между двумя рядами боксов был выскоблен, а на каждом боксе висела эмалированная табличка, на которой золотыми буквами значилась кличка лошади. Подобный порядок завел еще отец Наоми, и, унаследовав ферму, она не стала его менять. Да и пахло в конюшне гораздо приятнее, чем в конторе Моисея. По этому запаху – лошадей, притираний, соломы, зерна и кожи – Наоми очень скучала в тюрьме,

и даже теперь, входя в конюшню, она с наслаждением вдыхала этот замечательный будоражащий запах, для нее он был запахом свободы.

Заметив Моисея, лошади одна за другой поворачивали головы и провожали его грустными лиловыми глазами. У него тоже был свой особенный запах, который они признавали и любили. И, как бы он ни торопился, как бы быстро ни шел по забетонированной дорожке, у него всегда было время, чтобы потрепать каждую лошадь по холке или шепнуть пару ласковых фраз.

При их появлении подсобные рабочие не прервали работу. Железный закон – работа превыше всего – Наоми установила уже давно, однако ей все равно показалось, что при виде хозяйки вилы и скребницы в их руках двигались с удвоенной быстротой.

– Я собирался отправить ее на пастбище, когда заметил, как она бережет ногу, – пояснил конюх, останавливаясь возле стойла Сирени. – Потом увидел опухоль и подумал, что вы тоже захотите посмотреть.

Моисей неодобрительно фыркнул и вытер руки о засаленную коричневую куртку. Потом он осмотрел глаза молодой кобылы, принюхался к ее дыханию и, нашептывая ей что-то успокоительное, стал опускаться от шеи все ниже и ниже – к ноге.

Опухоль располагалась над самой щеткой и была горячее на ощупь. Стоило Моисею слегка надавить на нее пальцами,

как кобыла отпрянула и громко заржала.

– Похоже, она обо что-то ударилась, – вынес приговор Моисей.

– Сегодня утром на ней ездил Рено, – сказала Наоми, припомнив, что жокею пришлось специально приехать на ферму, чтобы провести с Сиренью утреннюю разминку. – Позовите его, если он еще не ушел.

– Хорошо, мэ. – Конюх выскочил за дверь.

– Утром все было нормально. – Наоми прищурилась и, присев рядом с Моисеем, легонько подвигала раненую ногу вперед и назад, следя за напряженностью плечевых мышц. – Похоже на засечку, – пробормотала она себе под нос, рассматривая обесцвеченное пятно и сгусток крови под кожей. «Наверное, ушиблена кость, – подумала она. – Если повезет, обойдется без фрактуры».

– На следующей неделе Сирень должна была скакать в Саратоге.

– Может, еще и побежит, – отозвался Моисей, но Наоми видела, что он так не думает. Только не с такой ногой.

– Нужно сбить опухоль, – добавил он. – И вообще, неплохо бы позвонить ветеринару. Рентген еще никогда никому не вредил.

– Я этим займусь. И поговорю с Рено. – Наоми выпрямилась и обхватила кобылу за шею. Лошади были для нее выгодным вложением капитала, ее бизнесом, но при всем этом она искренне их любила. – У нее душа чемпиона, Мо. Мне

бы не хотелось, чтобы Сирень больше никогда не вышла на старт.

Меньше чем через час Наоми мрачно следила за тем, как ветеринар осматривает больную ногу Сирени. Копыто уже обмыли водой со льдом, и Моисей растирал опухоль раствором уксуса. Ветеринар стоял в сторонке и готовил шприц.

– Когда она снова может тренироваться, Мэтт? – спросила Наоми.

– Через месяц. А лучше – через полтора. – Мэтт Ганнер бросил на Наоми быстрый взгляд. У него было длинное приятное лицо и добрые глаза. – Ушиблена надкостница, потянуты сухожилия, но трещин нет. Держите ее в стойле и продолжайте массаж. Через пару недель можно начать какие-нибудь легкие упражнения, и все будет в порядке.

– Мы работали галоп и быструю рысь, – вставил Рено, стоявший у входа в бокс и наблюдавший за процедурами. После утренней тренировки он уже успел переодеться в один из своих дорогих, прекрасно сшитых костюмов, которые очень любил, однако он был жокеем, и больше всего на свете его интересовали чистокровные лошади, а точнее – состояние их тонких и сухих ног. – И я не заметил никакого сбоя в аллюре.

– Я тоже, – добавила Наоми. – Рено говорит, что она не спотыкалась. Я следила за утренней разминкой и наверняка увидела бы, если бы что-то случилось. К тому же у Сирени спокойный нрав – она не из тех, кто начинает биться в стой-

ле.

– В общем, это был сильный удар, – заявил Мэтт. – И если бы ваш конюх не обратил внимания на опухоль, все могло закончиться гораздо хуже. Сейчас я сделаю инъекцию болеутоляющего... Но, но, девочка, спокойнее...

Последнее относилось к Сирени, которая, почувствовав, как игла шприца вонзается ей в ногу, завращала глазами, зафыркала, но не сдвинулась с места.

– Сильная и здоровая лошадь, – похвалил Мэтт, выпрямляясь. – Я уверен, что она снова начнет бегать, да еще как! Что касается лечения, то я вряд ли могу прибавить что-нибудь, чего бы не знал ваш Мо. Если будет повышаться температура, позвоните мне. Иначе...

Он не договорил, уставившись куда-то за плечо Наоми.

– Прошу прощения. – Келси остановилась напротив бокса, прижимая к груди сумочку и папку с выписками и фотокопиями. – Я не хотела мешать. Просто в усадьбе мне сказали, что я могу найти вас здесь.

– Ох... – Наоми машинально провела рукой по своим растрепанным волосам. – Я совсем забыла про время! У нас тут возникла одна маленькая проблема. Мэтт, познакомься с моей дочерью. Келси Байден. А это Мэтт Ганнер, мой ветеринар.

Мэтт протянул руку, но, увидев, что в ней все еще зажат шприц, смутился и отдернул ее.

– Простите. Рад с вами познакомиться.

Справившись с собой, Келси выдавила улыбку.

– И я. Здравствуйте, Мэтт Ганнер. Как поживаете?

– А это Моисей Уайттри, мой тренер, – продолжила Наоми.

Моисей кивнул, продолжая растирать ногу кобылы.

– Это Рено Санчес, один из лучших жокеев на гладких скачках.

– Самый лучший, – уточнил Рено и подмигнул. – Рад, очень рад.

– Если вы заняты, я могу подождать. – Растерявшись, Келси уже готова была отступить.

– Нет, – вмешалась Наоми. – Мы уже сделали все, что можно. Спасибо, что так быстро выбрался, Мэтт. А ты, Рено, извини, что я заставила тебя задержаться.

– Ничего страшного, до первой скачки еще полно времени. – Маленький Рено с неприкрытым восхищением посмотрел на Келси. – Приходите сегодня на ипподром, увидите, как я выступаю.

– Спасибо, я, право, не знаю... – Келси чувствовала себя неуверенно.

– Я вернусь попозже и еще раз проверю, что и как, – бросила Наоми Моисею и повернулась к дочери: – Может быть, пройдем в дом?

И она сделала неопределенный жест рукой, изо всех сил стараясь даже случайно не дотронуться до Келси, а потом решительно пошла к выходу из конюшни.

– У тебя заболела лошадь? – спросила Келси на ходу.

– Поранилась, – огорченно объяснила Наоми. – Боюсь, она не сможет выступать в ближайшие несколько недель.

– Это, должно быть, неприятно...

Келси бросила взгляд на загон, по которому важно вышагивал годовалый жеребенок на длинном ременном поводе. Другого жеребенка, на котором восседал всадник, вели под уздцы к рингу. Конюх поливал из шланга гнедую кобылу, та довольно фыркала и передергивала глянцевитой шкурой. Остальные лошади, собранные в загоне, одна за другой двигались по кругу – по земляной дорожке, вытопанной в траве.

– Тут, как я посмотрю, жизнь прямо кипит, – пробормотала Келси, глядя в сторону.

– Ну, большая часть работы обычно приходится на утро. Впрочем, вечером состоится скачка, так что после обеда суеты еще прибавится.

– Сегодня у тебя скачки?

– У меня всегда скачки, – рассеянно отозвалась Наоми. – В прямом и переносном смысле. В настоящее время нам приходится особенно туго – жеребятся мои производительницы. Как правило, это случается рано утром, а то и ночью... – Она улыбнулась. – Ночью роды происходят даже чаще.

– Боюсь, я не особенно хорошо представляла себе твой размах.

– За последние десять лет «Ивы» стали одной из лучших

коннозаводческих ферм страны. На последних трех дерби наши чемпионы финишировали в призах, мы выигрывали и Бельмонт Стейкс, и Сент-Леджер. На протяжении двух лет «Три ивы» удерживает Золотой кубок коннозаводчиков, а одна из наших кобыл завоевала золото на Олимпиаде... – Наоми со смехом оборвала сама себя. – Со мной на эту тему лучше не говорить, иначе я становлюсь болтлива, как старуха, у которой в сумочке полным-полно старых фотографий.

– Нет, мне правда интересно, – возразила Келси и подумала: «Гораздо интереснее, чем я думала». – В детстве я брала уроки верховой езды. Должно быть, в жизни каждой девочки бывает период, когда она с ума сходит по лошадям. Папе это было не по душе, но... – Она замолчала, только теперь поняв, почему ее отец был так недоволен ее увлечением.

– Ну конечно же... – немедленно отозвалась Наоми, и на губах ее заиграла озорная улыбка. – Его чувства вполне можно понять. Но ты, я полагаю, продолжала учиться?

– Да, я таки его уговорила. – Келси остановилась и посмотрела матери прямо в глаза. Только теперь она рассмотрела едва заметные, но недвусмысленные приметы возраста, которые она пропустила при первой встрече. От уголков глаз, словно гусиные лапки, разбегались лучики тонких морщин; другие морщины – то ли следы переживаний, то ли признаки взрывного темперамента – прочертили высокий, чуть тронутый кремовым загаром лоб Наоми.

– Хотя, – закончила Келси, – ему наверняка было больно

смотреть на меня изо дня в день.

– Не думаю. – Наоми чуть заметно пожала плечами. – Что бы там Филипп ни думал в отношении меня, тебя он всегда обожал.

Она тоже отвернулась и принялась рассматривать гряды холмов на горизонте. Наверное, так ей было легче. Где-то недалеко заржала лошадь, и Наоми улыбнулась – этот звук ласкал ей слух, словно нежнейшее оперное сопрано.

– Кстати, я не спросила тебя о нем. Как он?

– Хорошо. Папа стал деканом английского факультета университета Джорджтауна. Еще семь лет назад.

– Он умный и добрый человек. Хороший человек.

– Но не для тебя.

Бровь Наоми чуть дрогнула и поползла вверх.

– Это я была недостаточно хороша для него. Спроси кого хочешь.

Отбросив волосы со лба резким движением головы, она пошла дальше.

– Говорят, он снова женился? – осведомилась она небрежно.

– Да. Мне тогда было восемнадцать. Им было очень хорошо вместе. Кроме того, у меня есть теперь сводный брат.

– И ты их любишь? Свою семью, я имею в виду.

– Очень.

Наоми решительным шагом пересекла уже знакомое Келси патио и вошла в ту же самую дверь, что и в первый раз.

– Могу я предложить тебе чай или кофе? А может быть, немного вина?

– Нет, ничего не нужно.

– А я надеялась, что ты порадуешь Герти. Как только она услышала о твоём приезде, сразу бросилась печь тебе любимое печенье. Я знаю, что ты ее не помнишь, но она тебя очень любила.

«Поймана! – подумала Келси. – Поймана в силки светских манер и сострадания. И печенье».

– Хорошо. – Она постаралась кивнуть как можно суше. – Тогда – печенье и чай.

– Присядь, я пойду распоряжусь.

Но Келси не стала садиться. Ей казалось, что, если она повнимательнее рассмотрит обстановку и вещи матери, она сумеет обрести под ногами хоть какую-то почву. На первый взгляд комната показалась ей довольно элегантно; это был совсем другой мир, отстоящий довольно далеко от оживленной суеты конюшен и испачканных в навозе башмаков. Огонь в камине гудел негромко, почти усыпляюще, а бледно-розовые шторы на окнах были задернуты неплотно, пропуская в гостиную лучи высокого солнца, падавшие на дюжину хрустальных статуэток, изображавших скачущих лошадей. Статуэтки брызгали светом, словно алмазы. Ковер в восточном стиле, покрывавший светло-ореховый, до блеска натертый паркет, казался розовым, и розовой казалась кремовая софа в углу.

Здесь не было ничего странного, ничего бросающегося в глаза, но только на первый взгляд. Присмотревшись, Келси поняла, в чем тут дело. Стены гостиной были обиты бледным шелком того же желтовато-костяного цвета, что и обивка мебели, однако на них висели кричаще-яркие абстрактные полотна, словно взрывающиеся изнутри мазками оранжевого, алого, черного. Они внушали невольное беспокойство, и Келси подумала, что их буйная экспрессия выражает жестокость, страсть и гнев. И, вздрогнув, она увидела, что каждое полотно подписано двумя буквами, совпадающими с инициалами ее матери.

«Работы Наоми?» – подумала Келси, но тут же отказалась от этой мысли. Никто никогда не говорил ей, что ее мать увлекалась абстрактной живописью. Картины же были написаны явно не любителем – только талантливый, профессиональный художник мог с таким мастерством передать ощущение тревоги и беспокойства.

Отворачиваясь, Келси подумала, что эти полотна должны были бы противоречить спокойствию и благопристойной чистоте гостиной, но вместе с тем они же придавали ей индивидуальность.

В комнате были и другие любопытные предметы. В углу Келси обнаружила гипсовую статую женщины, чье лицо было искажено гримасой глубочайшего горя, стеклянное, бледно-зеленое сердце с глубокой трещиной, доходящей до самой середины, широкую глиняную миску, наполненную раз-

ноцветными камешками.

– Это твои, дочка, – раздалось за ее спиной.

Келси виновато уронила камешек обратно в миску и повернулась. Это была Герти, которая вкатила в гостиную чайный столик с подносом и теперь стояла, глядя на нее.

– Как?..

– Тебе всегда нравились яркие камушки. Я сохранила их, когда тебя... – Ее улыбка стала неуверенной. – Когда ты от нас ушла.

– Ох... – Интересно, как ей на это реагировать? – Значит, ты уже давно здесь работаешь?

– Я стала жить в «Ивах» еще девочкой. Моя мать вела хозяйство для мистера Чедвика, а когда она состарилась и вернулась во Флориду, я стала работать вместо нее. Шоколадное печенье ты всегда любила, – неожиданно закончила Герти и сделала шаг вперед.

У нее был такой вид, словно она готова обнять гостью; Келси было не по себе от полного печали взгляда Герти, но видеть в ее глазах восхищение и любовь было еще горше.

– Я до сих пор его люблю, – кое-как выдавила она.

– Да ты садись, угощайся. Мисс Наоми кто-то позвонил, но она сейчас закончит. – Только что не напевая от переполнявшего ее счастья, Герти принялась разливать чай и выкладывать печенье в вазочку.

– Я всегда знала, что ты вернешься, всегда... Мисс Наоми не верила, а я ей говорила: «Кел – твоя дочка, разве нет? Не

бойся, она обязательно придет повидать свою мамочку...»
И вот ты приехала.

– Да. – Келси заставила себя сесть и даже взяла в руки чашку чая. – Вот я и приехала.

– А как выросла-то! – Не в силах сдержаться, Герти погладила ее по волосам. – Ты теперь совсем взрослая женщина.

Ее лицо вдруг помрачнело, поднятая рука опустилась, и Герти почти выбежала из комнаты.

– Извини, – кивнула Наоми, вернувшись в гостиную несколько секунд спустя. – В последнее время Герти стала особенно чувствительной. Сожалею, если она доставила тебе несколько неприятных минут, но...

– Ничего страшного. – Келси сделала крошечный глоток. На этот раз чай был китайским, и она это заметила. Наоми поняла и рассмеялась.

– Это у меня такое чувство юмора, – пояснила она, наливая себе чай и садясь. – Я не знала, вернешься ли ты.

– Я тоже. Возможно, я никогда бы этого не сделала, – во всяком случае, так скоро, если бы бабушка не вынудила меня.

– А-а, Милисент. – Наоми вытянула свои длинные ноги и слегка потянулась. – Она всегда терпеть меня не могла. Впрочем, это чувство было обоюдным, – добавила она, пожимая плечами. – Скажи, как тебе удалось добиться соответствия ее высоким стандартам?

– Не удалось. – Келси улыбнулась, но сразу стала серьез-

ной. Ей показалось недостойным обсуждать бабушку с Наоми.

– Семейная честь... – протянула Наоми, кивая. – Ты права, я не должна была критиковать Милисент в твоём присутствии. Кроме того, это ты собиралась задавать вопросы.

– Как тебе это удастся?! – воскликнула Келси, ставя чашку на блюдце дрогнувшей рукой. – Как ты можешь так спокойно вести себя, если знаешь, о чём пойдёт разговор?

– Когда я была в тюрьме, я научилась не роптать и принимать то, что меня ждёт, без волнения и страха. В данном случае ситуацией управляешь ты. А я... У меня было много времени, чтобы все как следует обдумать, и, прежде чем я написала тебе, я поклялась принять все, чем бы это ни кончилось.

– Но почему ты ждала так долго? Ведь тебя выпустили из тюрьмы уже...

– Двенадцать лет, восемь месяцев и десять дней назад. Бывшие заключённые одержимы ещё больше, чем бывшие курильщики, а я являюсь и тем, и другим. – Наоми снова улыбнулась. – Но я не ответила на твой вопрос. Я хотела встретиться с тобой в тот день, когда меня выпустили. Я даже ездила к твоей школе. На протяжении недели я сидела в машине через улицу от школьных ворот и смотрела, как ты играешь с девочками во дворе. Я видела, как вы поглядываете на мальчиков, а сами притворяетесь, будто смотрите в другую сторону. Однажды я даже вышла из машины и подо-

шла почти к самой оgrade. Мне хотелось знать, почувствуешь ли ты запах тюрьмы. Я ощущаю на себе его до сих пор.

Она повела плечами и равнодушно взяла из вазы печенье.

– В общем, я не дошла до забора, повернулась и уехала. Ты была счастлива, тебе ничто не грозило, и к тому же ты даже не знала о моем существовании. Потом мой отец серьезно заболел, и мне пришлось поехать к нему. С тех пор прошло много лет, но каждый раз, когда я бралась за трубку телефона, чтобы позвонить тебе или написать письмо, я чувствовала, что это будет неправильно. Я не должна была снова появляться в твоей жизни.

– Почему же ты в конце концов написала мне?

– Потому что мне показалось, что я должна это сделать. Ты больше не беспечная счастливая девчонка, у тебя хватает неприятностей, и мне показалось, что тебе пора узнать о моем существовании. Твой брак развалился, ты на распутье... Может быть, ты считаешь, что я не способна тебя понять, но я понимаю.

– Ты знаешь об Уэйде?

– Да. И о твоей работе, и о твоей академической карьере. Тебе повезло, что ты унаследовала мозги отца. Я-то всегда была паршивой студенткой. Кстати, если тебе совсем не хочется есть печенье, спрячь несколько штук в сумочку – Герти будет приятно...

Келси со вздохом взяла печенье и надкусила.

– Я еще не совсем хорошо разобралась со всем этим... И

я не уверена в своих чувствах к тебе.

– Действительность редко бывает похожа на опереточный спектакль, – заметила Наоми. – Дочь воссоединяется с матерью, которую считала умершей. Все прощено и забыто, публика аплодирует. Занавес. Я и не прошу у тебя прощения, Келси, но я хочу, чтобы ты дала мне хоть один шанс.

Келси потянулась к своей папке, которую положила на софу.

– Я предприняла кое-какие исследования, – начала она.

«Ну и черт с ними», – подумала Наоми, протягивая руку еще за одним печеньем.

– Я ждала чего-то в этом роде, – сказала она вслух. – Должно быть, старые газетные статьи о процессе, верно?

– Да, в том числе и газетные статьи.

– Я могла бы дать тебе расшифровку стенограммы судебного заседания.

Пальцы Келси замерли на завязках папки.

– Расшифровку? – переспросила она.

– На твоём месте я обязательно попыталась бы её достать. Стенограмма велась для судебного архива, чтобы впоследствии я не смогла бы ничего скрыть, даже если бы захотела.

– В прошлый раз я спрашивала, виновна ли ты, и ты сказала – да.

– Ты спрашивала, убила ли я Алека.

– Почему ты не рассказала, что на суде твой адвокат настаивал на версии о самообороне?

– А какая разница? Ведь в конце концов меня все же признали виновной. Зато теперь я заплатила свой долг обществу, поэтому – согласно существующей системе – я могу считать себя полностью реабилитированной.

– Значит, это была ложь? Обычная адвокатская уловка? Ты лгала, когда заявила, что стреляла в него, чтобы защититься от насилия?

– Присяжные тоже так подумали.

– Я спрашиваю тебя! – выпалила Келси, вспыхивая. – Скажи просто: да или нет?

– Отнять у человека жизнь никогда не бывает просто, какими бы ни были обстоятельства.

– И какими же они были в тот раз? Ты сама впустила его к себе в дом и пригласила в спальню.

– Я впустила его в дом, – ровным голосом уточнила Наоми. – А потом он поднялся за мной в спальню.

– Он был твоим любовником.

– Нет, не был. – Наоми спокойно налила себе чаю, хотя руки у нее были холодны как лед. – Он мог бы им стать... в конце концов, но я с ним не спала.

Она подняла голову и смело встретила взгляд дочери.

– Но присяжные не поверили и этому. На самом деле меня просто влекло к нему. Он казался мне очаровательным дурачком, безвредным и забавным.

– Но из-за него ты едва не подралась с другой женщиной.

– Я первая его застолбила, – с юмором отозвалась Нао-

ми. – Считалось, что это он от меня без ума; таким образом, мне можно было флиртовать с другими, а ему – нет. Впрочем, к тому времени он мне уже надоел настолько, что я решила дать ему отставку. Правда, Алек этого не хотел... Короче, между нами произошла безобразная сцена, свидетелями которой стали слишком многие. – Она с горечью покачала головой. – Потом еще одна, уже наедине. Алек вышел из себя, он назвал меня... разными словами и в конце концов попытался добиться своего при помощи силы. Мне это не понравилось, и я велела ему убраться вон.

Она изо всех сил старалась казаться спокойной, но голос ее предательски дрогнул, когда воспоминания о той страшной ночи с новой силой нахлынули на нее.

– Он побежал за мной наверх и снова принялся обзывать. И вел себя еще более грубо, еще более вызывающе. Наверное, ему казалось, что если он сумеет затащить меня в постель, то я пойму, чего лишаюсь. Я разозлилась, но и испугалась тоже. Потом мы начали бороться, и я поняла, что этот парень своего добьется. Мне удалось вырваться и схватить револьвер. Вот так я его застрелила.

Не говоря ни слова, Келси открыла свою папку и достала оттуда копию газетного снимка. Наоми приняла его с непроницаемым выражением лица, и лишь дрогнувшие губы выдали ее истинные чувства.

– Не слишком-то удачный ракурс, верно? – заметила она. – Впрочем, тогда мы не подозревали о том, что высту-

паем перед публикой.

– Он не трогает тебя. Он стоит далеко, и руки его подняты.

– Да. – Наоми кивнула, возвращая фотографию. – Ты не могла не приехать и не задать мне твои вопросы. Я не прошу тебя верить мне, Келси. Почему, в конце концов, ты должна принимать все мои слова на веру? Какими бы ни были обстоятельства, я не могу сказать, что на мне нет ни пятнышка, но я заплатила за все сполна. Общество дало мне еще один шанс, и от тебя я хочу того же.

– Почему ты допустила, чтобы я считала, что ты умерла?

– Потому что я сама чувствовала себя мертвой. Какая-то часть меня умерла. И, какие бы преступления, мнимые и настоящие, я ни совершила, я любила тебя. Я не хотела, чтобы ты росла, зная, что твоя мать – за решеткой. Если бы я постоянно об этом думала, то вот тебе честное слово, я не сумела бы выдержать эти долгие десять лет. А мне очень хотелось выжить.

У Келси были и другие вопросы, десятки, сотни вопросов, кружившихся у нее в голове, но она знала, что выслушать ответы ей не хватит мужества.

– Не знаю... – промолвила она наконец. – Не знаю, смогу ли я когда-нибудь почувствовать к тебе что-то...

– Твой отец должен был воспитать в тебе чувство долга. Если не он, то Милисент – точно. И я собираюсь этим воспользоваться. Иными словами, я прошу тебя пожить несколько недель здесь, у меня.

Это неожиданное заявление на несколько мгновений сбилось Келси с толку.

– Ты хочешь, чтобы я жила здесь? – пробормотала она в конце концов.

– Да. Устрой себе каникулы. Несколько твоих недель взамен целой жизни, которую я потеряла...

Боже, она так не хотела унижаться, так не хотела просить, но она на колени бы встала, если бы у нее не оказалось другого выхода.

– Я понимаю, что с моей стороны это эгоистично и не совсем правильно, но... Я прошу дать мне возможность попробовать...

– Не слишком ли многого ты просишь?

– Да, я прошу многого, но все равно прошу. Я твоя мать, и от этого никуда не деться. Если ты так решишь, мы можем никогда больше не видеться, но я все-таки останусь твоей матерью. А так у нас будет время, чтобы разобраться, возможны ли между нами какие-то, хотя бы чисто дружеские, отношения. Если нет – ты вольна уйти и никогда не возвращаться, но я почему-то думаю, что ты не уйдешь. – Наоми наклонилась вперед. – Из чего ты сделана, Келси? Достаточно ли в тебе мужества Чедвиков, чтобы принять вызов?

Келси вздернула подбородок. Согласившись, она многим рисковала и все равно предпочитала подобное поведение любым просьбам и мольбам.

– Месяц не обещаю, – резко ответила она. – Но я приеду,

а там будет видно.

И с удивлением заметила, как губы Наоми чуть заметно и жалко дрогнули, прежде чем снова сложиться в спокойную и уверенную улыбку.

– Вот и хорошо. Если я не сумела тебя очаровать, то «Трем ивам» это, несомненно, по силам. Поглядим, как много ты еще помнишь из своих уроков верховой езды.

– Меня всегда было нелегко вышибить из седла.

– Меня тоже.

4

Ужинать в ее семье всегда было принято в соответствии с давно сложившимися традициями. Еда была превосходной, и подавалась она со всем достоинством и соблюдением этикета.

«Как всякая последняя трапеза», – мрачно подумала Келси, механически орудуя ложкой и поглощая горячий бульон, обильно сдобренный черемшой. Больше всего ей не хотелось рассматривать вечер, проведенный в отцовском доме, как обязанность или – хуже того – как некое подобие судилища, но в глубине души она знала: и то, и другое в значительной мере справедливо.

Филипп, правда, старался поддерживать за столом непринужденный разговор, однако его улыбка была слегка натянутой. С тех пор как Келси сообщила ему о предстоящем отъезде в «Три ивы», все его мысли, казалось, были обращены к прошлому. Келси считала, что это несколько несправедливо по отношению к Кендис и что отцу не следовало так много думать о своей первой жене, ибо у нее были серьезные основания подозревать, что воспоминания о Наоми не отпускали его не только днем, но и по ночам, лишая сна и заставляя допоздна курить в кабинете. И действительно, сколько бы он ни повторял себе, что это нелогично, непозволительно, просто глупо, – ничто не помогало. Смириться с мыслью о том,

что он теряет своего ребенка – дочь, за которую столько боролся, Филиппу было тяжело.

Впрочем, Келси давно перестала быть ребенком. Чтобы убедиться в этом, ему достаточно было просто бросить на нее взгляд. Но стоило только закрыть глаза, и он без труда вспоминал, какой она была в детстве. И тогда чувство вины охватывало Филиппа с особенной силой.

Милисент вела себя на удивление тихо, но, когда подали жареного цыпленка, она не выдержала. Не в ее правилах было обсуждать за едой какие-либо неприятные вопросы, однако на сей раз ей, похоже, не оставили никакого выхода.

– Ты уезжаешь завтра, как я слышала, – начала она.

– Да. – Келси сделала глоток воды из стакана, следя глазами за ломтиком лимона, который сначала погрузился на самое дно, а затем снова всплыл на поверхность. – Завтра утром.

– А как же твоя работа?

– Я уволилась. – Келси с вызовом приподняла голову. – Эта моя так называемая работа мало чем отличается от того, чем добровольцы занимаются на общественных началах. Когда я вернусь, попробую найти что-нибудь в Смитсоновском институте.

– С твоим длинным послужным списком найти что-нибудь стоящее может оказаться довольно трудно, – сыронизировала Милисент.

– Ты права, – не стала спорить Келси.

– Историческое общество всегда нуждается в специалистах, – робко вставила Кендис. – Я уверена, что могла бы замолвить за тебя словечко.

– Спасибо, Кендис, я подумаю об этом, – кивнула Келси, а сама подумала: «Кен, как всегда, выступает в роли миротворца».

– А может быть, ты увлечешься скачками, – подмигнул ей Ченнинг. – Купишь себе нескольких племенных лошадей и будешь посылать их на соревнования.

– Вряд ли это будет разумно. – Милисент промокнула губы салфеткой. – В твоём возрасте, Ченнинг, подобные вещи действительно могут показаться привлекательными из-за налета ложной романтики, но Келси, надеюсь, достаточно взрослая, чтобы рассуждать здраво.

– А мне все равно нравится такая жизнь: каждый день обходить стойла, делать ставки и так далее... – Ченнинг пожал плечами. – Я бы не отказался провести несколько недель на ферме, чтобы можно было покататься на лошади.

– Ты можешь навестить меня, – вставила Келси. – Я уверена, это было бы интересно.

– Ничего умнее ты не могла придумать? – Оскорбленная в своих лучших чувствах, Милисент с громким стуком положила вилку. – Интересно! А ты подумала о том, что это будет значить для твоего отца?

– Мама, я прошу тебя...

Но Милисент не дала Филиппу договорить, отметя его

слабые возражения властным взмахом руки.

– Это унижительно! – воскликнула она. – После всего, что мы вынесли, после всех несчастий этой женщине достаточно было просто щелкнуть пальцами, чтобы Келси бросилась в ее объятия.

– Ничем она не щелкала. – Келси с такой силой стиснула под столом кулаки, что ногти больно вонзились в ладони. «Да, – подумала она, – закатить сцену было бы гораздо проще, но надо держаться». – Наоми предложила мне приехать в гости, и я согласилась. Прости, па, я не хотела причинить тебе боль.

– Я беспокоюсь только о тебе, Келси.

– Хотела бы я знать... – проговорила Кендис, надеясь отвлечь внимание Милисент от опасной темы и спасти остаток вечера. – Тебе обязательно уезжать туда на все время? В конце концов, от нас до этой фермы всего час пути. К чему бросаться в эти дела как в омут, с головою? Например, для начала ты могла бы просто приезжать туда на выходные.

Она бросила взгляд на мужа, надеясь угадать его реакцию на такое предложение, и ободряюще улыбнулась Келси.

– На мой взгляд, так было бы разумнее.

– Если бы она руководствовалась разумом, она бы вообще туда не поехала, – отрезала Милисент.

Услышав этот комментарий, Келси подавила вздох и откинулась на спинку стула.

– Разумеется, дело никоим образом не обстоит так, как

если бы я дала письменное обязательство пробыть на ферме ровно столько-то и ни днем меньше. Я могу уехать в любой момент, когда мне только захочется. Но поехать туда мне нужно. – Последнее замечание она адресовала отцу. – Я должна разобраться, что она такое.

– Мне кажется, это вполне естественное желание, – поддержал ее Ченнинг, жуя цыплячью ножку. – Если бы я вдруг узнал, что у меня где-то есть мать, которую я считал умершей и которая столько лет просидела в тюрьме, я именно так бы и поступил. Ты не спрашивала у нее, как там было? Я обожаю фильмы про женские тюрьмы, и мне хотелось бы знать...

– Ченнинг!.. – В шепоте Кендис явственно прозвучали смятение и ужас. – Неужели ты настолько испорчен, что...

– Мне просто интересно. – Он насадил на вилку маленькую картофелину и подмигнул сестре.

Келси, ободренная его поддержкой, улыбнулась.

– Я обязательно расспрошу, – заверила она брата, а сама подумала: «Боже, неужели только Ченнинг и я способны относиться к этому как нормальные люди и не устраивать драму из-за ерунды? Им бы радоваться, что я не помчалась за утешением к психоаналитику и не стала восстанавливать равновесие с помощью спиртного. Только я сама способна решить эту проблему, и, видит бог, я стараюсь изо всех сил!»

– Ты думаешь только о себе, – заявила Милисент, с осуждением поджав губы.

– Вот именно. Я думаю о себе. – Келси решительно ото-

двинулась от стола. – Возможно, вам будет интересно узнать, что обо всех вас Наоми говорила только хорошее, – сказала она, обращаясь к отцу. – Она не вынашивает никаких коварных планов и не собирается настраивать меня против тебя. Впрочем, она все равно бы не смогла.

Поднявшись, она подошла к Филиппу и, наклонившись, поцеловала его в щеку.

– Спасибо за обед, Кендис, все было очень вкусно, но мне нужно еще попасть домой, чтобы собрать вещи. Позвони мне, Ченнинг, если у тебя будут свободные выходные. Спокойной ночи, бабушка.

С этими словами она быстро вышла из столовой и, едва закрыв за собой дверь, глубоко вздохнула. В воздухе явственно пахло свободой, и Келси была настроена наслаждаться ею.

Рано утром Герти уже встречала Келси у дверей усадьбы. – Вот и ты. – Она выхватила из рук Келси чемоданы прежде, чем та успела возразить. – Мисс Наоми в конюшне. Мы не знали, во сколько ты приедешь, и она велела мне тотчас позвонить...

– Нет, не надо ее беспокоить. У нее, должно быть, полно дел. Давай я возьму чемоданы, они тяжелые.

– Делов-то... Я сильная как лошадь. – Герти попяtilась от нее, не переставая лучезарно улыбаться. – Пойдем, я провожу тебя в твою комнатку. Ступай-ка за мной, дочка. Вон ты какая большая... Я буду звать тебя мисс Кел.

Несмотря на свой низкий рост и худобу, Герти поднималась вверх по лестнице без видимых усилий, не переставая при этом болтать.

– Мы все приготовили к твоему приезду. Я была так рада, что мне опять нашлось дело. Мисс Наоми-то прекрасно сама обходится, ей почти и не нужно, чтобы я ей помогала.

– Я уверена, что ты все равно ей нужна.

– Ну, разве что для компании. Ведь мисс Наоми и ест точно птичка, и всегда сама себе сготовит; я, бывало, спрошу у нее, когда обедать-то будете, а она отвечает – я уже поела. – Герти повела Келси по широкому коридору, застеленному вылинявшей дорожкой, в рисунке которой еще можно было угадать розы. – Иногда, правда, к ней приходят люди, но уже не так часто, как прежде, и больше по делу. Раньше-то здесь постоянно бывали вечеринки, гости всякие толклись...

По всему было видно, что тех, прежних, гостей Герти не одобряла.

Наконец она толкнула дверь и, шагнув в комнату, водрузила оба чемодана Келси на кровать с балдахинном.

Комната оказалась очень светлой благодаря широкому двойному окну, обращенному на холмы. Еще два узких окна выходили в сад. Глубокие, насыщенные краски и растительный орнамент обоев придавали спальне очень стильный европейский вид.

– Какая прелесть! – Келси подошла к туалетному столику из вишневого дерева, на котором стояла цилиндрическая

хрустальная ваза. Из вазы остроконечными копьями торчали свежесрезанные тюльпаны, еще не успевшие раскрыться. – Все равно что спать в саду.

– Раньше это была твоя комната. Конечно, тогда она была обставлена по-другому. Все здесь было розовым да белым, как карамелька. – Герти прикусила губу, заметив промелькнувшее в глазах Келси удивление. – Мисс Наоми сказала, что, если тебе не понравится, ты можешь занять комнату напротив.

– Нет, я останусь в этой. – Келси подождала, не нахлынут ли на нее ностальгические воспоминания. Они не нахлынули. Единственное, что она испытывала, это любопытство.

– Ванная комната вот здесь. – Стремясь угодить, Герти распахнула дверь. – Если понадобятся еще полотенца, ты скажи. И вообще, если чего захочешь – прямо мне и говори. А сейчас я пойду позвоню мисс Наоми.

– Нет, не надо! – Келси импульсивно повернулась к выходу. – Я сама к ней схожу, а распаковать вещи можно и потом.

– Я разберу твои чемоданы, дочка, не беспокойся. Сходи, погуляй, осмотришься. Обед будет после полудня, но я могу сделать для тебя бутерброды и разогреть чай. Только кофточку-то застегни, воздух еще холодный.

Келси машинально подняла руку к воротнику и с трудом подавила улыбку.

– Хорошо, обещаю вернуться к ленчу.

– Заставь свою мамочку тоже прийти, ей нужно поесть.

– Я ей передам.

Келси вышла, а Герти со счастливым лицом взялась за чемоданы.

Спускаясь по лестнице, Келси испытывала сильный соблазн быстро осмотреть дом, заглянуть в комнаты и исследовать полутемные, прохладные коридоры, но решила, что это может подождать. Несмотря на то что стоял самый конец зимы, день выдался на удивление солнечным. И, как надеялась Келси, многообещающим.

Она не собиралась начинать свой визит с погони за тенями прошлого. Она еще успеет сделать это, когда представится подходящий момент, а пока... пока она может без всякого вреда для себя насладиться погожим днем, проведенным на природе и не отягощенным никакими заботами личного свойства. Так приятно пахли первые цветы и молодая трава, таким завораживающе-прекрасным был вид на холмы, по которым бродили лошади, таким голубым казалось небо, что затвориться в четырех стенах в поисках следов двадцатилетней давности было бы верхом глупости. Разумнее всего было бы рассматривать предстоящее пребывание в «Трех ивах» как короткий отпуск, ибо Келси почувствовала, насколько сильно она нуждалась в том, чтобы выбраться из ограниченного пространства своей уютной квартиры и отвлечься от бумажной работы, только собирая свои чемоданы перед поездкой. Да и наука жить одной, которую она начала постигать

заново, тоже давалась ей нелегко.

А здесь, подумала она, лоя в воздухе острый лошадиный запах, здесь можно научиться чему-то совсем другому. Мир скачек, его законы, люди и сами благородные животные, вокруг которых кипело столько страстей, – все это Келси знала больше понаслышке и была не прочь познакомиться поближе с тем, что казалось со стороны таким привлекательным и празднично-ярким.

Итак, решено: она будет учиться, будет изучать этот загадочный мир. И это, несомненно, поможет ей лучше понять мать.

Как и в прошлый ее визит, возле конюшен жизнь была ключом. Грумы прогуливали лошадей, шипела вода, вырываясь из черных резиновых шлангов, блестели мокрые лошадиные бока, работники сновали туда и сюда, держа в руках охапки соломы или катя тачки с прессованным сеном. Стараясь не замечать направленных на нее – и искоса, и в упор – взглядов, Келси переступила порог конюшни.

В первом же боксе она увидела конюха, который бинтовал переднюю ногу кобыле. Заслышав ее шаги, он поднял голову, и Келси невольно задержала шаг. Глаза мужчины были скрыты в тени под козырьком кепки, но видимая часть лица показалась Келси неправдоподобно старой, растрескавшейся, словно оставленный на солнцепеке кусок кожи.

– Простите, пожалуйста, вы не скажете, где мне найти мисс Чедвик?

– Выросла, малышка, да? – При помощи языка конюх переместил табачную жвачку за щеку и кивнул головой. – Я слышал, что ты приезжаешь... Но-но, золотко, погоди-ка молиться!

Келси потребовалась целая секунда, чтобы сообразить, что последнее замечание относится к кобыле, а не к ней.

– Что случилось с этой лошадкой? – спросила она. – Что-нибудь серьезное?

– Нет, просто маленькая растяжка. Она у нас уже старушка, но все еще норовит пуститься во весь дух при каждом удобном случае. Вспоминаешь те денечки, крошка? Она выиграла свою первую скачку, и последнюю тоже, и еще дюжину скачек в промежутке. Сейчас-то ей уже двадцать пять. Когда ты в последний раз видела ее, она была шустрой молодой кобылкой. – Конюх улыбнулся, обнажая редкие, желтые от табака зубы. – Нет, наверняка ты не помнишь ни меня, ни ее. Меня звать Боггс, я учил тебя кататься на пони. Небось уже забыла, как надо ездить верхом?

– Нет, я умею. – Келси протянула руку и погладила старую лошадь по морде. – Как ее зовут?

– Королева Ярмарки. Я зову ее Кори.

Кобыла негромко заржала, и ее большие карие глаза заглянули, казалось, в самую душу Келси.

– Да, она старовата для скачек, – задумчиво пробормотала она.

– И для племени тоже, – подхватил Боггс. – Кори у нас

давно на пенсии, но ей все кажется, что она еще девочка, вот и начинает бить копытами. А если б я принес сюда седло, у нее уши сразу бы торчком встали.

– Значит, она еще может ходить под седлом?

– Если наездник справный попадетсЯ. А твоя ма чуть дальше, у случной конюшни. Как выйдешь, налево. Сегодня там большие дела творятся.

– Спасибо, э-э-э...

– Боггс. И добро пожаловать домой, дочка. – Он снова повернулся к кобыле, и его заскорузлые, мозолистые ладони мягко и бережно заскользили по лошадиным ногам. – Когда придешь в следующий раз, не забудь надеть ботинки.

– Да, пожалуй... – Келси в замешательстве посмотрела на свои мягкие итальянские туфли без каблучков.

Она прошла вдоль конюшни, невольно задержавшись у бокса Сирени. Кобыла, казалось, узнала ее – во всяком случае, она потянулась к ней мордой, а ее фырканье показалось Келси приветливым.

Оказавшись снаружи, она увидела, что указания, которые дал ей Боггс, были излишними. Суета у здания с навесом, стоявшим на отшибе, сразу привлекла ее внимание, и она направилась туда. Еще издалека она узнала Гейба Слейтера и сразу же задумалась, кто из них выглядит красивее – он или великолепный гнедой жеребец, который то и дело норовил встать на дыбы и которого Гейб с трудом удерживал. Он стоял у головы коня, крепко уперевшись каблучками в землю,

и напрягал все свои силы, чтобы не выпустить из рук коротенький недоуздок, а конь вздрагивал всем телом и громко ржал.

Тряхнув головой так, что его выющиеся волосы разлетелись по ветру, Гейб прокричал коню:

– Волнуешься, малыш? Я тебя понимаю. Прежде чем заниматься сексом с хорошенькой кобылкой, полезно как следует разогнать кровь по жилам. Привет, Келси, – добавил Гейб, не оборачиваясь и продолжая удерживать жеребца в узде. Он знал, что она здесь. Келси готова была поверить, что он почуял ее присутствие, как жеребец чувствует кобылицу. – Ты поспела как раз вовремя, чтобы своими глазами увидеть самое главное. Тебя не смущают подобные зрелища?

– Нисколько.

– Вот и отлично. Наоми внутри, с кобылой. «Рискованное дело» и «Три ивы» решили вместе родить чемпиона.

Келси окинула лошадь взглядом. Грумы и дрессировщики обступили жеребца со всех сторон, страхуя Гейба и мешая животному ринуться к навесу. Мокрая от пота гнедая шкура великолепного скакуна горела словно огонь, глаза бешено вращались, могучие мускулы свивались в тугие узлы.

– И вы собираетесь выпустить этого бешеного зверя на какую-нибудь бедную, ничего не подозревающую кобылу? – спросила Келси.

Гейб ухмыльнулся:

– Поверь мне, она будет нам только благодарна.

– Вы напугаете ее до смерти, – не согласилась Келси и направилась к сараю с навесом. Внутри она увидела свою мать и Моисея, которые пытались успокоить кобылу, которая, казалось, всем своим существом стремится к соитию с жеребцом. Она тоже была гнедой масти и отличалась такой же величественной статью, как и ее предполагаемый супруг. Несмотря на то что кобыла была стреножена, а на шею ее был надет защитный жилет из кожи и толстого брезента, она ничуть не выглядела напуганной.

– Келси! – Тыльной стороной ладони Наоми вытерла со лба пот и грязь. – Герти должна была сообщить мне, когда ты приедешь!

– Я просила ее не беспокоиться. Или я мешаю?

– Нет... – Наоми с сомнением посмотрела на Моисея. – Просто зрелище может оказаться... слишком наглядным.

– Я кое-что знаю о сексе, – сухо заметила Келси.

– Оставайся, и узнаешь гораздо больше, – вставил Моисей. – Кобыла готова, – бросил он одному из дрессировщиков.

– Держись от нее подальше, – предупредила Наоми дочь. – У лошадей не все проходит так просто, как у людей – полчаса в придорожном мотеле, и все дела.

Келси почувствовала острый запах конского возбуждения, как только Гейб и конюхи ввели в сарай жеребца. Казалось, сам воздух внутри источал терпкий аромат плотского желания. В нем было что-то первобытное, неуправляемое,

дикое. Кобыла негромко заржала – не то в знак протеста, не то наоборот, призывая супруга, – и жеребец откликнулся на этот голос звуками, от которых в груди Келси все перевернулось.

Моисей отдал какие-то распоряжения, конюхи проворно рассыпались по сторонам, отпустив туго натянутые веревки. Жеребец ринулся вперед, потом встал на дыбы и взгромоздился на лоснящийся круп кобылы. Расширившимися от удивления глазами Келси следила за тем, как Моисей шагнул вперед и руками помог жеребцу. Потом она поняла, для чего на кобылу надели эту странную брезентовую сбрую: без нее жеребец, несомненно, прокусил бы ей кожу на холке и спине.

Дальше все пошло так, как задумано природой. Движения жеребца были торопливыми, резкими, до странности напоминая человеческие. В конце концов самец – требовательный и властный, как и все мужчины, – покрыл кобылу; та не сопротивлялась, а ее большие лиловые глаза закатились, как показалось Келси, от удовольствия. Сама того не осознавая, она подошла ближе, захваченная неистовой страстью совокупляющихся животных. Ее собственное сердце тоже забилось чаще, а кровь быстрее потекла по жилам. Сексуальное возбуждение – внезапное и сильное – охватило Келси и заставило ее пошатнуться.

Только тогда она опомнилась и обнаружила, что глядит прямо в лицо Гейба. По его коже ручьями стекал пот, крепкие мускулы натягивали рубашку, а глаза, казалось, смотре-

ли прямо на нее, и Келси испытала еще одно потрясение, заметив в его взгляде то же первобытное, примитивное желание, которое как будто было отражением ее собственных чувств. На мгновение представив себе, как ее самое берут так, как только что кобылу – жестоко, грубо, властно, – Келси снова покачнулась.

Гейб улыбнулся. Его губы медленно растянулись в улыбке, которая была одновременно и наглой, и обольстительной, и Келси подумала, что он улыбается, потому что точно знает, что творится у нее в голове. Как будто он сам заставил ее подумать об этом.

– Впечатляет, верно? – Наоми бесшумно подошла к ней сзади и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Эта кобыла была третьей за сегодняшнее утро, и все тело Наоми ломило от усталости. – За один акт, направленный на продолжение рода, лошади теряют несколько сот фунтов веса, – буднично закончила она.

– А это... – Келси откашлялась. – Ей это не больно?

– Даже если и больно, я сомневаюсь, что кобыла это замечает. – Наоми вытащила из заднего кармана джинсов простую голубую косынку и промокнула ею влажную шею. – Некоторые жеребцы при случке ведут себя очень осторожно, совсем как стыдливые юноши или как давние любовники.

Криво улыбнувшись, она покосилась на сопящую и отдувающуюся пару.

– Но об этом экземпляре так сказать, конечно, нельзя. В

нем нет ни капли застенчивости. Зверь, а не конь. А какая женщина время от времени не мечтает о том, чтобы залучить к себе в постель зверя? – И она бросила быстрый взгляд на Моисея.

«Помни, ты сможешь добиться своего только за счет ума», – напомнила себе Келси, стараясь унять бешеный стук сердца. Она давно решила, что логичнее будет начать изда- лека, постепенно приближаясь к главным вопросам, которые ее интересовали. Кроме того, такой путь был наиболее без- опасным и удобным.

– Как узнать, какого жеребца с какой кобылой спари- вать? – спросила она.

– По родословным, по предрасположенности, по характе- ру, в конце концов – просто по масти. Каждый коннозавод- чик ведет свои генетические карты, которые помогают пред- положить определенные качества у возможного потомства при скрещивании линий. Ну и конечно, его величество слу- чай тоже играет роль, поэтому, решившись на спаривание, мы все держим пальцы крестом. Господи, как хочется ку- рить! Пойдем подышим воздухом, здесь закончат без нас.

Наоми направилась к выходу, на ходу вытаскивая из кар- машка пакетик жевательной резинки.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Жалкая замена табаку. – Наоми вздохнула и отправила в рот пластинку «двойной мятной». – Впрочем, все замены

этим грешат.

Она слегка наклонила голову и внимательно оглядела дочь с ног до головы.

– Ты выглядишь утомленной. Бессонная ночь?

– Что-то вроде этого.

Наоми снова вздохнула. Было время, когда у ее дочери не было от матери секретов. Больше того, последние сногсшибательные новости и самые страшные тайны так и сыпались из нее, но те дни ушли безвозвратно. Как и многое другое.

– Если не захочешь отвечать, скажи мне об этом сразу... – нерешительно начала она. – Просто мне хотелось знать, Филипп был против твоей поездки?

– Если быть предельно точной, то мое решение причинило ему боль.

– Понимаю. – Наоми посмотрела себе под ноги и кивнула. – Я сама готова была бы поговорить с ним, чтобы переубедить его, но, боюсь, этим я только бы все испортила.

– Пожалуй, что так.

– Ну хорошо. В конце концов, ему предстоят всего лишь несколько недель беспокойства.

Когда Наоми снова подняла голову, ее взгляд был жестким. Черт возьми, она заслужила этот короткий месяц – всего один месяц за такую чертову уйму лет.

– Переживет, – сказала она. – Я не могу умереть просто потому, что множеству людей так было бы удобнее.

Она обернулась назад, чтобы посмотреть, как Гейб выво-

дит взмыленного жеребца из сарая, и на губах у нее появилась улыбка, смягчившая выражение ее лица.

– Ну что? Как ты думаешь – получилось у нас?

– Если нет, то вовсе не потому, что мы плохо старались, – отозвался Гейб и, погладив коня по шее, передал повод груму. – Надеюсь, что все в порядке и мы получим своего чемпиона. Первого из многих. Ну что, Келси, интересное вышло посвящение в жизнь коневодческой фермы? Если проведешь здесь до начала будущего года, то своими глазами увидишь результаты сегодняшнего свидания.

– Я бы назвала это иначе, – холодно откликнулась Келси. – Похоже, у кобылы не было никакого выбора.

– У жеребца тоже. – Ухмыльнувшись, Гейб достал из кармана сигару. – Их примитивные инстинкты не допускают такой роскоши, как свободный выбор. Пусть Моисей сообщит мне, если потребуется повторить представление, – обратился он к Наоми, – но я готов побиться об заклад, что второго раза не потребуется.

– В любом другом случае я бы спросила, сколько ты готов поставить, – улыбнулась Наоми, – но сегодня я, пожалуй, доверюсь твоей интуиции. Прошу прощения, я сейчас вернусь. Мне надо взглянуть на кобылу.

С этими словами она повернулась и пошла к сараю.

Келси поглядела в ту сторону, где конюх выгуливал жеребца, давая ему остыть.

– Почему бы вам тоже не пойти туда и не выкурить вашу

сигару там? Заодно и поговорили бы на мужские темы, – не удержалась Келси, оставшись один на один с Гейбом.

– Я перестал рассказывать сказки о своей выдуманной половой жизни еще в старших классах, – ровным голосом отозвался он. – Это я заставляю тебя нервничать или просто обстановка действует?

– Ни то, ни другое, – машинально откликнулась Келси, хотя и знала, что это неправда. Гейб каким-то образом влиял на нее, однако, скорее всего, это была ее собственная проблема. – Так это вы – владелец соседней фермы? «Рискованное дело», кажется?

– Совершенно верно.

– Я любовалась вашим домом с дороги. Он... несколько менее традиционен, чем остальные дома в округе.

– Как и я сам. Респектабельная усадьба в стиле «мыс Код»³ меня не устраивала, так что, как только ферма перешла в мои руки, я выстроил себе жилище по своему вкусу. – Он выпустил струйку дыма и прищурился. – Заходи, взгляни на него вблизи. Я устраю тебе настоящую экскурсию.

– Благодарю, но сначала я хотела бы как следует ознакомиться с достопримечательностями «Трех ив».

– На всем Восточном побережье не найти другого такого хозяйства, если не считать моей фермы.

За спиной Гейба кто-то громко и насмешливо фыркнул.

³ Дом в стиле «мыс Код» – прямоугольный одно-двухэтажный коттедж со шипцовой крышей.

Он обернулся и увидел Моисея.

– Моя ферма была бы лучшей в стране, если бы я сумел сманить у Наоми мистера Уайттри, – тут же поправился Гейб. – Соглашайся, Мо, я буду платить тебе вдвое против того, что платит она.

– Побереги свои деньги, парень. Лучше купи себе еще один карнавальный костюм. – Моисей передал поводья одному из конюхов. – Такие владельцы, как ты, обычно заканчивают грандиозным провалом.

– То же самое ты говорил пять лет назад.

– То же самое я готов повторить и сейчас. Дай мне сигару.

– С тобой нелегко иметь дело, Уайттри. – Гейб протянул тренеру сигару.

– Угу. – Моисей засунул сигару в нагрудный кармашек. – Вон тот парень со сломанным носом... Это твой? От него пахнет джином.

Беззаботная улыбка на лице Гейба погасла, а глаза сузились.

– Я этим займусь.

– Пусть этим занимается твой тренер, – заявил Моисей. – Это его работа.

– Но это моя лошадь, – возразил Гейб. – Прошу меня извинить...

Он круто развернулся на каблуках и направился к тренеру, куда по сходням заводили жеребца.

– Так он никогда ничему не научится, – неодобрительно

проворчал Моисей.

– У Гейба всегда было слабовато с дисциплиной, – заметила Наоми, подходя к ним. – Ты должен был рассказать о нарушении его тренеру.

– Джемисон и так знает, что творится у него под самым носом. Для этого я ему не нужен.

– Простите, – перебила Келси, поднимая руку. – Может быть, вы и мне объясните, в чем дело?

– Гейб увольняет одного из своих конюхов, – пояснила Наоми, глядя в сторону трейлера и качая головой.

– Так просто? – поразила Келси. – За что?

– На работе нельзя пить, – сквозь зубы процедил Моисей, прислушиваясь к возбужденному голосу конюха, который как раз донесся до них. – Но владельцы все равно должны держаться подальше от того, что делается в конюшнях и вокруг них.

– Почему? – спросила Келси.

– Потому что они владельцы! – Моисей возмущенно потряс головой и медленно пошел обратно к стойлам.

– У нас не соскучишься. – Наоми легко коснулась руки Келси. – Почему бы нам не... Черт!..

– Что? – Келси повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как грум замахнулся на Гейба. И как Гейб, ловкий и быстрый, словно тень, уклонился от удара раз, другой, третий.

Он не хотел наносить ответного удара, хотя инстинкт

твердил ему: бей! Этот закон трущоб, эта вьевшаяся в подсознание привычка постоянно жила в самом глухом и темном уголке его мозга, скрываясь за внешним обликом воспитанного, цивилизованного человека, каким ему удалось стать. Конюх – человек с маленьким сморщенным лицом, похожим на морду хорька, – казался ему жалким; он был чуть ли не вдвое меньше его, но Гейб едва сдерживался, чтобы не разорвать его на части. Надо же было так случиться, что именно Моисей, посторонний человек, указал ему на то, что за его драгоценным жеребцом присматривает пьяный работник.

– Возвращайся на ферму и собирай манатки, Липски, – с ледяным спокойствием повторил Гейб, не обращая внимания на сжатые кулаки конюха. – Ты больше у меня не работаешь.

– Кто ты такой, чтобы говорить мне это? – Липски быстро вытер рот тыльной стороной ладони. Он не был пьян, пока еще не был, но он уже влил в себя достаточно джина, чтобы чувствовать себя грозным и сильным. – Я знаю о лошадях больше, чем ты когда-нибудь узнаешь. Ты пролез в большой бизнес благодаря везению. Везению и ловкости рук. Все это знают, как знают и то, что твой отец – пьяница и неудачник.

Огонь, сверкнувший в глазах Гейба, заставил конюхов попятиться. Словно по молчаливому соглашению, они встали в круг. Представление вот-вот должно было начаться.

– Так ты знал моего папашу, Липски? Ничуть не удивлен. Как-нибудь потом можешь навестить его и пропустить с ним

по рюмочке. А пока собирай вещички и получи расчет. Ты уволен.

– Меня нанимал не ты, а Джемисон. Я проработал десять лет на ферме Канингема и буду работать там, когда ты снова вернешься к рулетке и карточным столам.

Глядя через голову Липски, Гейб заметил, как двое конюхов обменялись взглядами. Так вот что за козыри у Липски в рукаве! Ладно, с ними он разберется попозже, пока же ему нужно было перебить карту, которая уже легла на сукно.

– Ни у Канингема, ни в «Рискованном деле» для тебя больше не будет никакой работы. Может быть, тебя действительно нанял Джемисон, но это я подписываю твои чеки на зарплату. Пьяниц я у себя не держу. И если я еще раз увижу тебя возле моих лошадей – пеняй на себя, Липски. Обещаю, что в этом случае тебе придется иметь дело вовсе не с Джемисоном.

Он повернул голову, и Келси встретила с ним взглядом. Она стояла неподвижно и, как и конюхи, наблюдала за происходящим. Холодное презрение, читавшееся в глазах Гейба, потрясло ее, и она успела подумать только о том, как бы ей не хотелось когда-нибудь стоять под таким взглядом. В следующее мгновение она заметила, как солнце ярко блеснуло на узкой полоске стали, зажатой в кулаке Липски.

Крик еще не успел вырваться из ее горла, а Гейб уже повернулся навстречу ножу. Он действовал настолько быстро, что нож лишь полоснул его по руке, вместо того чтобы вон-

зиться в спину. Вид и запах крови заставили зрителей оживиться, хотя до этого все происходящее, казалось, занимало их внимание лишь в незначительной степени.

– Ну-ка, отойдите подальше, – приказал Гейб, не обращая внимания на боль в руке. «Это моя ошибка, – подумал он. – Я недооценил опасность, не думал, что пьянчуга может зайти так далеко».

– Хочешь завалить меня, Липски? – спросил Гейб. Его тело напряглось, как сжатая пружина, и было готово отразить следующую атаку. Еще один закон улицы: если не можешь уйти от драки – сражайся, а там как повезет. – Ну что ж, действуй. Этот ножик тебе понадобится.

Клинок в руке конюха задрожал. В первое мгновение Липски даже не мог припомнить, как и когда он его вытащил. Казалось, рукоятка сама прыгнула к нему в руку. Как бы там ни было, первая кровь уже пролилась, а гордость, разбуженная джином, не позволяла ему отступить.

Липски побледнел, но, пригнувшись к земле, начал медленно двигаться по кругу.

– Нужно что-то сделать! – воскликнула Келси, чувствуя во рту противный медный привкус собственного страха. – Позвоните кто-нибудь в полицию.

– Нет, только не в полицию! – Бледная нездоровой восковой бледностью, Наоми заломила руки.

– Но они убьют друг друга! Господи!..

Келси в ужасе следила за тем, как блестящее лезвие со

свистом рассекает воздух в считанных дюймах от Гейба. Кроме этих двоих, что двигались по кругу, словно на гладиаторской арене, никто больше не шевелился. Только запертый в трейлере жеребец, почуяв запах крови и насилия, принялся лягаться, раскачивая тяжелый фургон.

Не успев как следует подумать, Келси схватила вилы, стоявшие у стены сарая. Взвесив их в руках, она взяла вилы наперевес и бросилась вперед, стараясь не думать о том, что могут сделать с человеческой плотью острые зубцы. Новая вспышка солнца на лезвии ножа заставила ее остановиться. Вращаясь вокруг своей оси, клинок подлетел высоко вверх; в то же самое мгновение Липски с размаху грохнулся на землю.

Удара она не видела. Гейб, казалось, даже не сдвинулся с места. Он стоял над упавшим противником, его глаза были холодны, а лицо было словно высечено из камня.

– Сообщи Джемисону, куда выслать твои вещи и причитающиеся деньги, – отчеканил он, без усилий приподнимая Липски за воротник. При этом запах крови и перегара ударил ему в ноздри с такой силой, что Гейба, в котором эти ароматы будили не самые приятные воспоминания, едва не стошнило. – И постарайся больше не попадаться мне на глаза, особенно где-нибудь возле фермы, иначе я могу позабыть, что я теперь джентльмен. Я разорву тебя на две половинки.

Бросив обмякшее тело обратно на землю, Гейб брезгливо

отряхнул руки и повернулся к своим людям.

– Отведите его на шоссе, пусть ловит машину и убирается.

– Да, сэ, мистер Слейтер.

Конюхи зашевелились и, оживленно переговариваясь, словно мальчишки на школьном дворе, ставшие свидетелями драки, подняли Липски и поволокли к грузовику.

– Извини, Наоми. – Гейб небрежным жестом отбросил назад упавшие на лоб волосы. – Мне нужно было дождаться, пока мы вернемся на ферму, и уволить его там.

Наоми всю трясло, но она постаралась взять себя в руки.

– Боюсь, что тогда я не увидела бы этого любопытного представления, – ответила она и, выжав из себя улыбку, шагнула к нему. Кровь все еще текла по руке Гейба. – Пошли в дом. Надо промыть и перевязать твою руку.

– По сценарию я должен сказать: «Пустяки, это просто царапина», – ухмыльнулся Гейб и впервые опустил взгляд, чтобы поглядеть на рану. Он облегченно вздохнул, увидев, что порез неглубок, хотя боль была довольно сильной. – Но я был бы дураком, если бы отказался от возможности представить себя заботам двух очаровательных женщин.

С этими словами он перевел взгляд на Келси.

Она все еще стояла посреди двора, сжимая в руках навозные вилы. Костяшки ее пальцев побелели от напряжения, на скулах горели яркие пятна, а глаза сверкали от страха и ярости.

– Мне кажется, вилы уже можно поставить на место. – Он

осторожно отобрал у нее инвентарь и прислонил к стене. – Поверь, Келси, я высоко ценю твою находчивость, а еще лучше – заботу о моей шкуре.

Келси почувствовала, как начинают дрожать и подгибаться колени, и приложила все силы, чтобы справиться со слабостью.

– Вы что, так его и отпустите? – спросила она.

– Что же еще? – удивился Гейб.

– Покушение на убийство обычно считается преступлением. За это арестовывают. – Она обернулась на Наоми и увидела, как губы ее дрогнули и изогнулись в кривой, вымученной улыбке. – Или здесь все по-другому?

– Спроси у Моисея, – подала голос Наоми. – В «Трех ивах» именно он занимается увольнениями.

С этими словами она вытащила из кармана свою голубую косынку и забинтовала ею окровавленное предплечье Гейба.

– Очень жаль, но я не ношу нижней юбки, которую могла бы разорвать для тебя на бинты.

– Мне тоже, – весело отозвался Гейб.

– Прижми покрепче другой рукой, – велела она. – Сейчас мы пойдем в дом и забинтуем тебе руку как следует.

Они повернули к усадьбе, и Гейб нарочно шел медленно, давая возможность Келси нагнать его. Когда она поравнялась с ним, он проговорил, широко ухмыляясь:

– Добро пожаловать домой, Келси.

Келси предоставила матери оказывать первую помощь, а Герти – охать и ахать, а сама тихонько встала в сторонке. В другом месте она настояла бы на поездке к врачу, но здесь ее мнение, похоже, никого не интересовало.

Очевидно, к ножевым ранам здесь относились с философским спокойствием и предпочитали обрабатывать их на кухне, чтобы не портить ковры.

После того как рана Гейба была промыта и забинтована, на столе появились миски с горячим супом из цыпленка и жареные гренки. Разговор за ленчем вертелся, разумеется, в основном вокруг лошадей, родословных, скачек, результатов и качества скаковых дорожек. Келси почти ничего не понимала, ей оставалось только наблюдать, запоминать, сопоставлять.

Характер отношений между Габриэлом Слейтером и Наоми все еще оставался для нее загадкой. Казалось, в обществе друг друга они чувствуют себя совершенно свободно, словно давние, близкие друзья. Именно Гейб поднимался со своего места, чтобы наполнить кофейные чашки, хотя по этикету это полагалось делать хозяйке. И часто, нисколько не смущаясь, они прикасались один к другому то кончиками пальцев, то всей рукой.

В конце концов Келси пришло в голову, что ее вовсе не

касается характер отношений, которые существуют между ее матерью и этим человеком. Наоми и Филипп Байден развелись больше двадцати лет назад, ее мать вольна была встречаться с кем угодно, и блюсти интересы отца со стороны Келси было по меньшей мере глупо. И все же, на каком-то подсознательном уровне, этот вопрос продолжал волновать ее.

Разумеется, рассуждала Келси, они подходят друг другу. Даже если отвлечься от таких бросающихся в глаза черт, как жизнерадостность характера и интерес к лошадям, захвативший обоих с головой, в каждом из них было что-то жестокое, дикое, непредсказуемое. Оба умели держать себя в узде, но оба могли быть смертельно опасными. Келси знала это наверняка: о матери она прочла в старых газетах, а что касалось Гейба, то только что он наглядно это продемонстрировал.

– Может быть, Келси захочет посмотреть утреннюю тренировку на треке? – донесся до нее голос Гейба, который наслаждался своим кофе и открыто любовался ею. На мгновение Келси показалось, что он способен читать ее мысли.

– На треке? – Келси была искренне заинтересована, хотя неожиданное предложение отвлекло ее от размышлений. – Я думала, вы тренируете лошадей здесь.

– И здесь, и на ипподроме, – пояснила Наоми. – Лошадь обязательно должна привыкнуть к дорожке.

– А гандикаперы⁴ – рассчитать ставки, – подхватил Гейб. –

⁴ **Гандикапер** – специальное уполномоченное лицо, составляющее гандикап, то есть условия, утяжеляющие испытания более сильным по полу, возрасту или

На трекe собирается подчас довольно много самых разных, – порой весьма экстравагантных – личностей. Особенно в этот туманный предрассветный час, задолго до начала скачек.

– Предрассветный – это нисколько не преувеличение. – Наоми улыбнулась дочери. – Может быть, тебе не хочется вставать так рано?

– Мне хотелось бы своими глазами увидеть, как все это делается.

– Значит, завтра? – Гейб слегка приподнял бровь, что означало вызов.

– Отлично.

– Тогда мы будем ждать тебя здесь. – Наоми бросила быстрый взгляд на часы. – Мне нужно в конюшню – сегодня обещал зайти кузнец.

Она поднялась, опираясь на плечо Гейба.

– Давай, допивай свой кофе. Тебе придется немного потерпеть его общество, Келси, если не возражаешь. Надеюсь, он расскажет тебе, чего следует ожидать утром, если ты все-таки решишь поехать.

Она подхватила со стула вязаный жакет и быстро вышла.

– Да, Наоми не сидит на месте подолгу, – пробормотала Келси.

– Первая половина года самая напряженная в нашем бизнесе. – Гейб откинулся на спинку кресла с чашкой в руке. – Так что, рассказать тебе о завтрашнем дне?

– Я предпочитаю сюрпризы.

– Тогда скажи мне одну вещь... Ты действительно воспользовалась бы вилами?

Келси задумалась, позволив вопросу ненадолго повиснуть в воздухе.

– Я думаю, никому из нас на самом деле не хочется знать ответа на этот вопрос, – сказала она наконец.

– Я готов побиться об заклад, что – да, воспользовалась бы. – Гейб негромко рассмеялся. – Зрелище, доложу я тебе, было довольно внушительное. Устрашающее, я бы сказал. Стоило получить царапину на руке, чтобы увидеть это.

– У вас останется шрам, Слейтер. Вам повезло, что он порезал вам руку, а не ваше прелестное личико.

– Я же просил называть меня на «ты», – напомнил Гейб. – Я не собираюсь пить с тобой на брудершафт, просто в здешних краях так принято.

Дождавшись ее нерешительного кивка, он продолжил:

– Этот подонок целил мне в спину. Кстати, я не поблагодарил тебя за предупреждение.

– Но я ничего не сделала, не успела.

– Очень даже успела. Твое лицо – оно так изменилось, что кричать было уже не нужно. – Он запустил руку в карман ковбойки, достал потрепанную колоду карт и начал небрежно ее тасовать. – Ты играешь в стад-покер?⁵

⁵ **Стад-покер** – разновидность классического покера, главной особенностью которого является то, что некоторые карты сдаются лицевой стороной вверх.

Келси растерянно улыбнулась:

– Обычно нет, но правила я знаю.

– Если сядешь за стол, никогда не блефуй. Проиграешь последнюю рубашку.

– А ты? Ты часто проигрывал последнюю рубашку?

– Чаще, чем могу припомнить. – Привычными движениями Гейб принялся сдавать карты. – Хочешь поставить на свою даму? – спросил он.

Келси слегка передернула плечами.

– Допустим.

Гейб выложил еще пару карт.

– Если человек умен, то он предпочитает не рисковать тем, что не может позволить себе потерять. Что касается меня, то рубашек у меня хватит. Смотри, твоя дама все еще самая старшая.

– Да. – По какой-то совершенно непонятной причине игра начинала нравиться Келси. Вот уже третья карта легла на стол, а ее виновная дама все еще оставалась самой крупной фигурой. Вот появилась четвертая карта, но положение не изменилось.

– Банк все еще мой. Насколько я поняла, тебя гораздо больше интересует игра на скачках? – спросила она.

– Я – человек разносторонний, у меня много всяких интересов, – отозвался Гейб.

– Включая Наоми?

– Включая Наоми. – Он легко улыбнулся и раздал по по-

следней, пятой карте. – Две шестерки, – заметил он. – У меня. Боюсь, они бьют твою даму.

Губы Келси почти против ее воли недовольно вытянулись:

– Какой стыд – проиграть таким жалким картам.

– Выигрышная карта никогда не бывает жалкой. – Он взял ее руку в свою и удовлетворенно хмыкнул, почувствовав, как напряглись ее пальцы. – Старинный южный обычай, мэм, – проговорил он, растягивая слова, и поднес руку Келси к губам, исподтишка за ней наблюдая. – Я твой должник, Келси. За Липски. Форму оплаты можешь выбрать сама.

Давненько Келси не испытывала такого возбуждения. Не обращать на это внимания было уже невозможно, – следовательно, возбуждение необходимо было подавить.

– Тебе не кажется, что это дурной тон – пытаться соблазнить меня прямо на кухне?

Господи, как ему нравились эти ее коротенькие, колкие фразы и то, как она произносила их нарочито спокойным, чуть хриплым голосом!

– Я даже еще не начал тебя соблазнять, дорогая. – Не выпуская ее руки из своей, Гейб повернул ее ладонью вверх. – Рука настоящей леди, – пробормотал он. – Рука, привыкшая держать чашку с чаем. Всегда испытывал слабость к длинным узким ладоням с мягкой, шелковистой кожей.

Гейб прижал губы к ладони Келси и задержал их там, почувствовав, как под кожей возле большого пальца пульсирует, наполняясь кровью, жилка.

– Вот, – сказал он, складывая ее пальцы в кулак, словно затем, чтобы сохранить на ладони след поцелуя. – Вот это была попытка соблазнения. Ты мне подходишь. Я говорю это на тот случай, если тебе захочется это узнать.

Он выпустил ее руку, сгреб со стола карты и поднялся.

– Увидимся утром. Если, конечно, ты не передумаешь.

«Достоинство, – напомнила себе Келси, – достоинство важнее гордости».

– Я вообще не думаю ни о чем, что могло бы иметь отношение к тебе, Слейтер.

– Ну конечно, думаешь. – Гейб наклонился к ней, так что в конце концов оказался лицом к лицу с Келси. – Я же предупредал тебя: не блефуй, не то проиграешь.

Он вышел, оставив ее исходить паром над остывшей чашкой кофе. Жаль, подумал Гейб, что он не может позволить себе погрузиться в праздные послеобеденные фантазии. Его ждала работа.

Сразу по возвращении на ферму Гейб разыскал Джемисона. Он работал еще на Канингема, но, когда Гейб прибрал к рукам «Рискованное дело», ему без труда удалось убедить тренера остаться. И во многом это объяснялось тем, что сердце старого дрессировщика всегда принадлежало лошадям, а отнюдь не их хозяевам.

Джемисон был крупным, с большим, отвисшим животом пожилым мужчиной, любившим попить пива и плотно по-

есть. За свою жизнь он подготовил несколько поколений лошадей, многие из которых выигрывали скачки самого высокого класса, однако никто, за исключением разве что его самых верных друзей, не смог бы поставить его на одну доску с Моисеем Уайттри.

Джемисон прибыл сюда из округа Керри еще младенцем, сопящим на руках у своей матери, и самые ранние его воспоминания были связаны с конюшней и с запахом лошадей, за которыми ухаживал его отец. Всю свою жизнь Джемисон занимался разведением чистокровных лошадей, сам оставаясь как бы в тени, и вот теперь, когда ему исполнилось шестьдесят два, он все чаще и чаще мечтал о том, чтобы стать владельцем собственной, пусть крошечной, фермы и собственного призового скакуна, который позволил бы ему удалиться от дел и уйти на покой.

– Привет, Гейб, – Джемисон отложил в сторону журнал учета кондиций лошадей и поднялся. – Я уже отправил Честного Эйба в Санта-Аниту, а Надежного – в Пимлико. Первый старт я уже пропустил... – он слабо улыбнулся. – Но я слышал, что у тебя возникли неприятности, и подумал, что ты захочешь повидаться со мной до моего отъезда.

– Сколько раз ты замечал, что Липски пьет на работе?

Никаких предисловий, никаких формальных приветствий или вопросов «Как дела?», подумал Джемисон. Не похоже это на Габриэла Слейтера. Сам он знал Гейба вот уже два десятка лет, но так и не разобрался в нем до конца.

– Дважды, если не считать сегодняшнего дня. На первый раз ограничился предупреждением и сказал, что, если подобное повторится, он у меня вылетит с треском. Но он хороший работник. Липски прикладывается к бутылочке, это правда, но он проработал на ферме больше десятка лет.

Джемисон бросил взгляд на перевязанную руку Гейба и вздохнул:

– Клянусь матерью, я и подумать не мог, что он попытается тебя порезать.

– На пьяниц нельзя полагаться, Джеми. Ты мое мнение знаешь.

– Да, конечно. – Джемисон со смирением сложил руки на животе. Ему уже давно следовало быть на ипподроме, а не торчать здесь, успокаивая босса. – Мне кажется, я даже понимаю, почему ты так к этому относишься, и все же за людей отвечаю я, верно? Я поступил так, как мне казалось лучше.

– Тебе казалось неправильно.

– Да.

– Отныне каждый, кто придет на работу под хмельком, должен быть уволен немедленно. Это касается всех, начиная с тебя и заканчивая самым последним уборщиком. Никаких исключений. Никаких предупреждений.

В глазах Джемисона промелькнуло нечто похожее на раздражение, но он с готовностью кивнул:

– Ты здесь главный, Гейб.

Удовлетворенный ответом, Гейб взял со стола учетный

журнал и быстро пролистал страницы.

– Теперь я буду проводить больше времени в конюшне и на треке, – сказал он. – Только не считай, будто я тебе не доверяю.

– Это твоя конюшня, – отозвался Джемисон, но его голос прозвучал напряженно.

– Вот именно. Сегодня мне стало окончательно ясно, что мои люди не считают меня полноправным участником этого бизнеса. Я сам в этом виноват. – Он снова отложил журнал. – В первые два года после того, как ферма перешла в мои руки, я занимался главным образом тем, что строил дом и проби-вал себе дорогу в тесный, замкнутый круг владельцев. Пока ты занимался каждодневной рутинной работой, я разыгры-вал из себя хозяина лошадей. Теперь все будет по-другому, я сам займусь делами. Ты – мой тренер, Джеми, и во всем, что касается лошадей, я, как и прежде, буду слушаться тво-его совета. Но теперь я вернулся в игру и не намерен проиг-рывать.

«Это пройдет», – подумал Джемисон. Владельцы лоша-дей, как правило, не отягощали себя будничной работой. Во всяком случае – подолгу. Единственное, что их интересова-ло – это место на паддоке⁶ и собственный кошелек.

– Что ж, дорога к стойлу тебе известна, – сказал он.

– Давненько не брал я в руки вилы! – Гейб улыбнулся,

⁶ **Паддок** – огороженная площадка на ипподроме для проводки лошадей перед стартом.

вспомнив Келси, размахивающую вилами, словно копьем, потом посмотрел на часы с большим круглым циферблатом, которые Джемисон повесил на гвозде у себя в конторе. – Я думаю, мы успеем добраться до Пимлико к трем часам. Кого ты отправил с кобылой?

– Карстера. Торки – жокей, Лайнетт – выводной грум.

– Ну что ж, посмотрим, что за команда у нас получилась.

Переобувшись в ботинки, Келси снова спустилась вниз и вышла из дверей усадьбы. Она не пошла к конюшням, прекрасно понимая, что там она будет только мешать, да ей и не хотелось, чтобы работники таращились на нее, как на какую-то диковинку. Вместо этого она неторопливо пошла к холмам, где на поросших травой склонах паслись лошади.

После сумасшедшего утра эта картина показалась Келси еще более мирной, успокаивающей, однако, несмотря на это, ей пришлось приложить некоторые усилия, чтобы справиться с собой и своим беспокойным характером, который словно подталкивал ее в спину, заставляя пройти дальше, до следующего холма, чтобы увидеть, что там, за его гребнем.

Неужели она гуляла здесь, когда была маленькой? Если да, то почему она ничего не помнит? Мысль о том, что первые три года жизни не оставили в ее памяти ни малейшего следа, заставила Келси ощутить неожиданно глубокое разочарование. Разумеется, это не имело бы никакого особенного значения, сложись ее жизнь по-другому, однако именно в

эти годы была определена судьба Келси, определена надолго вперед, и ничего не знать об этом было обидно до слез. В эти минуты ей больше всего на свете хотелось вернуть безвозвратно ушедшие годы, чтобы во всем разобраться и решить для себя, кто был прав и кто виноват.

Остановившись у изгороди, выкрашенной белой краской, она облокотилась на верхнюю перекладину и стала наблюдать за тремя кобылами, которые вдруг понеслись по траве, стараясь обогнать одна другую. Их жеребята, неуклюже выбрасывая тонкие, непослушные ножки, поскакали следом за матерями. Еще одна кобыла терпеливо стояла, пока ее жеребенок сосал.

Келси неожиданно подумала о том, что открывшаяся ей мирная картина отличается невероятным, почти небывалым совершенством. Словно на почтовой открытке, где воздух слишком прозрачен, а трава слишком зелена, чтобы существовать в действительности. И все же она улыбалась, глядя на сосунка, восхищалась его неправдоподобно тонкими ногами, наклоном изящной, почти игрушечной головы. Что он будет делать, подумала Келси, если она перелезет через загородку и попытается его погладить?

– Настоящие красавцы, верно? – Наоми неслышно подошла и встала рядом с ней у изгороди. Ветер с холмов раздувал ее светлые волосы, которые – ради удобства, а не ради моды – были пострижены коротким каре. – Я могу любоваться на них часами. И так – весна за весной, год за годом.

Это успокаивает просто как процесс, хотя лошади на выгоне – зрелище само по себе удивительное.

– Они очень красивы, – искренне сказала Келси. – Глядя на них, действительно успокаиваешься. Я даже не могу представить себе, как они несутся по дорожке ипподрома.

– Все они – настоящие спортсмены, если можно так выразиться. Скорость у них в крови. Ты сама увидишь это завтра. – Наоми тряхнула головой, пытаясь отбросить волосы с лица, потом, видимо потеряв терпение, достала из кармана мягкую шапочку и спрятала волосы под нее. – Видишь жеребенка, который сосет мать? Ему пять дней от роду.

– Всего пять? – Келси была так удивлена, что повернулась к загону и пристальнее взглянула на кобылу и ее дитя. Несмотря на тонкие ноги и маленькую, изящную голову, жеребенок выглядел вполне здоровым и чувствовал себя в загоне совершенно свободно.

– Невероятно!

– И тем не менее это так. Они быстро растут. В три года это будет настоящий фаворит. И все начинается здесь, а если точнее, то в случной конюшне, чтобы под рев трибун закончиться у финишного столба. К этому времени конь будет иметь рост в пятнадцать-шестнадцать ладоней⁷, весить тысячу двести фунтов или около того и носить на спине человека по овальной дорожке стадиона. Это – незабываемое

⁷ **Ладонь** – единица измерения роста лошади, равная четырем дюймам (около 10 сантиметров).

зрелище.

– Должно быть, это непросто, – осторожно заметила Келси. – Я имею в виду – взять такое хрупкое, деликатное существо и вырастить из него скакуна, способного тягаться с другими лошадьми.

– Непросто. – Наоми улыбнулась. Ее дочь очень быстро поняла, в чем тут суть. Должно быть, это тоже было в крови. – Это достигается работой, очень нелегкой работой и самоотречением. И все равно разочарования бывают гораздо чаще, чем хотелось бы. Но дело того стоит. Каждый раз оно того стоит.

Она поправила на голове шапочку так, чтобы козырек закрывал глаза от солнца.

– Извини, что оставила тебя так надолго одну. Кузнец любит поболтать. Он был другом моего отца и по старой памяти делает для меня здесь кое-какую работу, вместо того чтобы делать то же самое на ипподроме.

– Да нет, ничего страшного. Я и не ждала, что ты будешь меня развлекать.

– А чего ты ждала?

– Ничего.

Наоми бросила взгляд на кобылу, продолжавшую кормить жеребенка, и подумала о том, как было бы хорошо, если бы и ей с той же легкостью удалось добиться взаимопонимания со своей собственной дочерью.

– Ты все еще сердисься из-за того, что случилось утром?

– Сержусь? Это не совсем подходящее слово. – Келси повернулась так, чтобы видеть профиль матери. – Лучше сказать – сбита с толку. Все просто стояли и смотрели, и никто не попытался...

– Ты попыталась. – Наоми улыбнулась, потом покачала головой. – Я думала, ты проткнешь этого пьяного подонка насквозь. Откровенно говоря, я завидую тебе, Келси. Такая быстрая, взрывная реакция происходит от отсутствия страха или от избытка гордости. Я сама просто застыла на месте. Гордости у меня почти не осталось, а за свою жизнь я причилась бояться многого. Быть может, много лет назад я тоже не колебалась бы, но теперь...

Она обхватила себя за плечи и повернулась к Келси лицом.

– Ты спрашиваешь себя, почему никто не позвонил в полицию? Гейб сделал это для меня. Случись это у него на ферме, он, возможно, поступил бы иначе, но здесь... Наверное, он понял, как мне не хочется снова иметь дело с полицией.

– В конце концов, это не мое дело.

Наоми прикрыла глаза. Им обоим еще предстояло признаться себе, что отныне все, что происходило на ферме, имело самое непосредственное отношение и к Келси тоже.

– Я не боялась, когда они пришли арестовывать меня. Я была слишком уверена, что в конце концов копы сядут в лужу, а я буду выглядеть как настоящая героиня. Я не боялась, даже когда сидела в комнате для допросов со стеклянным ок-

ном для свидетелей, с ее серыми бетонными стенами и жестким стулом, специально предназначенным для того, чтобы ты скорее сдался, прекратил сопротивление.

Наоми открыла глаза.

– Я не сдалась. Во всяком случае – не сразу. Я была Чедвик, а это очень много для меня значит. Но страх понемногу овладевал мной, дюйм за дюймом он полз вверх по позвоночнику и шевелил волосы на затылке. Этот страх можно заглушить, но отбросить – нет. И когда я вышла из этой серой комнаты с непрозрачным стеклом, я была очень испугана.

Наоми замолчала и перевела дыхание. Ей необходимо было успокоиться и напомнить себе, что все это в прошлом, что теперь все это просто неприятные воспоминания.

– И пока шел суд, пока газеты трубили об этом на каждом углу, пока люди пялились на меня, как на какую-нибудь диковинку, я боялась. Просто я не хотела этого показывать. Мне ненавистна была сама мысль о том, что все вокруг знают, насколько я испугана. А когда тебе велят встать, чтобы суд присяжных мог объявить приговор – твой приговор, – вот тогда страх уже не заглушишь. Он хватает тебя за горло и не дает дышать. Пока стоишь, можно притвориться спокойной, уверенной, потому что знаешь – все смотрят на тебя, но внутри... внутри тебя все трясется, словно фруктовое желе на тарелке. Когда объявляют «Виновна!», это звучит почти успокаивающе.

Наоми снова глубоко вздохнула.

– Так что сама видишь, у меня есть причины не стремиться к общению с полицией.

Она немного помолчала, очевидно не ожидая ответа.

– А знаешь, – сказала она неожиданно, – когда ты была маленькой, мы часто приходили сюда, именно на это место. Я подсаживала тебя на изгородь, и ты смотрела на жеребят. Они всегда тебе нравились.

– Мне очень жаль, но я не помню. – Келси неожиданно почувствовала, что ей действительно очень, очень жаль.

– Неважно. Видишь вон того, черненького? Ну, того, что греется на солнце. Будущий призовой чемпион. Я поняла это, как только он родился. Может оказаться, что он будет одним из лучших коней, которые когда-либо появлялись в «Трех ивах».

Келси взглянула на жеребенка с новым интересом в глазах. Разумеется, он был таким же очаровательным, как и остальные, но ее глаз не замечал решительно никаких признаков, по которым можно было бы судить о его выдающихся способностях.

– Откуда ты знаешь? – спросила она наконец.

– Это – в глазах. В его и в моих. Мы смотрим друг на друга и знаем, что так будет.

С этими словами Наоми навалилась грудью на изгородь и, глядя на поля и ощущая рядом присутствие дочери, на мгновение почувствовала себя почти счастливой.

Поздно вечером, когда дом затих и только ветер негромко постукивал ставнями, Наоми лежала в своей кровати, свернувшись клубочком рядом с Моисеем. Ей всегда нравилось, когда он приходил к ней. В этом было что-то надежное, постоянное. Как бы там ни было, но, прокрадываясь в его тесные комнаты над тренерской конторой, она чувствовала себя совершенно иначе.

Не то чтобы ей не нравилось у него. В первый раз – в их самый первый раз – она с замиранием сердца вошла в его комнату – совершенно неожиданно – и застала Моисея сидящим на кровати в трусах и с бутылкой пива в руке. На табуретке перед ним лежали племенные книги.

Теперь, глядя его грудь, она вспомнила, что соблазнить Моисея оказалось нелегко. Он оказался крепким орешком, однако глаза выдавали его с головой. Мо хотел ее, хотел ее всегда, с самого начала. Это Наоми потребовалось почти шестнадцать лет, чтобы понять, что и она хочет быть с ним.

– Я люблю тебя, Мо.

Ему очень нравилось слышать, как она говорит это. Иногда Моисею казалось, что выслушивать это нежное признание ему не наскучит никогда. Положив руку на ее грудь, на самое сердце, он прошептал:

– И я люблю тебя, Наоми. Разве иначе тебе удалось бы уговорить меня прийти, пока в соседней комнате спит твоя дочь?

Наоми негромко рассмеялась и повернула к нему голову.

– Келси уже взрослая. Не думаю, чтобы она была уж очень потрясена, даже если бы узнала, что я заполучила тебя в свою постель. – Она снова перевернулась и уселась на него верхом. – А ведь я заполучила тебя, Мо.

– Мне трудно с тобой спорить, тем более что сейчас вся моя кровь отхлынула от мозгов и прилила к другому месту. – Повинуясь старой привычке, он поднял руки и, скользнув пальцами по ее бокам, накрыл ладонями груди. – Ты с каждым днем становишься все красивее, Наоми. И с каждым годом.

– Просто к старости ты видишь все хуже и хуже.

– Только не тогда, когда гляжу на тебя.

Наоми почувствовала, как сердце ее тает, тает и поет.

– Господи, – прошептала она, – ты просто убиваешь меня своей сентиментальностью. Я смотрю на Келси и вижу, насколько сильно я изменилась. Это удивительно – видеть ее, чувствовать ее рядом, пусть и ненадолго. – Наоми рассмеялась и отбросила волосы назад. – Я слишком самонадеянна, чтобы, поглядев на нее, обращаться к зеркалу. Что я там вижу? Одни эти чертовы морщины!

– Каждая чертова морщина сводит меня с ума.

– Быть молодой и привлекательной – когда-то это слишком много для меня значило. Это было как сверхзадача... нет, как высший долг, священная обязанность, великая миссия. На протяжении нескольких лет это не значило для меня ровно ничего. А потом появился ты... – Наоми с улыбкой

наклонилась вперед, чтобы коснуться губами его лица. – И ты заявляешь, что тебе нравятся мои морщины.

Вместо ответа Моисей положил руки на плечи Наоми и крепче прижал к себе. Отвечая на поцелуй, он приподнял бедра Наоми и сжал ее так, чтобы войти в нее сильно и глубоко. Ее спина прогнулась назад, с губ сорвался короткий, гортанный стон, и Моисей задвигался медленно, неторопливо, удерживая Наоми и заставляя ее подлаживаться под заданный ритм, чтобы продлить удовольствие для обоих.

Приглушенное поскрипывание старой кровати и негромкие, с придыханием, стоны и страстный шепот были хорошо слышны в коридоре, и Келси остановилась как вкопанная у дверей своей комнаты, держа в одной руке книгу, а в другой – чашку с чаем, ради которой она и спускалась в кухню.

Ей ни разу не приходилось слышать, как отец и Кендис занимаются любовью по ночам. Должно быть, они были слишком сдержанны или слишком хорошо воспитаны, чтобы тревожить своей страстью чужой сон. В звуках же, которые достигали ее слуха, не было ни намека на сдержанность и приличия. Если их что и заглушало, так это дверь в спальню Наоми, которая – Келси была в этом почти уверена – оказалась закрыта лишь по чистой случайности.

Ей пришлось напомнить себе, что подслушивать в коридоре также не является приличным занятием, и, с трудом совладав с дверной ручкой и пролив чай, она поспешно юрк-

нула к себе в спальню.

Моя мать, подумала Келси, раздираемая десятком противоречивых чувств. Моя мать и Гейб Слейтер, кто же еще? Чувства, которые рождало в ее душе присутствие этого типа за закрытой дверью Наоми, она даже не решилась бы определить.

Едва войдя в спальню, Келси привалилась к двери спиной. Ситуация выглядела настолько абсурдной, что ей даже захотелось смеяться: одна взрослая женщина до глубины души смущена тем обстоятельством, что другая взрослая женщина, которая по стечению обстоятельств является ее матерью, оказывается, еще живет активной половой жизнью.

Но сама ситуация, равно как и ее собственная болезненная реакция на происходящее, была вовсе не по душе Келси. Читать и пить чай ей расхотелось, и она отставила чашку и отложила книгу. Темный весенний сад за окном стоял неподвижно, весь посеребренный луной. «Как романтично, – подумала Келси, прислоняясь лбом к прохладному стеклу. – Как таинственно и красиво. Не только сад, но и вся ферма «Три ивы».

Но ей не хотелось ни романтики, ни таинственности. Келси считала, что не может позволить себе отвлекаться на такие пустяки. Она приехала сюда, чтобы выяснить, чего она лишилась, будучи разлучена с матерью против своей воли.

Оторвавшись от окна, она забралась под одеяло, но уснула поздно: она слышала, как в коридоре открылась и снова

закрылась дверь спальни Наоми и мимо ее комнаты почти бесшумно прошел кто-то, направляясь к парадной лестнице.

Возможно, все дело было в раннем часе, но ипподром оказался совсем не таким, каким представляла его Келси. Скачки для нее означали нечто гораздо большее, чем лошади и скорость. Не они, а тотализатор и игроки – скверно пошитые костюмы, толстые сигары, пивной перегар и запах пота проигравших – вот что возникало в ее воображении.

Пьяный конюх, которого Гейб выгнал накануне утром, прекрасно вписывался в эту картину. Именно он казался характерной приметой скакового мира – он, а вовсе не умиротворенное спокойствие и некоторая таинственность пустынного стадиона, встретившие Келси прохладным и ранним утром.

Когда Келси и Наоми приехали на ипподром, скаковая дорожка была укрыта туманом. Лошадей отправили еще раньше, чтобы успеть вывести их из фургона, оседлать и разогреть для утренней тренировки. Пока на кольцевом треке было тихо; голоса коноводов и позвякивание упряжи заглушал плотный туман, в котором фигуры людей плыли, словно призрачные, бесплотные тени. Несколько человек стояли у ограждения дорожки и потягивали из бумажных стаканчиков дымящийся кофе.

– Это хронометристы, – пояснила Наоми. – Их иногда называют прикидчиками. Большинство работает на ипподром

или на информационный листок «Дейли рейсинг»; они часами стоят здесь с секундомером в руках, замеряя скоростные показатели лошади и рассчитывая гандикап. – Она улыбнулась. – Скорость – вот за чем все здесь гоняются. В какой-то мере это свойственно всем без исключения. В общем, мне казалось, что будет лучше, если, знакомясь с нашим миром, ты будешь рассматривать его именно с этой точки зрения.

– Да... Здесь очень красиво. Этот ползущий по земле туман, эти деревья, которые едва видны в тумане, пустые, выметенные трибуны... Признаться, я действительно представляла все это по-другому. – Келси повернулась к стоящей подле нее женщине – стройной, светловолосой, одетой в вязаную кофту и узкие, облегающие джинсы. – Совсем по-другому.

– Большинству людей скачки видны только с одной стороны. Две минуты вокруг столба по дорожке – и все. Гонка для них заканчивается почти мгновенно, едва успев начаться. И все равно это очень увлекательное зрелище, а иногда – просто страшное. Триумфы, трагедии – все это происходит у тебя на глазах. Порой и о людях судят так же однобоко – по одному-единственному слову, по одному поступку... – В голосе Наоми послышалась горечь, но Келси уловила и еще что-то, возможно, простое и мудрое приятие всего того, что с ней случилось.

– Идем, – сказала Наоми, – я отведу тебя к стойлам. Именно там и происходят настоящие события.

...И встречаются настоящие характеры. Келси обнаружила это, едва оказавшись за кулисами ипподромного мира. Стареющие жокеи, начавшие проигрывать на треке или набравшие слишком большой вес, предлагали свои услуги в качестве тренеров-наездников, запрашивая порой по сорок долларов за тренировку. Остальные – совсем молодые, с горящими взглядами, почти мальчишки – толклись тут же, надеясь на удачу и стремясь получить свой шанс. Все разговоры были только о лошадях: обсуждались достоинства того или иного скакуна и тактика скачек. Конюх в бесформенной мягкой шляпе с опущенными полями провел в поводу прихрамывающую лошадь, монотонно напевая ей что-то ласковое, успокаивающее.

Здесь не чувствовалось ни волнения, ни азарта, ни ажиотажа. Все было обыденно, рутинно, привычно, все повторялось ежедневно, изо дня в день, в час, когда большинство людей еще спало или клевало носом над своей первой утренней чашкой кофе.

Слегка освоившись, Келси выделила среди окружающих мужчину в бледно-голубом костюме и до блеска начищенных ботинках, который разговаривал с конюхом, одетым в потрепанный кардиган. Взгляд у конюха показался Келси на удивление спокойным, почти отсутствующим. Мужчина в костюме, напротив, горячился и время от времени – видимо, в такт своим словам – тыкал в воздух короткопалой волосатой рукой. При каждом его движении на указательном паль-

це вспыхивал бриллиантами золотой перстень. Драгоценные камни были расположены в форме лошадиной подковы.

– Билл Канингем, – прокомментировала Наоми, перехватив направление взгляда дочери.

– Канингем? – Келси нахмурилась, пытаясь припомнить, откуда она знает эту фамилию. – Это не его упоминал конюх, которого вчера выгнал Гейб?

– «Рискованное дело» когда-то принадлежало Канингему. Лет двадцать пять тому назад Билл получил эту ферму по наследству... – В голосе Наоми проскользнули пренебрежительные, почти презрительные нотки, хотя она явно старалась это скрыть. – Он едва не развалил дело окончательно, когда ферма попала к Гейбу. Теперь Билл является совладельцем нескольких неплохих лошадей, но в собственности имеет только одного или двух посредственных скакунов. Сам он живет в Мериленде, а скакунов для него тренирует Кармайн, который работает не только на Канингема, но еще на нескольких владельцев. Сейчас Кармайн как раз выслушивает инструкции и руководящие указания своего босса и, разумеется, со всем соглашается. В любом случае он будет поступать так, как ему больше нравится, потому что все знают: Билл – настоящая задница. О-ох!.. – Наоми испустила тяжелый вздох. – Он нас заметил.

– Наоми! – Билл Канингем приближался к ним неестественно медленной походкой, которая позволяла окружающим как можно лучше разглядеть его. Глаза Канингема, ко-

гда он взял руки Наоми в свои, засверкали, словно отполированные мраморные шарики.

– Как приятно видеть тебя, особенно в это серое унылое утро!

– Привет, Билл. – За свою жизнь Наоми привыкла с легкостью выносить общество даже таких круглых дураков, как Канингем, и теперь небрежно подставила щеку для поцелуя. – Нечасто нам удается увидеть тебя на утренней тренировке.

– У меня новая кобыла, довольно перспективная, и я уже заявил ее на скачки в Хайале. Она вполне может финишировать в призах – во всяком случае, жокей очень ею доволен. Я только что растолковал Кармайну, как ее правильно работать – сколько реприз галопа и сколько рыси. Не хочется перегружать такую кобылу.

– Ну конечно, – поддакнула Наоми. – Познакомься, это моя дочь Келси.

– Дочь? – Изображая удивление, Канингем надул щеки. Как и все местные жители, он, несомненно, уже слышал о приезде Келси. – Ты, должно быть, хочешь сказать – сестра? Раз познакомиться, дорогуша. – Он с энтузиазмом потряс протянутую руку Келси. – Решила пойти по мамочкиным стопам, да?

– Мне просто любопытно было взглянуть.

– Да, здесь есть на что посмотреть. Мы продержим твою дочь до сумерек, – добавил он, подмигнув Наоми. – Если на-

думаешь делать ставки, Келси, проконсультируйся со мной. Я подскажу тебе, на кого ставить.

– Спасибо.

– Ничего не пожалею для Наоми и ее маленькой дочурки, – торжественно заявил Канингем. – Знаешь, крошка, если бы я в свое время быстрее поворачивался, то мог бы стать твоим папой. Не забывай об этом.

– Держи карман шире, – вполголоса пробормотала Наоми, когда Канингем снова вернулся к своему тренеру, и пояснила: – Ему нравится считать, что я к нему неровно дышала, хотя на самом деле для этого нет никаких оснований. Вернее, почти никаких. Просто один раз я была недостаточно проворна и не сумела увернуться от одного слюнявого поцелуя.

– У тебя действительно хороший вкус. Кстати, что он говорил о своей новой лошади?

– Ох! – Наоми уперла руки в бока и от души расхохоталась. – Билл любит говорить на профессиональном жаргоне. Он воображает, будто сможет одурачить людей и заставить их поверить, будто знает что-то такое, чего не знают другие. На простом английском языке все им сказанное означает, что на классификационных скачках он выбрал кобылу, которую владелец выставил на продажу. Лошадь выиграла, а Билла устроила запрашиваемая цена. И теперь ему не хочется, чтобы лошадь устала на тренировке.

Она неожиданно нахмурилась и посмотрела Канингему в спину.

– Билл из тех, кто дополнительно платит жокею за каждый удар хлыстом. Если конь пересекает финишную черту без плетки, ему начинает казаться, будто его провели.

– В таком случае ты была с ним удивительно вежлива.

– Это ничего мне не стоило. – Наоми пожала плечами. – К тому же мне лучше других известно, каково это – быть изгоем. Идем, Моисей должен был уже рассадить мальчиков.

Они прошли в паддок, где конюшенных мальчиков подсаживали на лошадей. Келси обратила внимание, что их седла были совсем маленькими – величиной с небольшую подушечку. Мальчики – так их называли вне зависимости от пола и возраста – стояли высоко на коротких стременах, в то время как тренеры – тоже верхами – выезжали на дорожку рядом или позади них.

– Вот один из наших. – Наоми указала на гнедого жеребца, который двигался нервным, упругим шагом. – Если тебе все же захочется сделать сегодня ставку, можешь рискнуть на него парой долларов. Он боец по характеру, к тому же эта дорожка ему особенно нравится.

– А ты? Ты делаешь ставки?

– Гм-м... – Наоми взглядом провожала Моисея, который ехал за гнедым на расстоянии полукорпуса. – Никогда не отказывалась от рискованных предприятий. Давай посмотрим, как он побежит.

На тренировочной дорожке ипподрома были и другие лошади. Туман медленно поднимался, и они неслись сквозь

него, словно артиллерийские снаряды, рассекая его, разрывая, заставляя клубиться и закручиваться в спирали. При виде этого зрелища у Келси захватило дыхание. Ладные, крепкие тела на тонких, сухих ногах, выброшенная ими земля, вытянутые напряженные шеи и пригнувшиеся к самым гривам хрупкие мальчишеские фигуры всадников – все это было не просто красиво, а волшебно красиво. Келси даже показалось, что ее сердце забилося часто-часто, в унисон с барабанным боем копыт по земле.

– Вон он! – воскликнула она, не в силах сдерживать свой восторг. – Вон твой гнедой!

– Верно, – подтвердила Наоми. – Сегодня быстро скажут. Мо наверняка велел мальчику пройти дистанцию без минуты, то есть за две минуты или чуть быстрее.

– А как наездник узнаёт время?

– У него в голове часы, – раздался сзади голос Гейба, и Келси вздрогнула от неожиданности, но, не в силах оторвать взгляда от мчащихся по кругу лошадей, даже не обернулась в его сторону.

– Твой гнедой действительно неплохо выглядит, – добавил Гейб, останавливаясь рядом с ними.

– К дерби⁸ он будет еще лучше, – отозвалась Наоми и прищурилась. – А этот красавец – твой, верно?

⁸ **Дерби** – во многих странах название скачек для чистокровных верховых лошадей в возрасте трех лет. Дистанция дерби составляет 2440 метров или чуть больше полутора миль.

– Верно. – Гейб оперся на ограждение, глядя, как конь несется мимо. – Я назвал его Дубль. К маю месяцу он тоже наберет отменную форму.

Келси не понимала, как это возможно. На ее взгляд, оба коня выглядели превосходно, оба мерили дорожку длинными, плавными скачками, оба выбрасывали из-под копыт комья земли, взлетающие высоко в воздух. Порой казалось, что они не бегут, а летят по воздуху и что их тонкие, мускулистые ноги, подобно крыльям, поднимают их над землей все выше и выше.

Она могла бы стоять здесь часами и любоваться, как лошади одолевают второй поворот. На самом деле вся скачка заняла чуть больше двух минут – это могли подтвердить и прикидчики, и тренеры, стоявшие у финишного столба со своими секундомерами, но для Келси лошади летели над землей вне времени, вне реальности, словно они сошли с прекрасной картины в старинной пыльной раме.

– Ты уже выбрала себе фаворита? – спросил у нее Гейб.

– Нет. – Келси отвечала, не глядя на него, – меньше всего ей хотелось, чтобы воспоминания о том, что она слышала вчера вечером, испортили ей настроение. – Я не игрок и вообще не люблю азартных игр.

– Тогда я не предлагаю тебе побиться об заклад, что еще до конца дня ты побежишь к окошечку кассы, чтобы сделать ставку.

Келси пожала плечами. Поначалу она хотела промолчать,

но искушение оказалось слишком велико.

– Билл Канингем, – мстительно сказала она, – предлагал мне помощь и совет.

– Канингем? – Гейб беззаботно хохотнул. – Надеюсь, у тебя достаточно вместительные карманы.

Он снова оперся на ограждение и вспомнил о сигаре, которая лежала в кармашке его куртки, но потом подумал, что запах табака помешает ему наслаждаться ароматом, исходящим от Келси. Каким бы легким, едва уловимым он ни казался, этот запах был из тех, что, раз войдя в сознание мужчины, остается там еще долго после того, как сама женщина исчезла.

– Утро – мое любимое время, – пробормотала Наоми, прикрывая глаза ладонью от внезапно проглянувшего сквозь туман солнца. – Такое ощущение, что начинаешь жизнь с чистого листа.

– Возможности... – Гейб посмотрел на Келси. – Все дело в том, как мы используем представившиеся нам возможности.

Потом они вместе пошли к стойлам. Там уже расседывали и прогуливали разгоряченных скачкой лошадей, от их влажных шкур валил пар. Конюхи осматривали ноги в поисках потяжек, ушибов и засечек. Чалой кобыле смазывали маслом копыта. Кузнец в кожаном фартуке подправлял подкову, рядом стоял на земле облупившийся металлический ящик с инструментами.

– Как на картинке, верно? – спросил Гейб, словно подслу-

шав мысли Келси.

– Да, очень похоже.

– И то же самое могло происходить сто лет назад. Или пятьсот. Чистокровная лошадь легко может повредить себе ноги, поэтому мы весьма тщательно следим за их состоянием. Взгляни вон туда. Куда, по-твоему, смотрит тренер?

Келси повернулась и увидела лошадь, которую конюшенный мальчик вел в поводу. Тренер шел сзади и смотрел вниз.

– На лошадиные ноги.

– И будь уверена, он еще долго не спустит с них глаз. – Кивком головы Гейб указал в другую сторону. – И это тоже продолжается уже почти тысячу лет, даже больше.

Келси увидела немолодого мужчину в мягкой жокейской шапочке с козырьком, который следовал по пятам за Моисеем и безостановочно что-то говорил.

– Кто это? – спросила она.

– Импресарио какого-нибудь жокея. Они переходят от конюшни к конюшне и пытаются убедить всех и каждого, что они представляют интересы нового Билла Шумейкера. – Гейб наклонился к Наоми и поправил выбившуюся прядь ее волос. – Принести вам кофе?

– Я не против. А ты, Келси?

– Спасибо, с удовольствием. А можно я подойду поближе к твоей лошади, пока ее прогуливают?

– Валяй.

Наоми уселась на перевернутое ведро. Утренняя трени-

ровка была почти закончена, начинался период ожидания. А ждать Наоми умела. Кроме того, сегодня она получала особенное удовольствие, наблюдая за тем, как ее дочь ходит по кругу рядом со скакуном и, наверное, задает конмалычу вопросы. Ребенком она была очень любопытна. Вот только тогда в Келси не было того отчужденного равнодушия, которое она чувствовала в дочери теперь.

Правда, сегодня, пока они стояли в тумане и смотрели, как первые лошади проходят поворот тренировочной дорожки, Наоми вдруг показалось, что напряженность между ними исчезла, но это продолжалось лишь одно короткое мгновение. Потом неловкость вернулась. Она не бросалась в глаза, была едва заметна, но Наоми все равно ее ощущала. В ее дочери вообще было много такого, что не лежало на поверхности, но Наоми видела и понимала почти все.

В этот момент раздался смех Келси. Наоми услышала и подумала, что это, пожалуй, первый раз, когда она слышит искренний, ничем не сдерживаемый смех дочери.

– Келси сама нашла себе развлечение, – заметил Гейб, протягивая Наоми стаканчик с кофе.

– Я знаю, – кивнула Наоми. – И рада этому. Я как раз сижу и думаю о том, что когда-нибудь мы будем чувствовать себя легко и свободно в обществе друг друга.

В горле у нее давно пересохло, и она отхлебнула глоток горячего, подслащенного кофе.

– Мне просто очень хочется дотронуться до нее. Хотя бы

раз обнять, прижать к себе, но я не могу. Келси может позволить мне... просто из жалости, а это будет гораздо хуже, чем если она меня оттолкнет.

– Но она здесь. – Гейб ласково провел ладонью по волосам Наоми. – Она не производит впечатления человека, который поедет туда, куда ему ехать не хочется.

– Я вовсе не жду, что она будет любить меня, как прежде. Но я хочу, чтобы она позволила мне любить себя. – Наоми накрыла рукой задержавшуюся у нее на плече ладонь Гейба.

В этот момент вернулась Келси. Она притворилась, будто не замечает позы, в которой стояли Гейб и ее мать, и даже изобразила на лице благодарную улыбку, принимая бумажный стаканчик с кофе. «Это их дело», – напомнила она себе.

– Спасибо, – кивнула она. – Между прочим, мне только что назвали победителей во всех сегодняшних скачках. Мне сказали, что я должна поставить на них, и тогда я непременно выиграю кучу денег.

– У Джимми всегда наготове десяток советов, – заметила Наоми. – Но он ошибается так же часто, как и бывает прав.

– На этот раз он уверен на сто процентов. – Келси улыбнулась и поднесла стакан к губам. – Джимми поклялся, что дочери мисс Наоми он сообщит только самые достоверные сведения. В первую очередь я должна поставить на Некроманта, потому что дорожка сегодня не быстрая, а он находится в отличной форме, и, даже если жокей «возьмет на силу», Некромант шутя привезет остальным полкорпуса, а то

и больше. – Она слегка приподняла бровь. – Я все правильно запомнила?

– Никогда бы не сказал, что это – твой первый день на ипподроме, – рассудительно сказал Гейб.

– Я очень быстро все схватываю. – Келси огляделась по сторонам. Суэта возле конюшен почти улеглась, и это было заметно даже ее неискушенному глазу. – А что теперь?

– Будем ждать. – Наоми встала и потянулась. – Идем, я куплю к кофе какие-нибудь пирожные.

Ожидание, казалось, было привычным делом для каждого, кто пришел на ипподром сегодня рано утром. К десяти часам рабочий день для лошадей, не заявленных на сегодняшние скачки, был уже закончен, и последние фургоны с фырканьем отъезжали. Тем временем служители убирали и выравнивали главную дорожку.

К полудню трибуны начали наполняться, а стеклянное кафе позади них распахнуло свои двери для посетителей, которые предпочитали играть на тотализаторе, глядя на экран монитора – вдали от шума и запахов толпы.

В стойлах снова начали готовить лошадей. Распухшие бабки и натруженные копыта охлаждали в ведерках со льдом. В зависимости от тактики, которой придерживался тот или иной тренер, одних скакунов заставляли нервничать, других, наоборот, успокаивали. Жокеи облачались в свои разноцветные шелковые костюмы.

Вскоре повсюду царили предстартовое волнение и ажиотаж, которых было лишено мирное и туманное утро. Лошади – настоящие атлеты, рвущиеся в бой, – переступали с ноги на ногу, ржали, били копытами, разбрасывая в разные стороны опилки. Одни, почувствовав на спине всадника, сразу же успокаивались, другие начинали вздрагивать и упираться.

Наконец лошади друг за другом потянулись из паaddockа к старту. Некоторых вели под уздцы грумы-выводящие, другие шли сами.

При виде участников трибуны оживились и загудели; новички и завсегдатаи – все засуетились, и каждый надеялся, что сегодня именно ему повезет.

Скачки начинались с выводки и дюжины других ритуалов. По сигналу рожка всадники огибали столб в том порядке, в каком они были заявлены, и те, кто хотел сделать ставку, получали возможность рассмотреть претендентов, оценить состояние жокея и лошади и выбрать себе фаворита.

Если лошадь взмокла, значит, она – нервная. Преимущество или недостаток? У каждого игрока имелось на этот счет свое мнение. А вот забинтованные передние ноги. Вдруг этот конь травмирован? Вот кобыла грызет мундштук. Возможно, сегодня она в плохом настроении, а возможно, наоборот, настроена бежать быстро.

А этот конь больше других *похож* на победителя.

Кого выбрать, чтобы наверняка?

У финишного столба – буквально через пять минут после

начала церемонии – всадники разбрелись по сторонам, словно разноцветное конфетти, которое только что празднично порхало в воздухе и вдруг осело на землю, но Келси несколько не огорчилась этим обстоятельством. На ипподроме было слишком много интересного и нового, и у нее буквально разбегались глаза. Особенно странным ей показалось то, что скаковой круг – таково было правильное название овальной скаковой дорожки – не был идеально ровным. Он оказался довольно широким, изрытым неглубокими бороздами и ямами – полная миля надежд и бешеной скорости.

Стоя у ограждения, она почти физически ощущала запахи волнения и азарта, исходившие от жокеев и от трибун. Некоторые из них были свежими, напоминая цветочные ароматы, другие представлялись Келси застоявшимися, перегоревшими, словно смешанными с пылью многих и многих горьких разочарований. Только здесь она поняла, каким мощным наркотиком может быть желание победить, выиграть во что бы то ни стало.

– Я, пожалуй, последую доброму совету и поставлю на Некроманта, – заявила она.

Наоми рассмеялась. Она ожидала чего-то в этом роде.

– Помоги ей, Гейб, – попросила она. – Человек впервые в жизни подойдет к окошечку, нельзя оставлять его одного.

– Я уверена, что справлюсь сама, – запротестовала Келси, но Гейб уже взял ее за руку.

– Все так думают, – проговорил он, ввинчиваясь в толпу

и таща ее за собой туда, где у касс тотализатора уже выстраивались очереди игроков. – Позволь, я дам тебе один короткий урок, как правильно играть на бегах. Ты уже решила, сколько наличных ты готова потратить?

Келси раздраженно нахмурилась:

– Около сотни, а что?

– Удвой эту сумму. На сколько бы ты ни играла, удвой эту сумму и попрощайся с ней. Теперь нужно взять программку.

– Взяла, что дальше? – Келси все еще ничего не понимала.

– Для того чтобы хорошенько изучить ее, необходимо провести в спокойном, тихом месте часа четыре или больше. Нужно запомнить, в каком порядке будут проводиться скачки, чтобы исключить заведомо слабых и расставить остальных по силе и резвости. Хотя бы примерно. Лучше всего остановиться на двух или трех сильнейших. Бинокла у тебя нет, так?

– Нет, я думала...

– Ничего страшного, я дам тебе свой. – Гейб поставил ее в очередь и дружески обнял за плечи. От улыбки он удержался, хотя улыбнуться очень хотелось. Келси слушала его, как студент-отличник слушает опытного и знающего преподавателя.

– И забудь про «тройной экспресс», про «золотой дубль»⁹

⁹ «Тройной экспресс» и «золотой дубль» – разновидности ставок, когда надо угадать соответственно либо первых трех лошадей на финише в одной скачке, либо победителей в двух последовательных скачках.

и прочие комбинации – они для зануд и рвачей. – Гейб с удовольствием увидел, как мужчина, стоящий перед ними в очереди, пожег и опустил плечи. – Ставь на победителя. Это называется «ординар». Согласна?

– Конечно.

– Это правильно. Агрессивная ставка – сама по себе награда. Ты проверила табло?

– Нет, – ответила Келси, чувствуя себя круглой душой.

– На твоего Некроманта принимают четыре к одному. Это совсем неплохо. Ставить на явного фаворита – трусость. Жаль, я не знал, что ты такой азартный игрок, – я бы не позволил тебе ни есть, ни пить.

– Что?

– Нельзя ни есть, ни пить перед тем, как выбираешь победителя.

Глаза Келси сузились, как у рассерженной кошки.

– Ты это придумал?

– Ничего подобного. В этом убежден каждый настоящий игрок. – Гейб позволил себе ухмыльнуться. – Хотя это, конечно, чепуха. Нужно играть просто ради игры, ради удовольствия, которое она приносит. Для этого достаточно просто закрыть глаза и наугад выбрать номер. Лошади не машины, Келси, они – просто спортсмены, бойцы. Их нельзя вычислить наверняка.

– Большое спасибо за урок. – Вполне удовлетворенная его объяснениями, Келси шагнула к окошечку. – Десять долла-

ров на Некроманта, – объявила она, бросив взгляд в сторону Гейба. – Да, на победителя.

Не выпуская ее плеч, Гейб потянулся за своим бумажником.

– Пятьдесят на третий номер. На победителя.

Келси нахмурилась, сжимая в руках билет.

– Номер третий – это еще кто такой?

– Понятия не имею. – Гейб получил свой билет и сунул его в карман.

– Ты ставишь на номер? Просто на номер?

– Так подсказывает мне моя интуиция. Кстати, не хочешь сделать еще одну ставку, частным, так сказать, образом? Кто придет первым – твой или мой? Что лучше, моя интуиция или совет, который тебе дали?

– Ставлю еще десятку! – выпалила Келси.

– А еще говорила, что не любишь азартные игры.

Гейб проводил ее обратно к ограждению, и, когда кони вошли в стартовые ворота, Келси сразу почувствовала, как ее сердце забилось быстрее, а ладони стали влажными. Потом ударил колокол, и она невольно подалась вперед, ослепленная и зачарованная мельканием ярких красок.

Скачки несколько не напоминали утреннюю разминку, происходившую в тумане. Лавина мускулистых тел ринулась вперед, лошади отчаянно сражались друг с другом за выигрешную позицию, а всадники прильнули к спинам. За считанные секунды кавалькада набрала полную скорость, так что

передних всадников вынесло к самому ограждению. Копыта гремели, словно гром, от которого сотрясалась и вздрагивала земля. В следующее мгновение всадники оказались уже на повороте.

– Третий номер возьмет первый приз, – проговорил ей на ухо Гейб, но Келси только отмахнулась.

– Они же только начали, – возразила она, прислушиваясь, как жокеи выкрикивают угрозы, понукая своих скакунов мчаться еще быстрее.

Вот они вылетели на финишную прямую – совсем близко от проволоки, натянутой над дорожкой, – и Келси забыла о своих ставках. Все ее эмоции и чувства были поглощены скачкой, ее красотой, растворились в скорости и драматических переживаниях участников – людей и животных. Внимание ее привлекла одна лошадь, которая, напрягая все силы, рвалась к финишу из задних рядов, и – сама не отдавая себе в этом отчета – Келси стала болеть за нее.

В конце концов замеченная ею лошадь обошла лидера по внешней стороне круга и первой пересекла финишную черту, обогнав на полкорпуса ближайшего соперника.

– Ты видел?! Видел ее?.. – Келси закинула голову назад и засмеялась. – Она была великолепна!

Гейб не видел финиша – он смотрел на Келси. Она покраснела от восторга, маска сдержанности спала с ее лица, и он рассмотрел Келси настоящую – энергичную женщину, способную на самые глубокие переживания и бурлящие

страсти. И Гейба неудержимо потянуло к ней.

Наоми тоже не смотрела на дорожку, а внимательно наблюдала за выражением глаз Гейба. Пожалуй, решила она, ей есть о чем подумать на досуге.

– Твой Некромант был у столба пятым, – сказала Наоми дочери.

– Это неважно. – Келси глубоко вдохнула воздух. Она все еще чувствовала запах волнения и восторга, разлитый над ипподромом. – Ты видела, как финишировал фаворит? Он выскочил словно ниоткуда. Чтобы увидеть такое, не жалко никаких денег.

– Это был номер третий, – скромно заметил Гейб, дождавшись, пока Келси повернется к нему. – Моя интуиция меня не подвела.

– Это был номер третий? – Она повернулась к треку, раздираемая противоречивыми чувствами. Келси была рада победе лошади, но ее раздражало, что сама она проиграла именно Гейбу. – Должно быть, тебе просто повезло сегодня.

– Может, ты и права.

– Вот именно! – Келси посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась. – На кого ты поставишь в следующей скачке?

За все оставшееся время Келси проглотила несколько хот-догов и запила их парой легких коктейлей, сильно разбавленных содовой. Когда жеребец Наоми первым пересек финишную линию, она ощутила странную, очень личную гор-

дось за него и за мать. Даже для ее неопытного взгляда было очевидно, что в этой скачке не было ни одной лошади, которая могла бы с ним сравниться. Жеребца звали Гордость Виргинии, но Келси связывала его только с «Тремя ивами», хотя, возможно, он и заслуживал столь громкую кличку.

Когда в третьем заезде лошадь Гейба первой пересекла черту, Келси испытала чувство несколько иное, но назвать его она не решилась даже самой себе.

Когда наступил вечер, опустевшие трибуны оказались замусорены проигравшими билетами, сигаретными окурками, пивными пробками. И разбитыми надеждами.

– Могу я пригласить двух леди на ужин?

– Ох... – Отвлечшись от каких-то своих мыслей, Наоми стала торопливо застегивать жакет, одновременно разыскивая взглядом Моисея. – Я пробуду здесь еще час или около того, – сказала она. – Почему бы тебе не пригласить Келси?

Келси инстинктивно отступила в сторону.

– Я могу подождать тебя.

– Нет, не стоит. Съезди с ним, развлекись. Увидимся дома.

– Мне что-то не... – замялась Келси, но Наоми уже шагала прочь. – Спасибо за приглашение, Гейб. Дело в том, что я...

– ...слишком хорошо воспитана, чтобы отказаться, – закончил Гейб, беря ее под руку.

– Нет, не в этом дело...

– Тогда слишком голодна. Пара бутербродов вряд ли спо-

способны восполнить энергетические потери. К тому же я могу помочь тебе подсчитать выигрыш.

– Не думаю, чтобы для этого не было достаточно моих собственных познаний в арифметике, – отозвалась Келси не без яда, но она и в самом деле проголодалась, и Гейб отвел ее на стоянку, где стоял его изящный, бутылочно-зеленый «Ягуар».

– Отличная машина.

– Главное, быстро бегают.

Он оказался прав. Откинувшись на мягкие подушки сиденья, Келси наслаждалась стремительным полетом сквозь жемчужно-серые, прохладные сумерки. Она всегда любила быструю езду, любила рев мотора и грохот радио, включенного на полную мощность. Уэйд, постоянно ездивший намного ниже разрешенной максимальной скорости, выговаривал ей за ухарство бесчисленное число раз, и сейчас Келси почти жалела своего бывшего супруга. Он был таким ответственным, таким законопослушным и благоразумным.

Уэйд так и не понял, почему время от времени Келси необходимо было срывать с цепи, разряжаться, делать что-нибудь сломя голову, не оглядываясь по сторонам. Он проповедовал умеренность и аккуратность, и Келси часто соглашалась с ним... за исключением тех моментов, когда согласиться не могла. Внутренние импульсы, неподвластные ее собственной воле, то и дело заставляли ее выкинуть что-нибудь этакое – устроить шумную и дорогостоящую вечеринку,

промчатся по шоссе с недозволенной скоростью, сорваться с места и улететь на пару дней на Багамы. Именно такие ее поступки чаще всего служили поводом для их ссор с Уэйдом.

Мелочи жизни. Так думала Келси раньше. Теперь она понимала, что ошибалась. Что, например, дала ей необдуманная, продиктованная минутным капризом поездка в Атланту?

Свободу, напомнила себе Келси и решила больше об этом не думать. Эта глава ее жизни была дописана и закрыта.

Когда Келси снова стала различать пейзаж, проносившийся за окнами «Ягуара», она с удивлением обнаружила, что они уже подъезжают к Блюмонту.

– Я думала, что мы едем ужинать.

– Так оно и есть. Ты любишь морскую кухню?

– Да. Здесь есть специализированные рестораны?

– Один или два, но мы поедем у меня дома. Я уже позволил туда и обо всем распорядился. Как ты посмотришь на меч-рыбу, зажаренную на вертеле, в лимонном соусе?

– Отлично. – Келси выпрямилась на сиденье, прислушиваясь к тревожным звоночкам, которые раздались у нее в голове. – Как ты догадался, что я соглашусь на твое предложение поужинать?

– Интуиция. – Гейб промчался по уже знакомой Келси дороге, въехал в металлические ворота и, сбросив скорость, начал подниматься вверх по подъездной аллее. – Кстати, перед тем как мы сядем за стол, ты можешь осмотреть дом.

Келси огляделась. Садовник Гейба постарался на славу. Клумбы были приведены в такой порядок, чтобы многолетние цветы могли без помех распуститься и этой весной. Несколько самых смелых нарциссов уже развернули свои желтые лепестки и, казалось, приветливо кивали Келси головами.

Странно, подумала Келси. Гейб не был похож на любителя выращивать нарциссы.

По обеим сторонам парадной двери были сделаны витражи из стеклянных панелей, образующих сложный геометрический орнамент. Освещенные изнутри, они сверкали и переливались, словно бриллианты, и Келси припомнила, что драматическое сочетание красного и белого – цвета шелковых костюмов его жокеев – тоже напоминало игру света в ограненных кристаллах.

– Как ты выбирал цвета для своих жокеев? – спросила она.

– Я собрал стрейт-флеш¹⁰ на бубнах, – Гейб открыл дверь и пропустил ее вперед. – От восьмерки до короля. Я купил десятку и валета, хотя шансов было ничтожно мало. В общем, люди еще расскажут тебе, каким образом мне досталась эта усадьба. Я выиграл ее в карты.

– В самом деле?

– Более или менее.

Келси шагнула в просторную прихожую-атриум, выло-

¹⁰ **Стрейт-флеш** – последовательность из пяти карт одной масти (старшая комбинация в покере).

женную плиткой. Потолки здесь вздымались на головокружительную высоту, а наверху виднелись узкие стрельчатые окна. Балконные перила второго этажа были сделаны из отполированной бронзы – как и ограждение ведущей наверх пологой лестницы. Вместительные глиняные горшки с цветами и ползучими лианами были подвешены к потолку.

– Вот это да!.. – выдохнула Келси.

– Не люблю тесных пространств, – откликнулся Гейб. – Сейчас я приготовлю нам что-нибудь выпить.

– Не откажусь. – Келси последовала за ним к высокой арке, ведущей в гостиную. Та, в свою очередь, соединялась с соседней комнатой при помощи такой же высокой стрельчатой арки. Сквозь стеклянные двери и окна в дом ломилась ночная темнота, но уже зажженные лампы своим мягким светом разгоняли ее.

В камине, сложенном из речного камня, потрескивал огонь. Перед камином был накрыт столик. На двоих, заметила Келси. В подсвечниках горели свечи, на белоснежной скатерти плясали оранжевые отсветы огня, в серебряном ведерке охлаждалось шампанское.

– Это интуиция подсказала тебе, что Наоми не сможет прийти? – спросила она.

– После скачек она обычно разговаривает с Моисеем час или два. – Гейб открыл бутылку шампанского с негромким, но торжественным хлопком. – Хочешь оглядеться или сначала поужинаем?

– Оглядеться, коль скоро я уже здесь. – Она приняла из рук Гейба шампанское, с удивлением отметив, что рядом с его тарелкой нет второго бокала. – А ты? Ты не празднуешь?

– Конечно, праздную. Просто я не пью. Может быть, начнем со второго этажа?

Он снова проводил ее в прихожую и повел вверх по лестнице. Прежде чем они попали в покои хозяина, Келси насчитала четыре спальни.

Комнаты Гейба располагались на разных уровнях – спальня находилась на три ступеньки выше гостиной. Сложенный из камня камин был устроен так, чтобы обогревать изножье огромной – размером с небольшое озеро – кровати. Над изголовьем в потолке был сделан прозрачный люк, сквозь который можно было наблюдать луну и звезды.

Как и во всем доме, здесь властвовала эклектичная смесь классики и модерна. На чиппендейлском столике стояла бронзовая абстрактная скульптура, пол был застелен пестрым персидским ковром, а в самом центре высился журнальный столик со столешницей неправильной формы из отполированного тика. Вазы из мейсенского фарфора стояли на полке чуть ниже картин, написанных в современной, свободной манере.

Келси немедленно потянуло к картинам. Даже с противоположной стороны комнаты она узнала кисть, которой принадлежали и картины в доме Наоми, а приблизившись, разглядела в углу холста инициалы художника – Н. Ч.

«Столько экспрессии, столько внутренней энергии и страсти в этих неистовых мазках, в этом резком противопоставлении беспримесных, почти примитивных красок», – подумала она, а вслух заметила:

– Не слишком ли для спальни?

– Нет, – возразил Гейб. – Здесь им самое место.

– Эн-че... – пробормотала Келси, снова обратившись к инициалам в уголке холста. – Неужели это рисовала Наоми?

– Да. Разве ты не знала, что она рисует?

– Нет. Никто не удосужился мне сказать. Она очень талантлива. Во всяком случае, я знаю нескольких агентов, которые на коленях умоляли бы ее продать эти полотна.

– Наоми бы тебя за это не поблагодарила. То, что она рисует, – все это очень личное.

– Любое искусство – вещь глубоко личная, – ответила Келси, отворачиваясь от картины. – И давно она занимается живописью?

– Нет. Но ты лучше спроси об этом у нее самой. Она расскажет тебе все, что тебе захочется узнать.

– Всему свое время. – Обходя комнату, Келси сделала крошечный глоток из своего бокала. – Не знаю, на что был похож этот дом до того, как попал к тебе в руки, но думаю, вряд ли он мог бы потягаться с твоим теперешним... обиталищем.

Она почувствовала себя свободнее и повернулась к Гейбу.

– Должно быть, соседи пришли в ужас, когда увидели, что возводят у них под боком?

– Не без того. – Гейб ухмыльнулся, как показалось Келси, не без самодовольства. – В радиусе двух десятков миль все были шокированы.

– А ты наслаждался этим вовсю.

– И снова – прямо в точку. Какой смысл иметь хорошую или дурную репутацию, если не можешь ей соответствовать в делах и поступках?

– А какой репутацией пользуешься ты?

– Дурной, дорогая Келси, самой дурной. Спроси любого, и тебе скажут, что находиться наедине со мной в спальне означает сделать первый шаг к гибели.

– От первого шага до окончательной гибели довольно длинный путь.

– Не такой уж он и длинный.

Пожав плечами, Келси залпом допила все, что оставалось в ее бокале.

– Расскажи мне о карточной игре.

– За ужином. – Гейб протянул руку. – Я очень люблю интимную атмосферу ужина у камина. Для меня это еще один шаг к краю пропасти.

Заинтригованная, Келси оперлась о его протянутую руку.

– Ты пока ничем не подтвердил свою дурную репутацию.

– Все еще впереди.

Внизу он снова наполнил ее бокал. За время их отсутствия слуги, которых Келси не видела и не слышала с тех пор, как вошла в дом, успели поставить на столик две тарелки с се-

ребрышками крышками, зажечь свечи и включить негромкую музыку. Келси узнала Гершвина.

– Так как насчет карточной игры?

– Хорошо. Что ты знаешь о покере?

– Я знаю, какая рука какую бьет. Во всяком случае, мне кажется, что знаю.

Келси положила в рот кусочек рыбы и зажмурилась от удовольствия.

– Эта рыба кладет ипподромные бутерброды на обе лопатки, – заметила она.

– Я передам повару, что ты так сказала. Так вот, о картах... Лет пять назад я участвовал в большой игре, в настоящем марафоне. Большие ставки, большой риск.

– Где-нибудь здесь?

– Не где-нибудь, а в этом самом доме. Который стоял на месте моего.

Келси прищурилась.

– Разве азартные игры в Виргинии не запрещены законом?

– Так позвони в полицию. Ты хочешь слушать или нет?

– Хочу. Итак, ты участвовал в большой незаконной игре в покер. Что было потом?

– Канингом попал в полосу неудач, и не только во время игры. Образно говоря, карта не шла ему вот уже несколько месяцев. Его лошади захромали и начали проигрывать. На протяжении целого года ни один из его жокеев не взял

ни одного призового места. У Билла накопилась целая куча неоплаченных долгов, и тогда – как и многие люди, которым хронически не везет, – он вообразил, что маятник скоро качнется в обратную сторону и он сможет поправить свои дела, если сделает один, всего один удачный ход.

– И он сел играть.

– Совершенно верно. В то время у меня была доля в одной резвой кобыле, которая хорошо гонялась. И я... – Гейб улыбнулся дьявольской улыбкой. – Я собрал стрейт-флеш на бубнах. Мне всегда хотелось иметь такую ферму, как эта, и я сел за стол, думая, что если мне удастся не проиграть своей ставки сразу, то я смогу набрать достаточно, чтобы прикупить еще одну лошадку. Ты следишь за моей мыслью?

– Звучит вполне разумно. С извращенной точки зрения, конечно.

«Безрассудно, – подумала Келси. – Безрассудно и... восхитительно».

– В конце концов ты выиграл гораздо больше, чем одну лошадь.

– Я не мог проиграть. Это был один из тех удивительных дней, когда все складывается удачно и безумно везет во всем. Если у него был фул-хаус, мне приходило каре. Если у него был стрит, мне приходил флеш. Но настоящие беды начались у Канингема тогда, когда он не сумел бросить игру вовремя. В конце концов он проиграл примерно шестьдесят – шестьдесят пять...

– Сотен? – нетерпеливо перебила Келси, и Гейб, очарованный такой наивностью, взял ее руку в свою и бережно поцеловал.

– Тысяч, дорогая моя, тысяч! Ему нельзя было их проигрывать, у него их просто не было. Наличными, во всяком случае. А он все повышал и повышал ставки и не пропустил ни одного кона.

– А ты, разумеется, приложил все усилия, чтобы привести его в чувство, – едко заметила Келси.

– Я сказал ему, что он делает ошибку. Он ответил, что все в порядке. – Гейб пошевелил плечами. – Кто я такой, чтобы спорить? К тому времени нас осталось всего четверо за столом, за которым мы провели часов пятнадцать, если не больше. Последний кон, начальная ставка – пять тысяч, никаких ограничений на повышение.

– Итого на кону было двадцать тысяч? Двадцать тысяч еще до того, как вы начали?

– И больше ста пятидесяти тысяч, когда остались только мы с Канингемом.

Вилка Келси остановилась на полпути ко рту.

– Сто пятьдесят тысяч долларов за одну партию?

– Он думал, что у него на руках выигрышная карта, и продолжал торговаться. Я повышал последним и положил в банк еще пятнадцать штук. Мне казалось, что так я положу конец его страданиям, но Канингем ответил тем же.

Келси медленно поднесла к губам бокал и отпила глоток,

чтобы промочить внезапно пересохшее горло. Она чувствовала себя так, словно сидела вместе с Гейбом за тем же столом, где от того, как ляжет карта, зависел проигрыш или победа.

– Это почти четверть миллиона долларов.

Гейб ухмыльнулся:

– Ты действительно быстро учишься. Мне было жаль его, но я погрешил бы против истины, если бы сказал, что не наслаждался моментом, когда выложил свой бубновый флеш против его каре. У него не было наличных, – Гейб подлил шампанского в ее бокал, – а имущества едва хватило бы, чтобы покрыть проигрыш, так что мы заключили сделку. Можно сказать, что Канингом поставил свою ферму и проиграл ее.

– И ты вышвырнул его вон?

Гейб слегка наклонил голову, разглядывая Келси.

– А как бы ты поступила на моем месте?

– Не знаю, – ответила Келси после недолгого размышления. – Но не думаю, чтобы у меня хватило духа вышвырнуть человека из его собственного дома.

– Даже если он сел играть на деньги, которых у него не было?

– Даже в этом случае.

– Значит, у тебя мягкое сердце. Мы заключили сделку, – снова сказал Гейб, – которая удовлетворила нас обоих. Благодаря тому, что я играл, не имея почти никаких шансов, я получил то, о чем мечтал всю жизнь.

– Хорошенькая история. Ты, наверное, познакомился с несчастным Биллом Канингеймом на ипподроме?

– Нет. Во всяком случае, это не была наша первая встреча. Я работал на него.

– Здесь? – Келси положила вилку на стол. – Ты здесь работал?

– Я прогуливал лошадей после тренировок, сгребал навоз, чистил сбрую. На протяжении трех лет я был одним из конюшенных мальчиков Канингейма. Тогда у него была неплохая конюшня. Разумеется, сами лошади его никогда особенно не интересовали – для него это были просто деньги. Что касается людей, которые за ними ухаживали, то о них Билл заботился еще меньше. Наши комнатки были не больше, чем собачья конура, – тесные, грязные, душные. Билл не верил, что можно получать отдачу от капитала, вложенного во что-то, что он считал ненужными усовершенствованиями.

– Но навряд ли ты денно и ночью думал о том, как бы отобрать у него дом и начать в нем жить.

– Да, подобные мысли нисколько не мешали мне спать по ночам. В конце концов я ушел от Канингейма и некоторое время трудился в «Трех ивах». Вот это настоящая коннозаводческая ферма. У старого мистера Чедвика был, что называется, подход; есть он и у твоей матери. Когда я уходил оттуда – мне было тогда семнадцать лет, – я мечтал о том, что в один прекрасный день я вернусь сюда с карманами, битком набитыми деньгами, и куплю либо «Три ивы», либо ферму

Канингема.

– И твоя мечта сбылась.

– Можно сказать и так.

– А чем ты занимался, пока... пока тебя здесь не было?

– Это уже другая история.

– Справедливо. – От еды и шампанского Келси слегка разомлела и сидела, опершись подбородком на руку. – Готова поспорить, ты ненавидел этот дом а-ля мыс Код.

– Каждый его камень, каждую балку и каждый гвоздь, – подтвердил Гейб.

Келси расхохоталась и, откинувшись на спинку кресла, снова взяла в руки бокал.

– Ты начинаешь мне нравиться, – заметила она. – Надеюсь, ты все это не выдумал.

– Не выдумал. Как насчет десерта?

– Я больше не могу. – Келси с шутливым стоном отодвинулась от стола и поднялась, чтобы обойти комнату. – Когда я впервые увидела твой дом, мне показалось, что он выглядит по-провинциальному вызывающе. Думаю, я была права.

Она на мгновение закрыла глаза.

– Последнее место, откуда можно было повернуть.

– Что?

– Ничего. – Келси тряхнула головой и подошла ближе к окнам. – Наверное, это особенное чувство – глядеть в окно, видеть все эти просторы и знать, что все это принадлежит тебе.

– А какой вид открывается из твоих окон?

– Вид на ресторан, на крошечный торговый центр с дорогим и безвкусным бутиком, а также на превосходную бакалею. Моя квартира совсем недалеко от центра Вашингтона. Я думала, что так мне будет удобнее.

Гейб подошел к ней сзади, положил на плечи руки и повернул лицом к себе.

– Но это оказалось не так.

– Нет. – Легкая дрожь охватила Келси, когда его руки поднялись вверх по ее шее.

– И что ты собираешься делать дальше?

– Я еще не решила.

Его ладони коснулись щек Келси, а пальцы запутались в волосах.

– Я решил.

Гейб наклонился к ней. Его губы оказались мягкими, осторожными, а поцелуй – легким, почти воздушным, дававшим обоим возможность отступить. Но Келси не отступила. Отступить ей не давали вкус его губ на ее губах и несильная, тупая, но явственная боль, порожденная ее желанием.

Она не отступила, она шагнула вперед и обвила руками его шею с безрассудством человека, бросающегося в пропасть. Их губы слились в горячем и страстном поцелуе.

Как много ощущений... Она уже забыла, что так может быть. А может, никогда и не знала. В их объятии не было ни сдержанности, ни робости. Наоборот, оно было неистовым,

диким, страстным, бросающим вызов негромкой музыке и неяркому пламени свечей. Какие бы мысли ни блуждали у нее в голове, Келси изгнала их все до единой, не оставив для Гейба ничего, кроме ощущения, запаха, вкуса, которые смешивались друг с другом, словно какой-то экзотический наркотик. Он должен был чувствовать напряжение ее тела, как она чувствовала на своем лице его учащенное дыхание, когда он с жадностью прижал ее крепче к себе. Его желание – острое, как отточенная сталь, – проглянуло сквозь маску светского лоска, которую обычно носил Гейб, и обнажило его безрассудную и дерзкую натуру.

Он отчаянно хотел дотронуться до нее. Его руки скользнули вниз, торопясь обогнать друг друга в стремительной гонке, где главным призом должно было стать обладание, и Келси выгнулась под его прикосновениями, так же сильно желая все большего, и большего, и большего... Скорее, скорее, хотела она поторопить Гейба, боясь, как бы он не замешкался и не дал ей возможности задуматься и найти все аргументы за или против.

Потом его рука скользнула по ее лицу, отводя волосы назад, за ухо. Точно таким же небрежным движением Гейб коснулся волос Наоми какой-нибудь час или два назад. Эта картина вспыхнула перед мысленным взором Келси, словно ослепительное солнце.

Стыд и ужас, охватившие ее, могли сравниться разве что с двумя жестокими и сильными ударами по лицу. Келси от-

шатнулась, жадно хватая ртом воздух.

– Не надо! – Она чуть не упала, когда Гейб снова потянулся к ней. – Не прикасайся ко мне.

Она все еще чувствовала на губах вкус его губ, все еще хотела его.

– Как ты мог? Как я могла?!

– Я хочу тебя, – хрипло произнес Гейб, сражаясь со своими инстинктами, которые повелевали ему броситься вперед и завладеть тем, что чуть было не досталось ему. – Ты нужна мне, а я нужен тебе.

Это было правдой, чистой, как родниковая вода, и Келси поспешила нанести ответный удар.

– Я не кобыла, которую можно стреножить и подготовить к употреблению. И я приехала сюда не затем, чтобы ты смог проверить, как много дочь унаследовала от матери.

– Поясни. – Гейб засунул руки глубоко в карманы, чтобы помешать им выйти из повиновения и начать действовать самостоятельно.

– Я не собираюсь ничего объяснять! Слава богу, у меня достаточно здравого смысла, чтобы не дать этому зайти слишком далеко. У тебя нет никаких представлений о порядочности.

Решительным движением головы Келси отбросила назад свои длинные волосы. Ярость, подпитываемая острым ощущением вины, не давала ей остановиться, и голос Келси хлестал его, словно бич.

– Что ты себе позволяешь, Слейтер? Или для тебя это просто игра? Завлечь к себе дочь, напоить-накормить, а потом посмотреть, так ли она хороша в постели, как и ее мать? А может быть, ты с кем-нибудь поспорил? Сколько ты поставил на меня, Слейтер?

Гейбу потребовалось несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями для ответа. Когда он наконец заговорил, ни лицо его, ни голос не выдавали охватившего его гнева.

– Ты думаешь, Наоми спит со мной?

– Я это знаю.

– Я польщен.

– Ты!.. Что ты за человек?!

– Ты не можешь этого даже представить, Келси. Я сомневаюсь, что в своем уютном и спокойном мирке ты когда-либо встречалась с такими, как я. – Он шагнул вперед и положил ладонь ей на затылок. Это был способ отомстить, ход слабый и бесчестный, но именно таким, слабым и подлым, Гейб ощущал себя в эти минуты.

Спина Келси непроизвольно напряглась, ее тело снова затрепетало.

– Убери свои руки! – выкрикнула она.

– Но тебе же нравится, когда я к тебе прикасаюсь, – негромко сказал он. – Сейчас ты просто боишься. Тебе нравится, но ты боишься. Ты думаешь, что тебе делать, если я потащу тебя наверх. Но зачем, черт побери, все эти трудности, если мы можем устроиться и здесь, на полу?

Его голос был спокойным, ровным, но в глазах горели опасные огоньки.

– Что ты будешь делать, Келси, если я овладею тобой прямо здесь, сейчас?

– Я сказала – убери руки! – Страх охватил ее с такой силой, что голос Келси дрогнул против ее воли.

Гейб увидел написанный на ее лице ужас. Она что-то кричала, и выражение страха не исчезло даже после того, как он отпустил ее и отступил назад. Как не желали улечься раздражение и гнев, вскипавшие внутри его.

– Я прошу меня извинить. – Несколько мгновений Гейб пристально изучал ее. Краска, которая несколько минут назад сбежала с ее лица, снова осветила румянцем ее безупречные скулы. – Ты слишком быстро выносишь приговор, Келси, но, поскольку ты уже все решила, мы не станем терять время, обсуждая твои фантазии и сравнивая их с реальностью. Я отвезу тебя домой.

Наоми как раз завязывала пояс своего халатика, когда входная дверь громко стукнула. Звук показался ей настолько резким, что она немного поколебалась, прежде чем выглянуть в коридор. Должна ли она расспрашивать Келси о том, что случилось? Наоми этого не знала. Если бы дочь жила с ней все эти годы, если бы они были близки хотя бы в период, пока она превращалась в девочку-подростка, если бы вместе прошли через все эти откровенные разговоры далеко за полночь, через споры, ссоры, триумфы и трагедии шестнадцатилетних, вот тогда она бы могла знать, как ей поступить.

Но сейчас Наоми растерялась. У нее не было никакого опыта, только интуиция. Шаги Келси послышались на лестнице, и Наоми решилась.

Она широко открыла дверь, уверенная, что ей удастся выглядеть и действовать естественно и небрежно. Никакого навязчивого любопытства, просто спросить, как прошел вечер, – и все. Но одного взгляда на лицо дочери оказалось достаточно, чтобы от этих намерений ничего не осталось.

– Что случилось? – Прежде чем кто-то из них успел обдумать, как действовать дальше, Наоми бросилась вперед и сжала руки Келси в своих. – С тобой все в порядке?

Келси, все еще вне себя от ярости, немедленно перешла в атаку.

– Как ты можешь иметь с ним дело, не говоря уже о...
Господи, ты сама чуть ли не упрашивала меня не отказывать ему!

– Гейбу? – Пальцы Наоми непроизвольно сжались. Гейбу она доверяла безоговорочно, слепо, но маленький женский страх уже проснулся у нее в груди. – Что он сделал?

– Поцеловал меня! – выпалила Келси и вспыхнула. На ее щеках вспыхнула яркая краска стыда – настолько ее слова не соответствовали тому, что в действительности произошло между ними.

– Поцеловал тебя, – повторила Наоми, чувствуя, как ее охватывают облегчение и что-то вроде радости. – И все?

– Тебе все равно? – Келси разочарованно отпрянула. – Я же говорю тебе – он поцеловал меня, а я его. Мы уже обнимали друг друга, и это кончилось бы... кончилось бы сексом, если бы я не вспомнила...

Вот как! – подумала Наоми. Если они не могут поговорить как мать с дочерью, может быть, им следует попробовать поладить как женщина с женщиной?

– Пойдем присядем.

– Я не хочу сидеть! – почти крикнула Келси, но тем не менее последовала за Наоми в ее спальню.

– Нет, мне не все равно. – Приводя в порядок свои мысли, Наоми опустилась на мягкий пуфик возле туалетного столика. – Я знаю, что ты, наверное, еще не совсем оправилась после своего развода, – продолжила она. – Но ведь ты теперь

свободна, и я не понимаю, почему тебе нельзя встречаться с кем-то другим.

Келси, расхаживавшая по спальне из стороны в сторону, резко остановилась и разинула рот.

– Я свободна? Я могу встречаться с кем-то другим? Да речь не обо мне! А о тебе.

– Обо мне?

– Что с тобой случилось?! – В истерическом голосе Келси прорвались оскорбленные нотки. Мысль о том, что женщина, с которой она находилась в таком близком родстве, может оказаться никчемной и поверхностной, почему-то ранила очень глубоко. – Где твоя гордость?

– Ну, – медленно сказала Наоми, – я не знаю, что ты имеешь в виду. Мне всегда говорили, что чего-чего, а гордости у меня хоть отбавляй. А какое отношение это имеет к нашему разговору?

– Я говорю тебе, что твой любовник хотел переспать со мной, а ты спрашиваешь, какое отношение!.. – взвилась Келси.

Губы Наоми некоторое время безмолвно шевелились, прежде чем она сумела повторить вслед за Келси.

– Мой любовник?..

– Я не понимаю, как ты позволяешь ему прикасаться к себе, – продолжала напирать Келси. – Ты знаешь его уже много лет и должна была уже разобраться, что он из себя представляет. О, да, он привлекателен, молод – этого у него не

отнимешь. Но у него нет ни капли совести, никаких понятий о чести!

Глаза Наоми сверкнули, а на скулах заиграли желваки.

– О ком ты говоришь?

– О Слейтере. – Келси едва сдержалась, чтобы не сорваться на крик. – О Габриэле Слейтере. Или у тебя много любовников?

– Только один. – Наоми сложила руки на груди и вздохнула, как показалось Келси, с облегчением. – И ты решила, что это, конечно, Гейб.

Она задумалась, потом, к огромному удивлению Келси, на ее губах появилась улыбка, и наконец Наоми не выдержала и расхохоталась.

– Прости меня, Келси, прости меня! Я знаю, что тебе не до смеха. – Она беспомощно прижимала ладони к животу, но продолжала смеяться. – Но это просто удивительно. Право, я польщена.

– Он говорил то же самое, – сквозь зубы процедила Келси.

– Правда? – Смеясь, Наоми вытерла выступившие на глазах слезы. – Ты хочешь сказать, что спросила Гейба, спит он со мной или нет? Господи, Кел, да ему едва перевалило за тридцать, а мне уже почти пятьдесят!

– Разве это что-то меняет?!

Наоми никак не могла успокоиться. Улыбка так и осталась на ее губах.

– Вот теперь я действительно польщена! Ты действитель-

но поверила, что такой красивый – бог свидетель, он действительно очень красив, – такой горячий и молодой мужчина может интересоваться мною?..

Келси рассматривала Наоми со всем вниманием, на какое была способна в своем состоянии. Она отметила и классические черты лица, и гибкое, молодое тело под легким белым халатом.

– Я не имела в виду романтическое увлечение, – произнесла она как можно спокойнее.

– Понятно. – Наоми кивнула, стараясь справиться с собой. – Значит, ты решила, что между Гейбом и мной существует любовная связь? И в первую очередь – связь физическая? – Наоми поджала губы. – С каждой минутой я чувствую себя все моложе и моложе.

– Прежде чем ты начнешь все отрицать, позволь мне, пожалуйста, сказать тебе две вещи. – Келси вздернула голову и посмотрела на мать сверху вниз. – Во-первых, мне нет дела до того, с кем ты спишь. Будь у тебя хоть двадцать любовников, мне это безразлично. И во-вторых, я слышала, как ты... слышала вас вчерашней ночью. С ним.

– Ой! – выдохнула Наоми и, зардевшись как маков цвет, прижала ладони к щекам. – Как неловко получилось.

– Неловко? – воскликнула Келси. – Это – неловко?

Наоми, поняв, что ей пора начать говорить ясно и определенно, подняла руку.

– Давай разберемся с твоими заявлениями по порядку.

Во-первых, несмотря на то, что ты думаешь, – или на то, что тебе внушили, – я никогда не была неразборчива в связях. Ты можешь мне не верить, но твой отец был моим первым мужчиной. И до тех пор пока меня не выпустили из тюрьмы, – а если точнее, то на протяжении еще двух лет после этого, – у меня никого не было. Потом появился он. С тех пор этот человек является моим единственным любовником.

Наоми встала, так что теперь они с Келси оказались лицом к лицу.

– Если это правда, – заявила Келси, – тем хуже. Как ты можешь равнодушно относиться к тому, что он обманывает тебя с другими?

– Ни один мужчина не сможет изменить мне больше одного раза, – произнесла Наоми так, что Келси не только сразу же ей поверила, но и поняла. – Прошлой ночью со мной в спальне был вовсе не Гейб. Это был Моисей.

Келси лишилась дара речи. Запал ее неожиданно прошел, и она бессильно опустилась на скамеечку.

– Моисей. Твой тренер...

– Да. Мой тренер, мой старый друг, мой любовник.

– Но Гейб... Он же все время хватает тебя руками!

– В таких случаях обычно говорят – «он мой старый друг».

Но это на самом деле так. Если не считать Мо, Гейб мой самый близкий и верный друг. Мне очень жаль, что ты не поняла...

– Господи! – Келси крепко зажмурила глаза. Все, что она

наговорила, внезапно обернулось против нее, и теперь Келси чувствовала такое унижение, какого не испытывала, наверное, никогда в жизни.

– Господи! – повторила она. – Теперь понятно, почему он так рассердился.

Наоми, рискуя быть отвергнутой, осторожно погладила Келси по голове.

– Ты ни о чем его не спрашивала? – мягко спросила она.

– Нет. – Ее собственные слова возвращались к ней и жалили, как пули. – Нет. Я была слишком уверена. И еще мне было стыдно, что он заставил меня так забыть, хотя бы на несколько минут. Я никогда... только с Уэйдом... В общем, это неважно, – быстро сказала она. – Сгоряча я наговорила ему целую кучу гадостей.

– Твое положение было довольно сложным. Хочешь, я позвоню ему и все объясню?

– Нет. Утром я сама поеду туда и извинюсь перед ним лично.

– Тебе это отвратительно? Я имею в виду – извиняться?

– Почти так же отвратительно, как быть неправой, – призналась Келси, которой всегда было непросто переступить через собственную гордость. – Мне очень жаль.

– Не жалей ни о чем, Келси, особенно если это касается меня. Ты вступила в мир незнакомых людей, доверившись твоим собственным чувствам и понятиям.

– Изобретаешь мне оправдания?

– Я твоя мать, – тихо сказала Наоми. – Возможно, со временем мы обе к этому привыкнем. А теперь иди поспи. И если завтра тебе не захочется одной предстать перед львом в его клетке, я поеду с тобой.

Но Келси поехала одна. Для нее это был вопрос самоуважения. Сначала она хотела отправиться на ферму Гейба на машине, но это было бы чересчур быстро, а Келси – несмотря на то, что пролежала без сна большую часть ночи, – так и не сумела найти подходящих слов и не решила, какой тон выбрать.

Поэтому она попросила подобрать ей подходящую лошадь. Поездка верхом помогла бы ей освежить голову и успокоить взвинченные нервы.

Она нашла Моисея в конюшне, где он втирал мазь в шею чалого жеребца, но не решилась подойти к нему сразу. Как ей теперь к нему относиться, зная, что он – любовник Наоми?

Несколько секунд Келси просто стояла, наблюдая за ним. Руки у Моисея были широкими в кисти, темными от загара, но удивительно нежными. На запястье он носил кованый медный браслет, а в лежащей на спине толстой косе черных волос было столько же, сколько и седых. Лицо его никто не назвал бы красивым – главным образом из-за внушительного носа и обветренной, грубой кожи, но Келси сказала бы, что оно и не из заурядных. Тело тренера выглядело жилистым, крепким, с той звериной гибкостью и грацией, которые от-

личали и Гейба.

– Трудно поверить, не так ли? – В голосе Моисея прозвучали довольные нотки. Оборачиваться, чтобы прочесть в глазах Келси удивление, ему не было особенной нужды.

Келси смущенно кашлянула.

– Такая красивая женщина, богатая, из хорошей семьи, и такой недомерок-полукровка, как я... – Он отставил в сторону склянку с мазью и пододвинул поближе к себе большую миску с водянистой овсяной кашей.

– Не могу судить тебя за это. Она сама то и дело меня удивляет.

– Почему? Наоми считает, что я тоже должен был знать... что она рассказала тебе о нас.

Келси поморщилась и потерла лицо рукой. Она-то считала, что все уже позади, но Моисей снова поверг ее в смущение.

– Мистер Уайттри...

– Моисей. Зови меня просто Моисей или Мо. Учитывая существующее положение вещей... Ну, ну, мальчик, давай! – Он принялся кормить жеребца кашей. – Попробуй же! Будешь есть понемножку за раз, и все будет в порядке.

Он помолчал, потом заговорил снова:

– Я влюбился в нее, как только нанялся сюда на работу конюхом. Твоей матери было тогда лет восемнадцать. Должен сказать, за всю свою жизнь я не встречал второй такой женщины. Но, разумеется, я не рассчитывал, что она обра-

тит на меня внимание. С какой стати?

Келси продолжала следить за тем, как Моисей пытается накормить жеребца овсяной болтушкой, и видела его доброту, силу, мягкую настойчивость.

– Мне кажется, я ее понимаю, – заметила она наконец и, неопределенно помахав в воздухе рукой, шагнула в бокс, остановившись рядом с Моисеем. – Что с ним такое?

– Ларингит.

– Ларингит? Разве лошади болеют ларингитом? И как это определить?

– Смотри... – Моисей взял ее руку в свою и заставил провести по горлу лошади. – Чувствуешь – припухлость?

– Да. Бедняжка... – Ласково приговаривая, Келси несколько раз погладила животное по шее. – Это серьезно?

– Может быть серьезно. При сильном ларингите лошадь может запросто задохнуться от недостатка воздуха.

– Умереть? – Келси в тревоге прислонилась щекой к щеке коня. – От большого горла?

– Для тебя это больное горло, но у лошадей все иначе. Он поправится, правда, малыш? Видишь, он еще даже не может ничего есть, кроме болтушки и чая из льняного семени.

«Чай для лошади! Подумать только!»

– А не нужно его показать ветеринару?

– Нет, если только не станет хуже. Мы держим его в тепле, даем подышать парами эвкалипта, три-четыре раза в день мажем язык камфарой. Теперь он уже даже не кашляет, а это

хороший признак.

– Какую часть работы ветеринара вы здесь выполняете сами? – поинтересовалась Келси.

– Мы зовем Мэтта, только если не можем справиться сами.

– Я думала, что тренер должен только готовить лошадей к скачкам.

– Тренер должен делать все. Иногда даже может показать, что в списке его обязанностей непосредственно лошади занимают весьма скромное место. Проведи как-нибудь со мной денек – сама увидишь.

– Мне бы очень этого хотелось.

Моисей озадаченно поглядел на нее. Он предложил это просто так, отнюдь не рассчитывая на то, что Келси согласится.

– Я начинаю задолго до рассвета.

– Я знаю. Возможно, я буду тебе только мешать, но мне хотелось бы что-нибудь делать... пока я здесь. Например, чистить стойла или приводить в порядок упряжь. Конечно, я не рассчитываю, что мне доверят самих лошадей, но я терпеть не могу ничего не делать.

«Дочь своей матери, – подумал Моисей. – Ну что ж, посмотрим...»

– Здесь всегда найдется какая-нибудь работа, – сказал он. – Когда ты хочешь начать?

– Сегодня во второй половине дня или завтра с утра. Сей-

час я должна сделать одно дело. – При мысли о том, что ей предстоит, настроение Келси заметно упало. – Откровенно говоря, я предпочла бы кидать навоз, но другого выхода нет.

– Приходи, когда освободишься.

– Хорошо. Кстати, я хотела спросить, нельзя ли мне взять какую-нибудь лошадь? Я умею ездить верхом.

– Ты – дочь Наоми. Это значит, что ты умеешь ездить верхом и не должна спрашивать разрешения, чтобы взять лошадь.

– И все-таки я предпочитаю спросить.

– Ладно, оседлаем тебе Юпитера, – решил Моисей. – Он тебе подойдет.

Чалый жеребец очень любил бегать. Три года назад он вышел в отставку, но так и не смирился со своим новым положением просто верхового животного. Впрочем, довольно часто его использовали для того, чтобы выводить участников скачки на трек во время парада, и Юпитер выполнял свои новые обязанности с величавым достоинством, хотя он, конечно, предпочел бы мчаться по кругу с развевающейся гривой.

Как сообщил Келси Моисей, Юпитер никогда не был чемпионом, но не был он и заурядной лошадью, ибо на протяжении своей долгой карьеры регулярно брал призовые места, принося немалый доход.

Впрочем, Келси было все равно. Она не возражала бы,

даже если бы Юпитер заканчивал каждую скачку последним. Пока Келси скакала через холмы, лошадь под ней двигалась, словно хорошо смазанный механизм, играючи одолевая подъемы, послушно отзываясь на шенкеля и плавно переходя с шага на небыстрый и плавный галоп. Судя по всему, конь – как и Келси – был счастлив мчаться утренними полями наперегонки с игривым ветром.

Скакать верхом было удовольствием, которого – Келси только сейчас осознала это – она так долго была лишена. И она пообещала себе, что и впредь обязательно будет находить время для верховых прогулок вне зависимости от того, как сильно будут болеть нетренированные мускулы. Даже уехав с фермы, она обязательно постарается выкраивать время на это удовольствие.

Может быть, она даже оставит свою квартиру и уедет из города. На данный момент Келси не видела причин, почему бы ей не купить свое собственное маленькое ранчо и лошадь. Разумеется, лошадь придется где-то содержать и учить, но все это можно устроить. Если она теперь же начнет брать уроки у Моисея, то впоследствии и сама сможет работать в стойле.

Пока же Келси большими глотками пила прохладное вино ранней весны, ловила в воздухе запахи молодой травы и другой растительности, уже очнувшейся от зимней спячки, но еще не набравшей полную силу. Ну почему, почему она вбила себе в голову, что всю свою жизнь она должна торчать

в пыльной конторе или художественной галерее, когда можно жить на свежем воздухе и заниматься простым физическим трудом просто ради радости, которую он приносит?

Келси откинула назад волосы и засмеялась, когда Юпитер грациозным прыжком преодолел неширокий ручей и взбежал по косогору.

Потом она слегка натянула поводья, заметив раскинувшиеся внизу постройку.

«Рискованное дело». Наклонившись вперед, она потрепала Юпитера по шее и стала разглядывать ферму. Поездка верхом принесла Келси удовольствие, но не решила главную проблему. Она по-прежнему не имела никакого понятия о том, как ей разговаривать с Гейбом.

– Ладно, – пробормотала она. – Там будет видно.

Гейб еще издали увидел, как Келси спускается с гребня холма. Он остался стоять там, где стоял, возле изгороди, следя за тем, как годовалый жеребенок работает на лонже. Со вчерашнего вечера Гейб так и не сумел успокоиться окончательно, но, глядя на то, как Келси подъезжает ближе – прямая, стройная, верхом на золотистом и величественном чистокровном скакуне, – он понял, что хочет ее не меньше, чем вчера.

Гейб глубоко затянулся своей сигарой и лениво выдохнул дым. Он ждал.

Спешившись, Келси взяла Юпитера под уздцы и пошла к Гейбу, размышляя о том, что ей, пожалуй, следовало вы-

глядеть более несчастной и виноватой. Впрочем, прошлые несчастья никогда не казались ей особенно значительными, особенно по сравнению с несчастьями будущими.

– Ты хорошо едешь, – заметил Гейб вместо приветствия. – Такому ветерану, как этот, нужна твердая рука.

– Всегда этим отличалась, – ответила Келси, машинально поправляя волосы. – Я бы хотела поговорить с тобой, если у тебя найдется несколько минут.

– Пожалуйста.

«Почему он должен облегчать мне жизнь?» – подумала Келси, прилагая все силы, чтобы справиться с собственной гордостью.

– Я бы хотела поговорить наедине.

– Хорошо. – Он взял из ее рук поводья и знаком подозвал грума. – Займись стариной Юпитером, Кип.

– Да, сэр.

Повернувшись, Гейб пошел прочь от загона, и Келси пришлось идти широким шагом, чтобы поспеть за ним.

– У тебя здесь так хорошо все устроено, – польстила она. – Очень похоже на «Три ивы».

– Хочешь купить?

– Нет. – Келси слегка обиделась и оставила попытки завязать непринужденную беседу. – Я понимаю, что ты занят, и не отниму у тебя много времени, – сухо пообещала она и сердито замолчала, не проронив ни одного слова до тех пор, пока они не дошли до застекленной задней двери усадьбы.

За дверью оказались самые настоящие тропики. Сочные темно-зеленые растения, высаженные в кадучки и горшки, цвели яркими цветами и купались в солнечном свете, попадавшем внутрь сквозь стеклянную крышу. В середине оранжеи блестел водой овальный бассейн, выложенный голубой плиткой.

– Как красиво! – в восторге воскликнула Келси и провела пальцем по мясистому листу пламенеющего гибискуса. – Вчера вечером ты ни словом не обмолвился о том, что у тебя есть бассейн.

– Мне показалось, что тебе было не до экскурсий, – сдержанно ответил Гейб, усаживаясь в полосатый шезлонг. – Итак, мы одни.

Келси посмотрела на дымок от его сигары, который, курчавясь, поднимался к потолку, где лениво вращалось несколько больших вентиляторов.

– Я приехала, чтобы извиниться.

Никакие другие слова не дались бы ей с большим трудом.

– За что? – Гейб слегка приподнял бровь.

– За... за мой вчерашний поступок.

Словно в раздумье Гейб стряхнул пепел в серебряное ведро с песком.

– Вчера вечером ты совершила довольно много самых разных поступков. Не могла бы ты выразаться точнее?

Он дразнил ее, но Келси, растерявшись, попалась на удочку.

– Ты негодяй, Слейтер! Хладнокровный, наглый негодяй!

– Для своих извинений, Келси, ты вряд ли могла бы найти слова более подходящие.

– Но я же извинилась! Извинилась, хотя, признаюсь честно, сделать это мне было нелегко. Если ты не хочешь принять их, значит, у тебя нет никаких представлений о порядочности.

– Как ты правильно заметила вчера вечером, мне действительно недостает порядочности и хороших манер. – Гейб лениво вытянул вперед скрещенные ноги. – И твое внезапное обращение из одной веры в другую, как я полагаю, объясняется разговором с Наоми, которая наставила тебя на путь истинный.

В ответ Келси лишь повыше вздернула подбородок. Для нее это был единственный способ защититься.

– Ты мог бы сам сказать мне, как обстоит дело.

– А ты бы мне поверила?

– Нет! – Келси снова воспламенилась и в ярости отвернулась от него. – Но ты все равно мог бы попытаться... Ты должен был понять, каково это – думать так, как я думала, и... и...

– И?..

– Оказаться в твоих объятьях! – Келси буквально выплюнула эти слова, снова повернувшись к нему лицом. – Я не буду отрицать это – я сама бросилась к тебе на шею. Я не думала... не могла ни о чем думать. Здесь, конечно, нечем

гордиться, но я не стану притворяться, будто во всем виноват только ты. В конце концов, у меня есть свои собственные желания, побуждения, и – черт возьми! – я не какая-нибудь ледышка!

Гейб затруднялся сказать, что поразило его больше. неожиданный пыл, с которым она произнесла эти последние слова, или же слезы, заблестевшие в ее глазах.

– В этом меня убеждать не надо, – сказал он негромко. – Но почему тебе вздумалось убеждать в этом себя?

Сбитая с толку, Келси с трудом справилась со слезами.

– Дело не в этом, – пояснила она. – Дело в том, что я совершила большую ошибку. Я сказала тебе слова, которых ты не заслуживал, и я об этом сожалею. – Она запустила в волосы пальцы обеих рук и, слегка приподняв, снова опустила. – Господи, Гейб, я думала, что накануне вечером ты был в комнате Наоми. Я слышала...

– Моисей? – закончил за нее Гейб.

Келси со вздохом закрыла глаза.

– Дурак всегда узнаёт обо всем последним. Я думала, что это ты, и мысль о том, что после нее ты перейдешь ко мне... что я позволю тебе... – Она снова не договорила. – Извини меня.

Солнце позолотило ее волосы, сожаление заставило потемнеть глаза... Келси выглядела такой красивой, такой привлекательной, что Гейб едва не вздохнул сам.

– Ты знаешь, поначалу я сильно разозлился на тебя. Еще

сегодня утром я продолжал злиться – так мне казалось проще и, в каком-то смысле, безопаснее. – Гейб поднялся с кресла и подошел к ней. – Ты выглядишь усталой, Келси.

– Я плохо спала.

– Я тоже. – Он поднял руку, чтобы дотронуться до ее щеки, но Келси сделала шаг назад.

– Не надо, ладно? – Она замялась. – Эти слова звучат совершенно по-идиотски, и я знаю, что я сама круглая дура, что говорю их тебе, но... Просто я все еще в таком состоянии, что меня можно легко ранить. А ты, похоже, снова меня заводишь.

Гейб с трудом подавил стон, готовый сорваться с его губ.

– Спасибо, что поделилась со мной своими тревогами, дорогая. Это, безусловно, поможет мне уснуть сегодняшней ночью. «Не прикасайся ко мне, Гейб, иначе я могу снова броситься тебе на шею».

Келси невольно улыбнулась.

– Что-то в этом роде. Может быть, нам стоит попробовать начать сначала? – Она протянула ему руку: – Друзья?

Гейб посмотрел на ее руку, потом поднял взгляд и заглянул прямо в глаза.

– Не думаю. – Продолжая смотреть на нее, он приблизился еще на один шаг.

– Послушай... – Келси поспешно отступила, чувствуя, как преступный жар снова начинает разливаться по ее телу. – Я не могу... не хочу никаких отношений, во всяком случае,

сейчас. В моей жизни это не самый легкий период, и...

– Очень жаль. Лично я доволен своей жизнью. На данном отрезке времени.

– Говорю тебе... – Келси сделала еще шаг назад, и нога ее неожиданно нащупала пустоту. Прежде чем удариться о воду бассейна, Келси успела заметить улыбку в глазах Гейба – спокойную и даже удовлетворенную, и тем не менее Келси уловила в его взгляде тревогу.

Вынырнув, она отвела со лба мокрые волосы.

– Ты мерзавец!

– Я тебя не толкал, – возразил Гейб. – Не скрою, мне хотелось это сделать, но все же я удержался.

Он наклонился к воде и протянул руку, чтобы помочь ей выбраться.

Глаза Келси непроизвольно вспыхнули. Ухватившись за его руку, она с силой потянула Гейба на себя. С тем же успехом она могла пытаться сдвинуть с места секвойю.

– Никогда не блефуй, Келси. – Гейб просто-напросто выпустил ее руку, и Келси снова ушла под воду. На этот раз она отнеслась к вынужденному купанию философски и сама вскарабкалась на бортик. Села.

– Хороший у тебя бассейн.

– Мне нравится. – Скрестив ноги по-турецки, Гейб уселся рядом с ней. – Заходи как-нибудь поплавать по-настоящему.

– Спасибо, я уже.

– Здесь очень хорошо купаться зимой. Чувствуешь себя

как-то по-особенному, когда снаружи идет снег.

– Могу себе представить. – Келси не торопясь отжала мокрые волосы, потом неожиданно плеснула водой ему в лицо. – Получай!

Гейб перехватил ее руку, прижал к губам мокрую ладонь и поцеловал.

– Получай, – эхом откликнулся он.

Келси поднялась на ноги, чувствуя, как сердце отчаянно колотится в груди.

– Мне нужно возвращаться.

– Ты вся вымокла.

– На улице тепло. – Она с трудом подавила желание снова отступить, когда Гейб легко поднялся с пола прямо из сидячего положения. – Чудесная погода, почти хрестоматийный весенний денек.

Гейб мимолетно подумал о том, отдает ли Келси себе отчет, насколько она очаровательна и желанна в моменты, когда волнуется.

– Я отвезу тебя домой.

– Не стоит. Мне хочется проехаться верхом, ведь я уже почти забыла, как это здорово. Нужно пользоваться возможностью, пока я здесь, и потом... – Келси прижала ладонь к высоко вздымающейся груди. – О боже, мне надо держаться от тебя подальше!

– Ничего не выйдет. – Гейб потянул руку и, поймав ее согнутым пальцем за штрипку джинсов, подтянул на дюйм

ближе к себе. – Ты нужна мне, Келси. И – рано или поздно – я тебя получу.

У Келси перехватило горло, и она с трудом выдохнула:

– Может быть.

Гейб ухмыльнулся.

– Может, поспорим? – Он выпустил ее и кивнул. – Идем, в конюшне я найду тебе какую-нибудь куртку.

Келси торопилась. Через десять минут она уже галопом скакала в сторону «Трех ив». Гейб дождался, пока она скроется за гребнем холма, и только потом отвел взгляд.

– Хороша кобылка, ничего не скажешь.

Звук этого голоса был для Гейба словно нож, поворачивающийся в ране, словно внезапный укус змеи, от которого невозможно защититься. Но и испугать его, заставить вздрогнуть было не так-то просто. Когда Гейб повернулся к отцу, лицо его представляло собой ничего не выражающую маску.

Он сразу же отметил, что Рик Слейтер почти не изменился. У него всегда был собственный стиль. Может быть, он больше пристал странствующему коммивояжеру – продавцу «болеутолителя» или средства от выпадения волос, – но все же это был стиль. Слейтер-старший был крупным, широкоплечим мужчиной с длинными и сильными руками. Аккуратный габардиновый костюм сидел на его фигуре довольно ловко, плотно облекая широкую грудную клетку; ботинки

сияли зеркальным блеском; блестящие черные волосы под мягкой фетровой шляпой были коротко подстрижены.

Он всегда привлекал к себе внимание и умело пользовался этим. Пронзительный взгляд голубых глаз, живая улыбка – все это способно было легко очаровать доверчивого человека. Словом, все было точно так же, как и шесть лет назад, когда Гейб в последний раз виделся с отцом. Но он лучше других знал, на что следует обращать внимание в первую очередь.

Морщины на лице Рика Слейтера стали глубже, и их уже не могли разгладить ни притирания, ни молитвы, но глаза – как и шесть лет назад, как и всю жизнь – блестели неестественным блеском, а нос и щеки покрывали многочисленные красные следы лопнувших капилляров. Рик Слейтер оставался верен себе, неизменно пребывая во хмелю. И никто, похоже, не помнил его другим.

– Что тебе надо?

– Так-то ты встречаешь своего старика? – Рик сердечно рассмеялся и, словно по ковровой дорожке, сделал несколько шагов навстречу сыну и заключил его в объятия. При этом Гейб безошибочно уловил запах виски, который отец пытался заглушить «двойной мятной».

Комбинация этих двух запахов неизменно вызывала у него тошноту и отвращение.

– Я спросил – что тебе надо?

– Да ничего. Просто приехал посмотреть, как ты тут по-

живаешь, сынок. – Отпуская Гейба, он хлопнул его по спине, даже не покачнувшись при этом. Рик Слейтер – он сам любил это повторять – умел контролировать себя.

Но только пока дело не доходило до второй бутылки. А вторая бутылка обязательно оказывалась наготове, когда заканчивалась первая.

– На этот раз ты сделал это, Гейб. Попал в десяточку. Больше не нужно играть в кости на грязных улочках и сшибать мелочь у приятелей, верно я говорю?

Гейб взял отца двумя пальцами за рукав и брезгливо отстранил от себя.

– Сколько?

Глаза Рика сверкнули, но он притворился обиженным.

– Разве не может отец просто взять и навестить своего сына? Почему ты думаешь, что я явился за подачкой? В последнее время мои дела шли совсем неплохо. В одном месте на Западе я даже сорвал банк, потом по маленькой играл на бегах, совсем как ты. – Рик снова рассмеялся, но в уме продолжал оценивать и подсчитывать стоимость того, что он видел вокруг. – Но все равно я не хотел бы жить твоей жизнью. Ты же знаешь меня, парень, я привык быть вольной пташкой, одна нога здесь – другая там, только меня и видели.

Он достал сигарету, щелкнул позолоченной зажигалкой, на которой была выгравирована его монограмма.

– Так кто эта сексуальная блондинка? Насчет баб ты всегда был малый не промах. – Он похабно подмигнул. – Да они

и сами на тебя бросались.

Гейб почувствовал, как кровь забурлила в жилах, но сдержался.

– Сколько ты хочешь на этот раз? – сквозь зубы процедил он.

– И цента не возьму, говорят тебе.

«Центами от меня не отделаешься, – подумал Рик про себя, глядя на ближайший загон, где конюх все еще работал с жеребенком. – Человек с парочкой таких лошадей может устроить сенсацию на скачках. Настоящую сенсацию. Нет, центы мне не нужны – мне нужно больше, гораздо больше».

– Прекрасный жеребенок, – заметил он небрежно. – Я помню времена, когда лошади на треке интересовали тебя гораздо больше, чем игра.

И всякий раз, припомнил Гейб, тяжелая рука отца поднималась, чтобы выбить «из головы дурь».

– Мне некогда обсуждать с тобой достоинства моих лошадей, – сказал он. – Я должен работать.

– Когда человек обладает таким богатством, как ты, ему не надо работать, – возразил Рик и с горечью подумал: «И потеть. Потеть от страха или стыда, выпрашивая подачку у малознакомых людей». – Впрочем, я не собираюсь тебя задерживать. Просто я намерен некоторое время пожить в этих местах, встретиться с кое-какими старыми друзьями. – Он выпустил изо рта клуб дыма и улыбнулся. – И поскольку все мои друзья живут где-то поблизости, я не прочь на несколь-

ко дней остановиться в этом твоём чудном домишке. Погостить, так сказать.

– Я не хочу, чтобы ты жил в моем доме. И не хочу, чтобы ты ходил по моей земле.

Улыбка Рика погасла.

– Не желаешь со мной знаться, да? Начал шикарно одеваться и забыл, откуда пробился наверх? Ты трущобный кот, Гейб! – Он уперся пальцем в грудь сыну. – И всегда им будешь. Пусть ты живешь в шикарном доме и трахаешь шикарных женщин – все это не имеет значения. А может быть, ты забыл, кто давал тебе крышу над головой и набивал едой твое брюхо?

– Я не забыл, как спал на пороге и ходил голодным, потому что ты пропивал все те жалкие гроши, ради которых мать с утра до вечера гнула спину, – резко возразил Гейб и отвел взгляд.

Он не хотел вспоминать. Он ненавидел эти воспоминания, которые следовали за ним по пятам, словно его собственная тень.

– Я не забыл, как мы тайком выбирались из какой-нибудь вонючей комнатенки, потому что у нас не было денег заплатить за аренду. Как видишь, я многое помню. Я помню даже, что моя мать умерла в приюте, харкая кровью.

– Я изо всех сил старался помогать ей.

– Ты старался высосать из нее последние соки. Так сколько я должен заплатить, чтобы ты исчез?

– Мне нужно где-то остановиться. – В голосе Рика слышались хныкающие нотки; так бывало всегда, когда – по той или иной причине – он начинал утрачивать контроль над собой. Вот и сейчас, не в силах справиться с собой, он потянул из заднего кармана припасенную фляжку. – Всего на несколько дней, Гейб.

– Здесь для тебя нет места. И никогда не будет.

– Господь всемогущий! – Рик сделал из фляги богатырский глоток, потом еще один. – Скажу тебе прямо, сынок: у меня неприятности. Кое-какие недоразумения во время игры в Чикаго. Я играл в паре с одним парнем, но он скурвился.

– Иными словами, ты передернул, тебя застукали, и теперь кто-то разыскивает тебя, чтобы разбить коленные чашечки.

– Хладнокровный, равнодушный сукин сын! – Фляжка явно была из второй бутылки, и Рик уже почти ее прикончил. – Не забывай, что и ты кое-чем мне обязан. Мне нужно отлежаться где-то, хотя бы несколько дней, пока все уляжется, можешь ты это понять?

– Только не здесь.

– Ты хочешь вышвырнуть меня вон, и пусть они меня убивают?

– О да, – отозвался Гейб с улыбкой, в которой не было ни капли веселости. – Но я дам тебе равные с ними шансы. Пять тысяч позволят тебе на некоторое время лечь на дно и не отсвечивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.